

Иван Гобзев

ЗОНА ПРАВДЫ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Иван Александрович Гобзев

Зона Правды

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=40622841

SelfPub; 2019

Аннотация

В будущем переселение душ станет доказанным научным фактом. Можно узнать, кем ты был в прошлой жизни и с определённой долей вероятности попытаться угадать, кем будешь в следующей. Можно даже послать себе подарок из прошлого. Например, букет цветов. Правда, к тому моменту, когда ты его получишь, он уже наверняка засохнет. Но что такое "душа", которая переселяется из тела в тело? Ответ на вопрос найдётся в загадочной "Зоне Правды". Роман был впервые опубликован в 2013 году в издательстве "Литературная Россия". Содержит нецензурную брань.

Содержание

Приятный подарок и ветер перемен	4
Ложь и правда	12
Явь и сон	25
Романтическое приключение	37
Фигуры и каприччо	55
Жар и холод	67
Любовь и война	83
Первое откровение	93
Встреча и забвение	103
Пир и море	117
Таинственное послание	135
Роковое свидание и остров Истины	152
Новая жизнь	165
Знакомство с Зоной и первая консультация	179
Смерть и рождение	193
Пытки во благо и допросы об истине	206
Таинственный незнакомец и демоны	215
Самая первая ложь	225
Повышение и спор с демоном	248
Учитель и его ученики	258
Возвращение домой	280

Приятный подарок и ветер перемен

Всегда приятно, когда тебе дарят цветы. Даже, если ты мужчина. Есть, конечно, в этом некоторая неловкость, мужчине принимать цветы, ведь цветы принято дарить женщинам. Люди в таких случаях смотрят на тебя косо, в силу своей испорченности. И ты сам начинаешь стесняться, вдруг усматривая что-то стыдное там, где ничего стыдного на самом деле нет – тоже в силу своей испорченности. Так думал Дмитрий, стоя в растерянности с букетом в руках у сейфа. Но в комнате он находился один и стесняться было некого. Мелькнуло, правда, подозрение, что здесь ведётся видеонаблюдение и он на всякий случай принял глубокомысленное выражение, оглянулся по сторонам, как будто ищет чего-то и с удивлением посмотрел на букет. Хотя, – подумал он, – если наблюдение и ведётся, то какими-нибудь скучающими охранниками, которым глубоко наплевать, что он там делает. Он устыдился своей глупой игры перед воображаемой камерой и вернулся мыслями к букету. Ему только что подарили маленький высохший веник, оставшийся от когда-то прекрасного букета цветов. Сложно было установить, что это за цветы, и запах от них исходил неопределённый едко-сладковатый. Несмотря на странность ситуации, ему понравилось

впервые в жизни получить в подарок букет. Не испортило впечатление даже то, что эти цветы ему отправил мужчина. Тем более, этот мужчина уже давно был мёртв.

С тех пор как метемпсихоз стал научным фактом, люди успели свыкнуться с ним и перестали удивляться сведениям о своих прошлых жизнях. Дима помнил, что поначалу власти пытались скрывать доказательства переселения душ, ожидая, что это вызовет бурю в обществе. Но информация постепенно просачивалась и провоцировала много разговоров, и в итоге пришлось официальным лицам сделать публичное заявление, чтобы развеять быстро растущие мифы. Никакой бури в обществе не произошло. Люди, конечно, сперва поволновались, состоялась череда обсуждений с экспертами, прокатилась волна протестов, кто-то объявил забастовку, а кто-то вышел на митинги, как это обычно происходит из-за любого пустяка, но вскоре всё стихло, словно ничего особенного и не случилось. Дима не удивлялся этому, он помнил из всемирной истории много случаев, более поразительных, чем открытие метемпсихоза, однако и они не производили революций в сознании людей. Например, когда выяснилось, что Земля вращается вокруг Солнца, а не наоборот, как полагали все здравомыслящие люди, мир не перевернулся. А то обстоятельство, что человек появился в результате эволюции, разве волнует всерьёз кого-нибудь? Наверно, если вдруг докажут, что ад и рай реально существуют, то и это мало что изменит в привычном укладе жизни, а ско-

рее – ровным счётом ничего. Про инопланетян же и говорить нечего, все давно готовы к встрече с ними и удивляются, что те никак не дают о себе знать.

Появились так называемые «Банки Реинкарнаций», где каждый желающий за небольшие деньги мог узнать, кем он являлся в прошлой жизни и вычислить вероятность того, кем окажется в следующей. Дима прежде не бывал в подобном банке, он принципиально не хотел ничего знать о своей прошлой жизни, и ещё меньше о следующей. Вдруг, – думал он, – после смерти я стану бродячей собакой или каким-нибудь деревом? Повезёт, если вырасту в глухом дремучем лесу, где ступала лишь лапа зверя. А если в городе, например, сосной у метро, в смоге и грязи – буду чахнуть, пока не спилят. И судьба бродячей собаки ничем не лучше, скитаться ночами по пустым дворам, мокнуть под кустами в дождь, есть объедки, а потом заразиться бешенством, укусить человека, ослепнуть и путать фонари с луной, и быть, в конце концов, усыпленной. Конечно, Дима думал обо всём этом в шутку, ведь пока что люди перерождались только в людей. Пугали его совсем другие вероятности существования в прошлой и будущей жизни, о которых он знать не хотел и думать избегал.

Но в один из таких банков он сегодня всё-таки пришёл, потому что получил утром сообщение о посылке от служащего. В сообщении было сказано: «Посылка из прошлого. Максимус». Ситуация крайне необычная – какой-то Макси-

мус, умерший лет сорок назад, задолго до рождения Димы, отправил ему в подарок букет цветов.

С лёгким смущением он припомнил, что сам очень долго стеснялся дарить девушкам цветы. И делал это поначалу неумело и грубо, как наверно древний предок человека питекантроп. Он вообще замечал за собой, что часто стеснялся самых обычных поступков, но легко совершал такое, чего другие постыдились бы делать.

Покидая хранилище Банка, Дима спрятал букет в целлофановый пакет, чтобы не проходить с венком в руке через общий зал, где могли быть другие посетители. Но в полутёмном зале был только один посетитель – девушка с газетой. Она сидела на скамейке и длинные золотые волосы скрывали лицо, ниспадая на газету, но судя по настойчивому взгляду охранника, была привлекательной. С другой стороны, как подсказывал Диме опыт, охранники не слишком разборчивы (и в этом смысле они были идеальными мужчинами, ведь для них любая женщина – привлекательна). Дима же заметил только пиджак, строгую юбку до колен, и худые ноги, обутые в сапожки на дециметровых шпильках. Если она встанет, прикинул он, то наверно будет почти с меня ростом. Но она не видела ни его, ни охранника, утопая буквально с головой в каких-то новостях, и Дима поспешил на улицу.

Интересно, – думал он, – послал ли незнакомец эти цветы мне, пока ещё был молод или уже на склоне лет, старый, седой и страдающий всевозможными болезнями, склеротично

разъезжающий в инвалидной коляске? Почему-то было приятнее думать, что букет прислал молодой мужчина, во цвете лет и сил, уверенный, одухотворённый и очень-очень умный. И красивый. Но зачем он это сделал? Дима с мучительным сожалением понимал, что раз уж всё это произошло, то придётся выяснять, кем был этот мужчина, где жил, чем занимался. Оставалось надеяться, что эта информация строжайше засекречена сотрудниками «Банка реинкарнаций», и он в своём предстоящем расследовании вынужден будет отступить по объективным причинам.

Не хотелось ему ничего узнавать и ничего менять, в последнее время он чувствовал себя вполне гармонично в окружающем мире. И от того, что вот появлялись вдруг какие-то неожиданные новости и проблемы, которые к тому же требовали принятия каких-то решений, у него сильно портилось настроение и опускались руки.

По дороге на работу он обычно заходил в тренажёрный зал, расположенный недалеко от дома. Зал был не очень большой, с протекающим в нескольких местах потолком, деревянным полом и старой облупившейся краской на стенах, заклеенной кое-где плакатами, изображающими раздутых культуристов с огромными сиськами. Они весело улыбались со стен, эти культуристы, но взгляд у них был ох какой невесёлый – возможно, это объяснялось разрушенной ради больших сисек печенью. Угрюмые пауэрлифтеры молча слонялись туда-сюда, потом подходили к ржавой штанге и,

мощно выдохнув, брали очередной нечеловеческий вес. Девушки не отставали от мужчин и приседали со штангами в три своих веса, выпячивая мускулистые попы. Тренер Паша, молодой, но уже бывавший в тюрьме пауэрлифтер, сидел на скамеечке и глядел исподлобья на эти попы, давая ученикам полезные указания. У него были свои представления о женской красоте – например, если девушки приходили к нему в надежде похудеть, то уходили в два раза объёмнее, но место жира занимали мышцы.

Дима всегда тренировался сам, но Паша неплохо к нему относился и часто давал советы. Иногда тренер вдруг стягивал с себя майку от нового спортивного костюма (а у него костюмы менялись каждый день) и проходил вдоль зала, показывая всем, какая мощная должна быть спина у настоящего пауэрлифтера. Спина и правда у него была немислимая, и он с гордостью смотрел на себя в зеркала.

Однажды в тренажёрном зале зашёл разговор о женщинах. Вообще это была не очень частая тема в тренажёрном зале – как правило, парни обсуждали спорт, пищевые добавки или просто молча с напряжёнными лицами тягали железо. Возможно, большие физические нагрузки отбивали желание думать о женщинах, и штанга (этот фаллический символ) заменяла им секс. Но, так или иначе, однажды он стал невольным свидетелем беседы о прекрасном поле. Был как раз полдень, солнечные лучи падали в окна, и лёгкий ветерок доносил с улицы весенние запахи листвы, цветений, земли и

свежесть близкой грозы, намекая на романтические приключения. И вот то ли в силу этих причин – весенних обещаний новой жизни, то ли по другой какой причине, в тренажёрном зале вдруг зашёл разговор о женщинах. На самом деле это сложно было называть полноценным разговором – всего несколько реплик, которые завершил авторитетным замечанием тренер Паша:

– Только одно я могу вам сказать, парни. Много у меня женщин было, и вот что я понял – ничего, кроме пустых карманов и нервов в этом нет. – И повторил со смутной печалью во взгляде, – ничего, кроме пустых карманов и нервов.

Так вот Дима был полностью с ним согласен в вопросе о женщинах, особенно по части нервов. Да и карманов тоже.

В жизни Диму устраивало всё, она казалась и в меру плотской, и в самый раз духовной, и хотя время от времени какие-то сомнения приходили ему на ум, ничего менять не хотелось. Возможность перемен пугала, и оборачивалась кошмарными снами, в которых рушилось его зыбкое благополучие и странные люди со стеклянными глазами заставляли его рассказывать правду, а он плакал и унижался, потому что не знал, что правда, а что нет, и пытался обмануть их, говоря какую-то чепуху и утверждая, будто это правда. «Ты лжёшь», – отвечали люди со стеклянными глазами, собираясь сделать с ним нечто ужасное и болезненное, и он холодел изнутри, сжимался в комок и просыпался среди ночи с воплями.

А букет от покойника серьёзно разволновал его, и он чув-

ствовал, что должен как-то разрешить эту ситуацию. Всё-таки придётся, понял он, выяснять личность мужика, пославшего цветы, хочется ему или нет. Завтра, – решил он, – завтра я опять пойду в Банк реинкарнаций и поставлю точку в этой неприятной истории. Но с кем бы посоветоваться? Никого лучшего для этой цели, чем его брат Василий, было не найти, и он решил ему позвонить. Дима в подробностях рассказал, как было дело – о посещении Банка реинкарнаций, о высохшем букете и о своих сомнениях по поводу дальнейших действий.

– Не знаю, что тебе посоветовать. Мне покойники не дарили цветы, – ответил Василий. – Надо встретиться, посидеть, поговорить.

Они договорились о встрече на следующий вечер в одном кафе, которое часто посещали вместе, и Дима поехал домой.

Ложь и правда

Рано утром, в полутьме, он варил кофе на кухне и наблюдал за окном тяжёлое серое небо. Кончалась осень, и сложно было сказать, какая будет зима, холодная или не очень.

На соседнем небоскрёбе, закрывая всю стену, висел гигантский белый плакат с черными буквами: «ЗОНА ПРАВДЫ». Ниже шла надпись помельче: «Мир, где нет лжи. Будь честен с самим собой». Таинственная Зона Правды, о которой так много слухов и так мало правды. Дима однажды видел человека, который вернулся оттуда. Говорили, что он никогда не лжёт, потому что ему теперь нечего скрывать – от себя и от других. Как такое может быть, сомневался Дима, чтобы ни в чём, ну ни капельки не врать. Ещё с самим собой можно быть честным, но вот с другими иногда просто нереально. Например, у него назначена встреча с девушкой, а он хочет встретиться с другой, но и эту не потерять. И он говорит: «Ах, Машенька, прости, такие дела – голова болит, простужен и температура под сорок пять...» Она ему в тревоге: «Милый! Давай я приеду?» «Спасибо, так приятна твоя забота, но я уже спать лёг. Целую всю». А сам в этот момент стоит в туалете за баром, чтобы не слышала другая девушка, которая сидит за барной стойкой и мечтательно потягивает коктейль, думая, какой же он хороший. Он возвращается, глаза, конечно, немножко бегают, никуда от этого не

денешься – глаза всегда выдают, целует её и говорит чуть-чуть не искренним голосом: «Мне тут брат звонил, предлагал подъехать помочь в одной работе, но я отказался, лучше с тобой побуду!» Она улавливает фальшивые нотки, но не придаёт им значения, выбрасывает из головы дурные мысли. Не любят девушки верить в плохое, легче уж закрыть на всё глаза и верить только в хорошее. А Машенька сидит на диване, обняв розового слоника и сложив под собой ножки, смотрит в телевизор и переживает: бедный мой, думает, Димасик, приболел опять... Часто что-то простужается. И что он там делает один дома? Может тоже телевизор смотрит, а то какой-то странный шум по телефону доносился, вроде музыка и голоса слишком громкие и весёлые, в том числе женские... Волнуясь и гоня прочь неприятные догадки, она пишет ему sms, но ответа не получает, ещё бы – какой там ответ, ведь он выключил звук на телефоне, чтобы не спалиться перед другой! А скажи он правду, так ни та, ни эта не стали бы с ним наверно общаться. Но это мелочи. А вот как быть на работе? Часто бывает, например, что во время корпоративной вечеринки, его, как молодого и перспективного сотрудника, просят сказать тост. И что же? Может ли он встать высоко с бокалом, оглядеть присутствующих и честно сказать: «Я считаю, что половина из вас мудаки, а вторая половина движется в этом же направлении»? Его однозначно после этого уволят, возможно, дадут по морде, и со всеми будут испорчены отношения навсегда. Есть и другие ситуации, требую-

щие обмана – нередко близкие, дорогие, родные люди делают много такого, что может вызывать суровую критику. Но попробуй покритиковать их всерьёз, и они обидятся, пользы же не будет никакой, а отношениям очевидный вред.

Конечно, размышлял он, врать по любому, по всякому ничтожному поводу нехорошо, это нужно делать по мере необходимости, чтобы сгладить шероховатости, не раскачивать, как говорят психологи, лодку и не обострять противоречия. У него был дальний родственник, с удивительным именем Ярополк, который говорил неправду всегда, в любых обстоятельствах. Допустим, его спрашивали – кофе любишь? Он отвечал – нет. А сам тайком упивался литрами кофе, как маньяк. Или – будешь курить? Он – о да, буду, обожаю курить. Брал сигарету и курил, кашляя и задыхаясь, потому что вообще был некурящий. Был он и большим сочинителем, любил рассказывать всякие истории, как будто приключившиеся с ним. Однажды он рассказал Диме и Василию такую историю, когда они сидели в каком-то спорт-баре:

– Парни, вчера я выпал из окна десятого этажа.

Дима с Василием закатили глаза, но из вежливости спросили:

– И что? Разбился насмерть?

– Нет. Чудеса. Поднялся и дальше пошёл. Вероятно, спасла куча осенних листьев. Только иду и чувствую – что-то мне в глазу мешает. Я в туалет общественный забежал, у зеркала встал, смотрю – тоненький сучок в глазу торчит. Я его вы-

дернул быстро, чтобы не вместе с глазом, водой промыл и всё в порядке, только видите вот – теперь гноится немного. А в туалете ко мне мужик какой-то подошёл, и стоит сзади, притирается. Я ему – что надо? Он – я сразу как тебя увидел, понял – ты парень крутой. Пистолет нужен? Ну, я отказался естественно, пошёл по своим делам.

– Ого, – Дима с Василием опять закатили глаза, – ого, пистолет говоришь? С длинным стволом наверно? Может ты его неправильно понял?

– Дураки, – усмехнулся Ярополк, – я его видел. Реальный пистолет.

– Он тебе даже его показал? Ого! – и они снова закатывали глаза.

Дима никогда не мог понять, что же толкает Ярополка на такое бессмысленное, не нужное и сложное вранье.

На работу Дима отправился после обеда. Там намечалась вечеринка по поводу дня рождения одного большого начальника. Он бывал несколько раз на подобных мероприятиях, и с тех пор старался их избегать. Сегодня должны были поздравлять Семёна Абрамовича, которого Дима часто, путаясь, называл Абрамом Семёновичем. Уклониться от праздника было невозможно – Семён Абрамович пригласил его персонально. Это значило, что в конце рабочего дня, в тесном кругу коллег, все будут говорить тосты в честь именинника, дарить ему подарки и слушать его смешные песни. Семён Абрамович любил в определённый момент спеть коми-

ческие куплеты, хотя петь не умел, и слуха у него не было, и чувства юмора тоже. Тем не менее, каждый подчинённый, слушая его куплеты, смеялся до слез, и трудно было поверить, что им не смешно.

Дима не собирался задерживаться долго, он рассчитывал ещё забежать в Банк реинкарнаций, чтобы установить личность пославшего цветы. В его воображении уже сложился образ этого человека: мужчина, с черными усами, высокий и худой, но крепкий, с пронзительным, умным взглядом.

Он приехал на работу как раз к накрытому столу. Коллеги уже расселись вокруг и, подняв рюмки, смотрели с блаженными улыбками на огромного Семена Абрамовича, животом нависающего над столом и собирающегося спеть пару куплетов. Дима втиснулся на свободный стул, налил себе сока и взял бутерброд.

– Вы вовремя, – шёпотом сказали ему, – сейчас Семён Абрамович будет петь! А что это сок у вас? Может, водки?

– Нет, спасибо, – ответил Дима, – я просто куплеты Абрама Семёновича послушаю.

– Семена Абрамовича!

– Ах, да. Извините.

Семён Абрамович подмигнул собравшимся и запел тихим высоким голосом:

Как-то я бывал в походе

Без палатки я ходил,

Две недели на природе
Спальник с девками делил!

Грянул взрыв хохота. Коллеги держались за животы и рыдали, девушка справа упала от смеха на плечо Диме. Он тоже усмехнулся, но вышло криво и неправдоподобно.

А однажды на рыбалке
Накопал ведро червей
До чего же они сладки
Не едал ничё вкусней!

Дима не помнил ни одного корпоратива на работе, где не солировал бы Семён Абрамович. Кстати, сочинял куплеты он сам и здорово гордился этим. Пока он пел, Дима воспользовался случаем перекинуться парой слов с Аней. Они уже год работали вместе, но всё их общение сводилось к «привет-пока», хотя иной раз им и удавалось выпить кофе вдвоём и поболтать наедине. Она казалась ему привлекательной и неглупой, и главное – с мягким характером, а это значило, что ему не придётся долго завоёвывать её сердце. К тому же, он ей нравился, она открыто показывала свою симпатию, радуясь как ребёнок, всегда, когда он приходил на работу.

– Пойдём вечером в кино, – шёпотом сказал он ей.

– Давай, – она счастливо улыбнулась. – С удовольствием.

– Дмитрий! – их прервал Семён Абрамович. – Я вижу, вы

совсем не хотите слушать мои куплеты.

– Ну что вы, Абрам Семёнович, очень хочу.

– Ай, Дима, и не надо так натянуто улыбаться, – вмешалась женщина, которая призывала до этого всех к тишине. Она была уже слегка пьяной. – Какой вы всё-таки неискренний человек... Злой. Не хватает вам открытости и естественности. Так вы недалеко пойдёте!

– Будем вам, Марья Сергеевна, – ласково сказал Семён Абрамович. – Вы слишком суровы к Дмитрию. Он молодой, умный и многого достигнет. Если, конечно, ему повезёт побывать там, где побывали мы. Да, Дмитрий?

– Конечно, Абрам Семёнович... – Дима не решился спрашивать, где они побывали, и кто эти «мы», но смутно догадывался.

– Зона Правды, – горячо шепнула ему в ухо девушка справа, и осталась на его плече. – Дима, а можно вас пригласить сегодня вечером в бар? – она кокетливо улыбнулась и немножко раскраснелась, то ли от вина, то ли от смущения, но и то и другое ей было к лицу.

– С удовольствием... Но, к сожалению, вечером у меня работа. Допоздна. Давайте завтра?

– Дмитрий, – опять вмешался Семён Абрамович. – Я вижу, вы всё-таки не хотите слушать мои куплеты.

– Что вы, что вы, Абрам Семёнович, хочу. Очень.

Марья Сергеевна покачала головой, в пьяных глазах читалась горечь:

– Эх, Дима, Дима, Се-мен Абрамович!

Девушка вложила в его руку бумажку с телефонным номером и громче, чем хотела, прошептала: «Жду!»

По дороге в банк Дима размышлял о куплетах Семена Абрамовича. Известно, – думал он, – что всякий, кто побывал в Зоне Правды, всегда говорит только правду. Значит ли это, что дурацкие песни Семена Абрамовича про спальник и червей – правда? Неужели он, в самом деле, съел ведро червей? Дима в детстве часто бывал на рыбалке, ловил плотву и окуней в холодном чёрном озере, спрятанном среди дремучих диких лесов, где не ступала нога человека, ни правдивого, ни лжеца, и выкопал много червей из-под заваливавшихся брёвен. Он жил там у озера с братом и дядей в старом домике с мансардой, а их окружали причудливые кривые сосны, белый мох по колено, километры горелого бора, древние скалы, сточенные водой, и вечный тихий дождь. Под его стук по крыше они с братом засыпали в мансарде, пока дядя чистил пойманную рыбу и матерился, потому что его ели комары, а почесаться он не мог – руки были в рыбьем жире. Чайки вперемежку с комарами кружили над деревянной лодкой на берегу и кричали «Дай! Дай! Дай!», и ловили на лету брошенные им рыбьи кишки. Так вот Дима хорошо помнил этих червей, жирных, с белыми толстыми прокладками, скользкими и выделяющими какую-то гадость. Если такого положить в рот, то стошнит наверно немедленно, если ты конечно не слишком голоден.

Женщина напротив с удивлением взглянула на него – видимо, шум поезда не заглушал его голос. Слишком уж часто он разговаривал сам с собой вслух. Бывало так, что на улице, в метро или на работе он, задумавшись, вдруг начал говорить о каких-то мучавших его проблемах, и нередко при этом размахивать руками, чтобы придать словам больше убедительности. Однажды он вот так брёл по пустынно-му переулку, смеркалось и все люди сидели уже по домам, а ему не давали покоя беспокойные мысли, и он спорил сам с собой и закатывал глаза, жестикулировал, кривил губы и, усмехаясь, грозил воображаемому оппоненту. Повернув за угол, он наткнулся на машину, в которой на передних сиденьях замерли двое испуганных людей. Они смотрели на него во все глаза и ждали, что теперь он сделает, мимо пройдёт или нападёт на них. Дима сразу прекратил разговор и убрал руки в карманы, и быстрым шагом удалился, а люди молча провожали его удивлёнными взглядами.

Когда Дима рассказал эту историю Василию, брат захохотал и назвал его дураком.

– Ты ничего не понял, – сказал он. – Они скорее всего занимались любовью в машине, и подумали, что ты их видел за этим делом. Или торговали наркотиками. А твои странности они даже не заметили.

Возможно, он был прав. Дима часто ловил себя на чрезмерной мнительности, когда ему казалось, что все сосредоточены на нем и обсуждают его поведение или придают боль-

шое значение каким-то его поступкам. А в действительности оказывалось так, что никому не было до него дела.

У входа в банк он налетел на какого-то человека. Дима как раз думал о чём-то тревожном, размахивал руками и громко спрашивал непонятливого оппонента внутри себя:

– Ну и что ты теперь скажешь, а?

– Вот эта да! – это был Ярополк. – Ты? Какими судьбами в банк?

Дима не видел его несколько лет и тоже растерялся от внезапной встречи.

– Привет... Я так, к одному знакомому решил заехать, – он не хотел посвящать его в подробности истории с букетом.

– А, ну-ну, – Ярополк неприятно улыбнулся.

Он сильно изменился за годы, что они не виделись. Он и раньше был не слишком красив, а теперь вообще стал страшен как смерть. Лицо посинело и осунулось, кривой гигантский нос заострился и ещё сильнее вытянулся, красные глаза глубоко запади. Казалось, он подрос, хотя и прежде насчитывал два с лишним метра.

– А это моя жена Катя, – он обнял девушку, вышедшую следом за ним из дверей, и удивительно похожую на него.

– Привет, Катя.

– Катя, – поправила она.

Они сели в машину. Вставив ключ, Ярополк спросил:

– Может, посидим где-нибудь вечером? Давно не виделись.

– Ну, давай... – растеряно ответил Дима. – Я как раз с Василием в пять встречаюсь в «Меланхтоне».

– Ок, буду. До встречи.

В банке, как и в прошлый раз, был полумрак, нагнетаемый тусклыми жёлтыми светильниками, свисающими со стен. Наверно здесь всегда так, – подумал Дима, – подходящая атмосфера для общения с покойниками. В зале опять пусто, засыпающий охранник на стуле и одинокая девушка с газетой на протёртой лакированной скамейке. Он узнал её, это была та же самая девушка – она сидела на том же месте и в первое его посещение банка, и точно так же читала газету.

Он подошёл к стойке, за которой томился бледный молодой человек и сказал:

– Я недавно получил у вас послание от неизвестного, который умер много лет назад. Хотелось бы выяснить подробнее, кто он.

Молодой человек достал бланк и взял ручку.

– Ваше имя?

– Дмитрий.

– Фамилия?

– Дождь.

Юноша с сомнением посмотрел на него, потом наклонился за стойку и глянул на окно. Было пасмурно, собирались тучи и порывы ветра взметали с дороги мусор.

– Да, собирается, – согласился он. – Ваша фамилия?

– Дождь.

– А! – юноша улыбнулся. – Извините. Не понял.

Он вывел аккуратным почерком на бланке: «Дмитрий Дождь». На стойке зазвонил телефон. После короткого разговора он извинился и сказал, что должен ненадолго отойти. Минут через десять пришла другая сотрудница, взяла бланк и спросила.

– Ваш?

Дима кивнул.

– Извините, что заставили ждать. Сейчас оформлю.

Она тоже ушла и Дима опять остался один. Ему показалось, что девушка с газетой на скамейке нервничает и хочет встать, но почему-то не решается сделать это. Наверно, кого-то ждёт, – решил Дима, – какого-нибудь прекрасного молодого человека с букетом пышных ароматных роз. Он войдёт в зал и вместе с ним ворвётся свежесть наступающей грозы и запах дорогих духов, а она улыбнётся и пойдёт ему навстречу, чтобы слиться с ним в скромном и кратком, но многообещающем поцелуе. Ветер из распахнутой двери разметает её волосы, как попало, они попадут и в рот, и в глаза, и в уши, но она не станет выглядеть из-за этого глупо, а только чуть-чуть забавно и ещё более привлекательно. Он возьмёт её за руку и уведёт в страну грёз.

Кстати, почему она и её парень решили встретиться в Банке реинкарнаций? Не очень удачное место для свидания. Или наоборот? Так же романтично, как и на кладбище. Возможно, они хотят выяснить своё прошлое. Или будущее –

чтобы и в следующей жизни быть вместе – так сильно они любят друг друга.

Вернулась сотрудница с пластиковой папкой.

– Вот, пожалуйста. С вас две тысячи семьсот девяносто.

Дима отсчитал деньги и с заметным волнением раскрыл папку. На небольшой старой фотокарточке, пять на шесть, он увидел красивую светловолосую девочку, немного нахмурившуюся и как будто недовольную.

– Пойдите, – обратился он к служащей банка, принёсшей ему папку, – в уведомлении, пришедшем мне вчера из вашего банка, было указано, что это мужчина, какой-то Максимус, а здесь на фото девушка...

Служащая участливо улыбнулась ему:

– Вы не поняли, Максимус – это имя служащего, отправившего вам сообщение. Я вам принесла ваши документы, сомнений нет.

– Всё ясно, – усмехнулся он, – ну я и балбес. Всё ясно. С облегчением он закрыл папку и быстрым шагом направился к двери. Вспомнив о девушке с газетой, он задержался на пороге и оглянулся, она тоже смотрела на него и её глаза были полны слез.

– Не плачь, – тихо сказал он, уже выйдя на улицу прямо под начавшийся ливень. – Твой парень просто опаздывает. Он ещё придёт. Рано или поздно он обязательно придёт.

Явь и сон

Дождь хлестал по асфальту тяжёлыми косыми струями, люди разбегались по подъездам, прикрывая головы разной чепухой. Дима не стал прятаться от непогоды, и, запахнув пальто, поспешил дальше – на встречу с братом и Ярополком. По дороге он вспомнил, что договорился с Аней о кино. Пришлось позвонить ей и сказать, что он сильно простудился, у него температура, кашель и сопли, и поэтому он не сможет с ней увидеться. Аня расстроилась и попросила его пообещать, что он обязательно будет лечиться, не пускать болезнь на самотёк. Он обещал ей это с лёгким сердцем, и спустился в метро.

Как раз закончился рабочий день и толпы людей с одинаковыми выражениями лиц – замученными и хмурыми – пытались влезть на эскалатор, а потом проникнуть в душный вагон. Машинисты нервничали, потому что движение поездов выбивалось из графика, торопили пассажиров, закрывали двери и трогались с застрявшими в них людьми. Когда-то из-за участвовавших несчастных случаев было решено полностью автоматизировать метро, чтобы исключить человеческий фактор. От машинистов отказались и супермощная сеть компьютеров стала управлять всей системой, расставляя интервалы между поездами, переключая линии, определяя длительность стоянок и скорость движения. Рас-

сказывали, будто во избежание задержек поездов из-за неиссякаемого пассажиропотока двери в вагонах одно время были оборудованы острыми стальными лезвиями. Поначалу система справлялась неплохо, но метро всё росло и росло, пока не превратилось в огромный лабиринт. Программа управления движением поездов постоянно усложнялась и вскоре уже не осталось специалистов, способных в одиночку в ней разобраться. К тому же искусственный интеллект программы был ориентирован на самообучение, чтобы уметь в нестандартных ситуациях генерировать принципиально новые решения. И тогда начались загадочные сбои, поезда в какой-то момент стали ходить беспорядочно, в непредсказуемом направлении, с произвольными остановками или вообще без остановок. Поезд запросто мог застрять в каком-то туннеле и стоять там, пока пассажиры не вылезут и не пойдут пешком. А однажды целый поезд исчез в час-пик. Просто отправился со станции и больше его никто никогда не видел. Люди, заходя в метро, теперь уже не знали наверняка, куда именно приедут и во сколько, и приедут ли вообще. Многие из страха перестали пользоваться метро и поэтому не могли попасть на работу. В итоге пришлось отключить автоматизированное управление метро и вернуть машинистов.

Добравшись до нужной станции, Дима с радостью выбрался, наконец, на улицу. Было не поздно, поэтому очередь в кафе «Меланхтон» ещё не успела выстроиться. Вот часов в восемь у входа в каждый ресторанчик уже стояли уставшие

после рабочего или учебного дня юноши и девушки, и люди постарше тоже стояли, ожидая, когда же, наконец, освободится какой-нибудь неудобный столик посреди зала. Столик освободился, и вежливый официант приглашал их внутрь, чтобы они могли съесть что-нибудь не очень-то и вкусное, перекрикивая друг друга в попытках пробиться сквозь гул голосов десятков посетителей, перемешанный с грохочущей музыкой. А потом платили за всё это деньги.

В баре сидел Василий и задумчиво смотрел в меню. Официантка в бардовом фартуке стояла около него, ожидая заказ. Заметив Диму, Василий поднял голову:

– Ну как? Это был черноусый красавец, как ты и надеялся?

Сняв мокрое пальто и усевшись, Дима положил пластиковую папку на стол и рассказал брату, как было дело в Банке реинкарнаций.

– Симпатичная, – заметил Василий, разглядывая фотокарточку девушки, – чем-то на тебя даже похожа. Погибла тридцать с лишним лет назад, в юном довольно возрасте... Интересно, зачем она отправила тебе тот букет? Ты хоть выяснил, кем ты был при её жизни?

– Нет, – признался Дима. – И знать не хочу. Видимо, мужчиной, раз она прислала мне цветы.

– У тебя явно хромает логика. Вообще-то, как правило, цветы дарят девушкам, а не наоборот. Во-вторых, ты слышал когда-нибудь об однополой любви?

Дима сделал глупое лицо:

– Нет. А что это такое?

– В общем, Дима, пока ты не узнаешь, кем был ты сам, ты не узнаешь, почему получил этот букет.

– Если бы ты знал, как мне не хочется ничего узнавать...

Мне и так хорошо, комфортно...

В этот момент распахнулась дверь и проем заслонила длинная худая чёрная фигура в клубах уличных испарений. Человек в кожаном плаще почти до пят и темных очках медленно прошёл к их столику, и только когда он сел на свободный стул, они поняли, кто перед ними.

– Привет, парни, – сказал Ярополк, сняв очки и положив их на стол, – на работе задержался. – Девушка! – он щёлкнул пальцами, даже не оглянувшись в поисках официантки. – Сюда.

Прибежала официантка и он приказным тоном зачитал ей список того, что желает, велел поторапливаться и напоследок заметил, что ей надо сменить причёску. Она испугано выслушала его, натянуто улыбнулась, нелепо поправила что-то на голове и бросилась исполнять заказ, чуть не упав по дороге.

Дима с Василием изумлённо переглянулись. Ярик, конечно, всегда был склонен к дешёвым эффектам и ложным попытками придать себе значимости в глазах других, но сейчас, похоже, всё происходило всерьёз. Он изменился. С наглым взглядом он сидел перед ними и улыбался, чувствуя

своё превосходство и власть, которая непонятным образом ощущалась и братьями.

– Слышали новость? – спросил он и многозначительно замолчал.

Дима с Василием поняли, что он ждёт их реакции и поэтому ничего не ответили. Но Ярик молча смотрел на них и не продолжал. Через пару минут переглядываний Василий сдался:

– Какую?

– Учёные из Зоны Правды создали таблетки, которые вызывают в памяти образы прошлых жизней. Сейчас проходят тестирование на подопытных образцах. Скоро поступят в продажу.

– Вот это да, – не удивившись, сказал Василий. – А что за подопытные образцы?

– Да так. Разные преступники, антисоциальные элементы общества, крысы. Таблетки по доступной цене. Теперь не нужно будет переплачивать в банках и долго ждать в очередях, чтобы узнать, кем ты был в прошлых жизнях! Кстати, у меня есть одна упаковочка.

– Откуда? – спросил Василий. – Ты рекламный агент Зоны?

– Знакомый дал. Мне ни к чему, могу подарить, если нужно. Хотите, парни?

В самом деле, – подумал Дима, – было бы неплохо обзавестись такими таблетками и позволить выйти, наконец, на

свет тому, что пока во тьме, но упорно просится наружу. И не ходить в этот банк.

– А давай, Ярик. Попробую, любопытно.

Одобрительно улыбнувшись, Ярик протянул ему пластиковую баночку.

По случаю встречи они решили немного выпить. Заказали текилы, а потом ещё и ещё, пока бар не сузился до размеров их столика, став мутно-золотым, заставленным пустыми рюмками, залитым алкоголем и безудержно весёлым. Хотя в такой ситуации расстаться было невозможно, им всё же пришлось закончить встречу – Ярополк заявил, что ему пора на работу, а Василий хотел пораньше встать утром.

– Ладно, парни, – предложил Дима, – тогда напоследок по текиле!

– Дмитрий, а может, хватит? – возразил Ярик серьёзно. – Ты никогда не мог остановиться вовремя. Пора бы уже научиться знать меру!

Дима растерялся, он не ожидал услышать от него нравовучения, да ещё в таком тоне... Хотя Ярик был прав. В самом деле, никогда Диме не получалось соблюсти меру и многое из-за этого было непоправимо испорчено... Однажды, давным-давно, когда он был ещё совсем юн, он познакомился с чудесной девушкой, красивой, как небо в летний день, не густо покрытое пышными, сочными облаками. Если поднять голову и смотреть на такое небо, поражаешься его удивительно яркой голубизне, так удачно разбавленной белиз-

ной облаков, и кажется, что ничто не имеет значения по сравнению с ним. Хочется дышать чистотой этого неба, пить его, раствориться в нем. Вот так он смотрел на эту девушку. Справедливости ради надо сказать, что это не он с ней познакомился, а она с ним, потому что сам он был очень робок и никогда бы не решился первым на знакомство с девушками. Он был до того застенчив, что когда дело дошло до свидания, испугался почти до обморочного состояния. И он знал, что на встрече с ней как-нибудь опозорится, потому что у него будут трястись коленки, дрожать пальцы, сердце биться в горле, и он не сможет вымолвить ни слова, а будет только смущённо улыбаться. И вот он решил поступить так – выпить слегка для храбрости перед встречей. Он взял бутылку коньяку и выпил рюмочку. Потом ещё, и ещё одну. Ему всё казалось, что он ещё не достаточно смел и спокоен для предстоящего важного события, поэтому допил бутылку до конца. На свидание он пришёл совершенно пьяный, едва переставляя ноги, качаясь и тяжело дыша. За сотню метров от места встречи он упал в грязную лужу и весь испачкался. Короче, свидание не состоялось, хотя он долго стоял на площади, дико озираясь по сторонам и пытаясь сохранить равновесие.

Разъезжались на такси. В машине Дима вдруг отчётливо понял, что его неудержимо тянет на приключения. Размытый ливнем ночной мир растекался по лобовому стеклу городскими огнями, он казался таинственным, прекрасным и

беззвучно манил его к себе. Неловко порывшись в карманах, он вытащил на мутный свет смятую бумажку с номером телефона девушки, которая на именинах Семена Абрамовича звала его в бар. Под номером было написано «Марина». Она ответила почти сразу.

– Але, это кто? – позвучал раздражённый голос.

– Привет, Марин, это Дима! Приезжай в гости.

– Ты сдурел что ли? Я сплю уже, – и она отключилась.

Дима огорчился. Почему-то всегда, когда хочется встретиться с девушками, им не хочется. А вот когда ему совершенно это не нужно – так, пожалуйста, сколько угодно, готовы все и сразу. Он подумал, что имеет смысл позвонить другим, и рано или поздно кто-то согласится. Хотя других, уже знакомых ему, видеть не хотелось. Тянуло на общение с малознакомым человеком, чтобы можно было узнавать, открывать и впервые переживать новые волнующие мгновения. Ситуация показалась ему трагической – вот он готов, открыт миру и жаждет приключений, а мир с усмешкой закрывает перед ними двери в самый важный момент. Прав был Ярополк, – снова с горечью подумал он, – я и в самом деле никогда не могу остановиться. Всякий раз, когда нужно сказать «стоп», потому что кульминация праздника достигнута и дальше ничего хорошего не будет, а только позор и деградация, он хотел продолжения игры. И горько потом жалел об этом!

Подъезжая к дому, Дима полез в карман за деньгами и

нащупал баночку, которую подарил ему Ярополк. Развернув инструкцию по применению, он попытался сконцентрироваться на расплывающихся в темноте строчках. Читать было трудно и неинтересно, удалось разобрать только название: «Морфики». Высыпав прямо в рот несколько капсул (они выглядели такими маленькими, что одной казалось недостаточно), он запил их пивом из жестяной банки, которую всё это время держал в руке. Почувствовалось лёгкое волнение – ведь скоро ему откроется его прошлое! В лифте он вспомнил, что вышел из машины, не расплатившись с водителем, а тот ничего ему даже не сказал. Или он просто не расслышал? Добравшись до квартиры, он побросал все свои вещи на стул и лёг на кровать. В ожидании эффекта он подумал, что вот так сам человек своими руками разрушает своё благополучие, видимый покой и размеренную уютную жизнь, вторгается туда, куда не хотел. Не стоило пить эти таблетки... Не стоило... И вообще не стоило пить.

Он был верхом на коне, с копьём в руке, в латах и рогатом шлеме. Рядом стояли солдаты в помятых доспехах и с мрачными лицами смотрели в сторону леса. Низко нависало дождливое серое небо, которое вскоре пронзят стрелы, крики и стекленеющие взоры. Чесалась спина, и он никак не мог её почесать, разве что попросить одного из солдат залезть ему под доспех, но сейчас, перед боем, это показалось бы неуместным. Ещё и наколенник заржавел в долгих походах,

и теперь неприятно скрипел при любом движении.

– Господин, – тревожно обратился к нему одноглазый сержант, с ног до головы заляпанный землёй, – пора?

– Ещё нет, – уверенно ответил Дима.

Солдаты выглядели равнодушными. Изрезанные шрамами, в пробитых латах, в многодневной грязи они походили на убийц, насильников и прочих подонков. Впрочем, такими они и были.

Со стороны леса раскатисто просипел рог и на опушке появились конные и пешие фигуры. С каждой секундой их становилось всё больше, и вскоре лес скрылся за десятками знамён и штандартов. Вновь возник сержант и, протирая рукавом пустую глазницу, спросил:

– Ну что? Пора?

Вместо ответа Дима молча вскинул руку с копьём. Его воины дружно закричали, вернее – зарычали, потрясая оружием. Он пришпорил коня, прикрылся щитом и двинулся, набирая скорость, к лесу. В ряд с ним рванулась всадники, следом побежали пешие солдаты. Он видел, как, затмевая небо, несётся волна стрел и скашивает на опушке вражеских солдат. Вперёд выступили их копейщики и выставили перед собой забор длинных пик.

Грязь и трава разлеталась под копытами, конь шёл тяжело, но быстро. Дима взял копьё наперевес и выбрал цель, слева и справа мчались его воины, громяхая железом и так же нацеливаясь. Спустя несколько секунд стена всадников об-

рушилась на вражеские пики, раздался треск ломающихся древков и грохот от падения закованных в доспехи людей. Он въехал точно в выбранного заранее вражеского солдата, пробив копьём и щит, и его самого насквозь. Оставив копье в поверженном, он выхватил меч и принялся рубить вокруг себя не глядя, потому что через прорези закрытого шлема ничего, в общем-то, не было видно, кроме мелькания клинков и непонятно чьих движущихся рук и ног. Надо надеяться, что эта отрубленная рука принадлежит врагу, – пролетело в его рогатой голове, – а если свой подвернулся под мой меч, значит сам виноват... В следующее мгновение он получил мощный удар в спину и выпал из седла в измочаленную мокрую грязь. Он вскочил, но был снова сбит с ног, кто-то слева рубанул его по руке и он выронил щит. Щит упал внутренней стороной на землю, и он разглядел герб – схематичное, как будто ребёнком нарисованное белое облачко на светлом фоне с тремя падающими из него голубыми каплями. Ему удалось снова подняться. Не оборачиваясь, он махнул мечом влево и в кого-то попал – судя по вскрику, удачно, но тут же упал на колени, ощутив острую боль в правой ноге – из бедра торчал арбалетный болт. Ещё пытаюсь разить врага, стоя на коленях, он размахивал клинком вокруг себя, пока страшный удар по голове, видимо, молотом или клевцом, не уткнул его лицом в землю.

В отдалении слышались неразборчивые крики, что-то вроде: «Вождь убит! Дождь убит! Спасайте тело!»

Кровь быстро заполняла шлем изнутри, заливая рот, уши и глаза. «Я умираю», – подумал он. Шум сражения улетал всё дальше и дальше, пока он не остался совсем один в полной тишине. Боли не ощущалось, было хорошо и спокойно, он чувствовал лишь, как сильно соскучился по отдыху, долгому и беспробудному сну. И хорошо бы, вечному. Он глубоко вдохнул, закрыл глаза, и всё исчезло.

Романтическое приключение

Дима проснулся с неприятным вкусом во рту и опухшим лицом. В полутьме пробравшись на кухню, он поставил вариться кофе, вслух проклиная себя на вчерашнюю пьянку. Теперь он с перепоя поедет на работу и до самого вечера его не отпустит тоска и слабость, и на следующее утро останутся ещё следы похмелья и вдвое сильнее распухшее лицо. В английском языке есть для такого состояния прекрасное слово – *undead*. Вроде не мёртвый, но и не живой. Наверно, на русский это можно перевести как беспокойник. Он подумал, что чувствует себя как раз вот таким беспокойным покойником. Его затошнило, он налил кофе в чашку и сел в кресло у окна.

Крепкий хороший кофе придал ему бодрости и немного вернул веру в себя. Припоминая смутные обрывки снов, он удивился тому, что увидел. Запомнились какие-то дикие, искажённые лица, тучи стрел, чёрная кровь на латах, выпученные неподвижные глаза. События сна вряд ли могли относиться к прошлой жизни, разве что он был актёром и снимался в голливудском блокбастере. Отыскав рецепт к «Морфикам», он принялся читать пункт «Способ применения и дозы».

«Взрослым и детям старше 12 лет – капсула по 20 мг один раз в сутки перед сном. Запить большим количеством воды. Ни в коем случае не мешать препарат с алкоголем». На

коробке, подаренной Ярополком, чётко значилось: «капсулы по 20 мг. Строго по рецепту! Вызывает привыкание». А он проглотил их вчера штуки наверно три или четыре. И обильно запил алкоголем. Вернее, наоборот, он ими заел большое количество алкоголя. В пункте передозировка среди прочего говорилось: «кома печени, инсульт, расстройство памяти, нарушения сна, галлюцинации, нервные расстройства, половые расстройства, помешательство, смерть». Почему-то именно «половые расстройства» взволновали Диму, но он тотчас отогнал эту мысль.

Отыскав в мобильном номер Ярика, он позвонил ему. Голос у Ярика был бодрый и весёлый.

– Привет, Ярик. Кошмарные таблетки. Странные видения.

– Ты их пьяный пил? Ну ты даёшь, – расхохотался он. – Умереть же можно.

– Мне снилось, что я рыцарь какой-то... И вроде меня Дождём называют... Ну как сейчас.

Ярик почему-то не ответил, только жужжало что-то в трубке, как будто беспокойная муха летала-летала, а ей не давали сесть. Вдруг он торопливо сказал:

– Ладно, счастливо, у меня дела.

Перед работой Дима решил зайти в тренажёрный зал, чтобы придать себе бодрости и разогнать кровь. Побрившись, вымыв голову, побрызгавшись туалетной водой и надев чистую одежду, которую не сразу удалось отыскать в гардероб-

ной, потому что он постоянно забывал постирать грязную и она кучами скапливалась на полках, он вышел из дома.

В тренажёрном зале, куда он ходил, ему часто встречался один очень уважаемый человек, который занимался там много лет. Его звали Велемир Адроныч. Он был пожилой, но всё ещё полон сил. Когда ему бывало скучно, он любил во время тренировки поболтать с другими и поучить их, как правильно надо тренироваться. Иной раз подзывал он Диму к себе и спрашивал тихо и немного шепелявя: «Ну что, Дима, жмёшь?» «Жму», – отвечал Дима. «Ну и какого хрена ты жмёшь? Дурак что ли? В этом пользы нет никакой, только тяга и приседание, больше не жми!» И проповедь на полчасика. Дима тогда выслушивал его с почтением, кивал головой и уходил в другой зал в надежде спокойно пожать. Но нет, вскоре и там появлялся Велемир Адроныч, подходил и говорил: «Ну и какого хрена ты жмёшь? Толку в этом никакого. Не жми!» Ну всё, думал тогда Дима, тренировка испорчена, достал меня этот старый черт, я ухожу. Когда же поучить было некого, старик, поскучив и помучившись от тишины, заговаривал, наконец, с тренером. «Ну что, Паша, тренируешь?» «Тренирую», – почтительно отвечал тот. «Ну и что, жмут твои ученики?» «Жмут», – отвечал тренер. «Ну и какого хрена, Паша, они жмут? В этом толку нет никакого...»

Вот и сегодня Велемир Адроныч прохаживался по пустынному залу мимо штанги весом килограмм в триста и скучал, потому что поболтать было не с кем. Увидев Диму,

он обрадовался и спросил с оттенком коварства:

– Привет, дорогой. Пожать пришёл?

– Нет, что вы!?! – горячо запротестовал Дима, и заметив, что штанга Велемира Адроныча стоит в станке для приседания добавил: – Присесть буду.

– Это правильно. Жмут только дураки.

Дима отправился в раздевалку, надеясь, что старик скоро закончит тренировку и уйдёт, а он сможет всласть пожать. Но, вернувшись, понял, что Велемир Адроныч и не собирался уходить и только перешёл к становой тяге, для начала повесив на гриф двести килограмм. Вздохнув, Дима принялся собирать штангу. Сделав скромный вес в сорок килограмм, он принялся приседать. И чуть не уронил всё, когда Велемир Адроныч вдруг закричал на него, прямо из-за его спины:

– Стой! Ты что делаешь! Кто так приседает?

«Вот уж три года я приседаю, и всё было хорошо, а теперь этот маразматик будет меня учить», – подумал Дима, а вслух вежливо спросил:

– А как надо, Велемир Адроныч?

– Вот ты как садишься на унитаз? Покажи.

– В смысле, Велемир Адроныч?

– Ну как в туалет ходишь по-большому? Как на унитаз присаживаешься? Изобрази.

Дима, стиснув зубы и мысленно матерясь, изобразил.

– Вот! – закричал старик. – А какого хрена ты со штангой

на корточках присаживаешься? Понял?

– Да, да, спасибо, понял...

В зал зашли трое девушек. Болтая и хихикая, они заняли беговые дорожки. Дима заметил, что они оценивающе оглядывают его. Он давно заметил у некоторых девушек такую интересную черту – прицениваться к нему взглядом, но так и не решил, хорошо это или плохо. Судя по улыбке одной из них, смотрины прошли успешно. Дима резко увеличил вес штанги и продолжил приседать.

– Стой! – вдруг опять закричал Велемир Адроныч. – Забыл что ли, как на унитаз садишься? Ну-ка, давай ещё раз!

Девушки с любопытством посмотрели на него. Дима почувствовал, что краснеет, но не смог перечить Велемиру Адронычу и, проклиная его самыми страшными словами, изобразил. Девушки захихикали, что-то сказали друг другу и ушли.

– Что в бане давно тебя не видно? – спросил Велемир Адроныч, прямо, не сгибаясь, присев на скамейку для жима. Он всегда садился и делал упражнения, не сгибая спину, потому что позвоночник его был перебит в нескольких местах. Говаривали, будто почти все его кости заменили на титановые после какой-то страшной катастрофы, о которой никто ничего не знал наверняка, а сам Велемир Адроныч никогда не рассказывал. Некоторые утверждали, что он участвовал в боевых действиях на темной стороне Луны и в одиночку разбил молотом вражеский бронетранспортёр, полный солдат.

Они стреляли в него упор, но прежде чем упасть бездыханным, он убил их всех. В награду за этот подвиг Министерство Наступления выделило огромную сумму на восстановление изувеченных останков Велемира Адроныча. По другим сведениям, он просто работал там добытчиком Гелия-3, из-за которого, собственно, и случилась война, и взорвался в шахте. Его тихий шепелявый голос тоже явился следствием травм – сломанной нижней челюсти и шеи. Как-то Дима показали фото молодого Велемира Адроныча – огромного бородатого медведя с бешеным взглядом. Но несмотря на нынешнюю старческую худобу и медлительность, в нем сохранилась прежняя мощь, и он до сих пор оставался самым сильным человеком в тренажёрном зале. И самым уважаемым – его авторитет был непререкаемым в решении любых вопросов. Между собой пауэрлифтеры ласково называли его трансформером.

– Да времени не было, работы много, – ответил Дима.

– Пьянки, небось, и бабы, вот и вся твоя работа, – усмехнулся Велемир Адроныч.

Дима хотел было начать оправдываться, но старик прервал его:

– Ну и правильно. Не в Зону же Правды подаваться, верно говорю?

– Верно, верно, Велемир Адроныч.

– Ну ладно, пойду я. Ты смотри, в зал почаще приходи. И баню не пропускай.

На пороге раздевалке он обернулся и добавил:

– И не жми.

– Ну что вы! – замахал руками Дима. – Как можно! Жмут только дураки. В этом толку нет никакого.

Едва Велемир Адроныч покинул пределы тренажёрного зала, Дима бросился на жимовую скамейку и принялся со страстью жать, как сумасшедший, ибо запретный плод особенно сладок. Если бы не Велемир Адроныч, он может и вообще не стал бы сегодня жать – после вчерашнего не было на это сил и настроения. А теперь он нажался так, что выполз из-под штанги еле живой, в поту и тяжело дыша. Вот что значит, – подумал он, – нажаться, как свинья.

Весь последующий день Дима просидел на работе за компьютером, читая новости в интернете и попивая кофе. Коллеги видели, что ему не очень хорошо, и не беспокоили разговорами. Один раз зашёл начальник, открыл было рот, собираясь что-то сказать, но, увидев Диму, закрыл его.

– Чего? – сказал ему Дима, тяжело глядя исподлобья.

– Ничего, – ответил начальник и ускакал в другой кабинет, чтобы поручить задание для Димы кому-нибудь другому.

Под вечер к нему заглянула Марина, которой он звонил ночью с предложением о встрече. Она ворвалась бодрая и счастливая, подбежала и облокотилась на его стол. Дима не чувствовал стыда за вчерашний звонок и хрипло приветствовал её.

– Привет! – сказала она весело. – Я так была рада, что ты мне вчера позвонил!

– Не заметил.

– Пойдём сегодня в один замечательный клуб? Я тебя приглашаю. Очень стильное место – всё сделано в духе сельских дискотек начала тысячелетия.

Дима согласился, даже не спрашивая в какой именно клуб. Других планов у него на сегодняшний вечер всё равно не было.

На место они приехали рано, в такое время, когда обычно в клубах ещё никого нет. Они миновали охрану – трёх строгих непроницаемых мужчин в костюмах, заплатили за вход, и очутились в небольшом полутёмном зале. Вопреки ожиданиям, людей оказалось много и почти все были пьяны. Кто-то целовался, кто-то пил у барной стойки, кто-то полулежал на диванах и хмуро разглядывал танцующих, думая, с кем бы завязать разговор, ведущий к драке. Вдоль стен стояли девушки, ещё не нашедшие кавалера, и грустно смотрели по сторонам. Музыка была древней – какая-то композиция 10-х годов прошлого века. Вначале Дима решил, что таков замысел ди-джея и сейчас просто попалась случайная старая песня, а дальше будет что-то более современное. Как бы не так – и дальше продолжалась дискотека 10-х нон-стоп. Более того, никакого ди-джея не было, а был обычный музыкальный центр.

Дима пробрался к барной стойке, заваленной пачками си-

гарет, пустыми рюмками и забитыми пепельницами, и подозвал бармена. Бармен оказался сильно выпившим, но заказ выполнил быстро – два виски с колой.

Девушка Димы, как выяснилось, знала здесь почти всех. То и дело к ней подходили джентльмены и дамы, целовали её, обнимали и косились на Диму. Она довольно быстро выпила свой напиток, потом второй и третий, и захотела танцевать. Склонить Диму к танцу ей не удалось, и она решила заняться этим одна, а он остался у барной стойки. Облокотившись на столешницу, он пил и старался избегать визуальных контактов с местными парнями. Некоторое время он наблюдал за своей коллегой, как пластично она двигается и как обворожительно улыбается, бросая на него многозначительные взгляды. Он вдруг заметил, что она очень красива, сексуальна и обаятельна, и окружающие мужчины смотрят на неё, вызывая ревность своих подруг. Она послала ему воздушный поцелуй, рассмеялась так, что у него всколыхнулось что-то томительное от паха до головы, и исчезла в мелькающих джунглях рук и ног.

Вскоре он поймал себя на мысли, что ему, в общем-то, здесь хорошо. Алкоголь снял напряжение, не покидавшее его в течение всего дня, атмосфера клуба навевала какие-то смутные ностальгические переживания. Рядом с ним пристроился полный, уставший от танцев мужчина в расстёгнутой рубашке. Он заказал пятьдесят грамм водки, но, заметив Димин любопытствующий взгляд, заказал ещё пятьдесят.

– Угощаю, – сказал он и протянул руку. – Андрей.

Дима пожал его большую крепкую руку, представился и поблагодарил за водку. Они выпили. Помолчав минуту, Андрей вопросительно посмотрел на Диму.

– Ещё по пятьдесят! – крикнул он бармену через стойку, как будто их разделяла не столешница в полметра толщиной, а река или лес.

Бармен вздрогнул, оглянулся, но заметив добродушные выражения лиц Андрея и Димы, стал наливать им ещё по пятьдесят.

– Позвольте, – возразил Дима, – теперь уж я вас угощу.

– Нет-нет-нет, никаких разговоров, – замотал головой Андрей и выставил перед собой ладони с толстыми растопыренными пальцами, давая понять, что разговор окончен и он не потерпит возражений.

Они выпили.

– Маринка очень хорошая, повезло тебе, – сказал Андрей. – Отличная девчонка, не пожалеешь. Её здесь все знают, – и он указал рукой на всех.

– Да, наверно, – уклончиво согласился Дима, оглядев этих всех, кто знает Маринку.

– А ты сам откуда? Раньше не видел тебя в наших краях.

Дима не совсем понял суть вопроса, поэтому ответил на него в общих чертах, больше полагаясь на интонацию, мимику и жестикуляцию, чем на содержание своих слов. Андрей, слушая его, понимающе кивал головой и не переспрашивал.

Когда Дима закончил, Андрей крикнул через стойку:

– Ещё по пятьдесят!

– А вы откуда? – спросил его Дима.

– О, это долгая история!

– Ну, я готов послушать. Если конечно вам несложно.

– Мне-то не сложно, – захохотал Андрей, – но этой истории не одна тысяча лет. Хватит ли времени, чтобы её выслушать?

– Хм, интересная метафора. Не очень понимаю, о чём это вы и куда вы клоните... Если что, я против тяжёлых наркотиков. И не уверен, есть ли у меня в запасе тысяча лет.

– К счастью, есть! В общем, я, если говорить проще, последователь первого. Это организация такая, как бы тайная, в интернете ничего о ней не ты найдёшь. Последователи первого. Мы следуем за первым, чтобы помочь ему вернуться к первоначальному... В общем, черт, это сложно объяснить.

Дима покивал, как будто понял, о чём речь и сказал в продолжение разговора:

– А что вы думаете о такой организации как «Зона Правды»?

– Я стараюсь о ней не думать. Но мне кажется, лучше туда не попадать. Что честному человеку делать в «Зоне»? Согласен?

Дима неуверенно кивнул.

– Ладно, мне пора. За знакомство, – Андрей поднял свою рюмку, чокнулся с Димой и проглотил содержимое. – Если

что, пиши, посидим.

Он протянул Диме визитку и направился в туалет.

Дима понял, что уже давно не видел Марины и слегка забеспокоился – всё-таки у него были определённые планы на её счёт. Допив остатки коктейля, он оторвался от стойки и побрёл по танцполу, сквозь мерцающую в блеске софитов живую массу. Среди танцующих её не нашлось, и он заглянул в туалет, но там был только полуголый парень, которого со смехом раздевала девушка. Андрея почему-то в туалете тоже не оказалось, хотя Дима сам видел, как тот зашёл туда минут пять назад.

Он нашёл её на улице. Пьяная и чем-то обиженная, она трясла пальцами с длинными золотыми ногтями и ругалась на двух длинных, покачивающихся на ветру парней.

– У меня молодой человек есть! – кричала она. – Он вам морду набьёт, ясно!?

– Да что ты привязалась, – отмахивался от неё парень. – Ты сама к нам лезла.

– Ну всё, вам конец. Я сейчас позову моего молодого человека!

– Да вот он стоит, – парень указал ей на Диму.

Она обернулась, увидела Диму, хотела что-то сказать, но не нашла что и убежала в клуб.

Когда он догнал Марину, она резко обернулась, раздражённо смахнула его руку и закричала:

– Я же девушка! И хочу, чтобы из-за меня убивали! По-

чему ты не набил им морду?

– За что?

– Какая разница? Ты же видишь, что твою девушку обижают!

Она снова растворилась среди танцующих, а он остался в растерянности. Подошёл к бару, заказал две текилы и одну немедленно выпил залпом. Взял чью-то сигарету со стойки, и впервые за многие месяцы закурил. Первая же затяжка доставила неземное наслаждение. Точно корабль на высоких волнах, его всколыхнуло и заштормило, всё вокруг расплылось в мутные тона и потеряло резкость. Я напился, – отчётливо осознал он. Зазвонил телефон, номер был незнакомый.

– Привет! – услышал он бодрый женский голос. – Что делаешь?

– А это кто?

– Как кто... Это Аня...

– Ой, извини, солнце! Здесь просто шумно очень.

– Ты где?

– Я это... За сигаретами вышел... В магазине.

– Ну и музыка у тебя там в магазине!

– Да, это шумный магазин.

– Хочешь, я приеду?

– Извини, я болею совсем, простужен, из дома не выхожу.

Заражу ещё тебя.

– Так ты же в магазине?

– Ах, ну да... Ладно потом поговорим, я не слышу ниче-

го, – он выключил телефон, чтобы больше никто не мог позвонить.

Кто-то тронул его за плечо. Он обернулся и увидел двух парней, с которыми ссорилась на улице Марина.

– Ну чего, пойдём-выйдем? – сказал один.

– Зачем?

– Надо, – ответил другой и толкнул его в грудь.

Не раздумывая, Дима ударил парня кулаком в челюсть, постаравшись вложить в удар всю силу. В ту же секунду на него набросился второй, рядом кто-то завизжал, на пол посыпались рюмки и пепельницы. Тут же появились охранники и, крепко схватив его за руки, грубо куда-то поволокли по грязному липкому полу сквозь багровую тьму. Было унижительно и страшно, что его так тащат, неуважительно – значит, наверно хотят бросить на жёсткий асфальт и избить со злобой ногами, жалко валяющегося под безразличными возгласами окосевших валькирий: «Оставьте его! Ему уже хватит!» Но нет, – решил Дима, – я должен что-то сделать! Резко вывернувшись из враждебных рук, он вlepил правой в чью-то голову. Поднялся женский крик, кажется, он попал в девушку. Его опрокинули на пол, стали пинать и заламывать руки. Потом опять поволокли, больно выкручивая локти и обзывая самыми обидными словами. Спустя мгновение он уже лежал на асфальте за порогом клуба и в него брызгало прохладным дождём темно-серое небо. «Дождь ранен, Дождь ранен, – говорил кто-то в отдалении, бряцающая доспеха-

ми, – помогите, ему плохо!»

– Галлюцинации, – прошептал он и усмехнулся, – таблетки... .

Над ним склонилась Марина, он видел её глаза, полные пьяной нежности и блестящие то ли от слез, то ли от света фонарей.

– Таблетки? – переспросила она. – Какие?

Она принялась шарить у него по карманам и нашла «Морфики».

– Сейчас, сейчас дорогой! Я не знаю, сколько... – она высыпала из банки на ладонь горсть, – ну этого, думаю, должно хватить.

Дима пытался протестовать, возражать, но ни язык, ни руки его не слушались, и она положила капсулы ему в рот.

– Дай пиво, – закричала она на парня, который стоял над ней, сильно раскачиваясь и уходя головой далеко в небо. – Димасику запить надо!

Дима узнал этого юношу – именно ему он дал в челюсть у стойки бара. Парень равнодушно протянул ей банку, и она залила пиво в горло поверженному, глядя его одной рукой по лицу и плача. Он почувствовал в своих глазах её слезы. Люди перед ним вдруг расплылись радужными фигурами в золотых огнях фонарей и переплелись, образуя красочный непонятный пейзаж. Он протёр глаза тыльными сторонами ладоней, но мир вокруг совсем потерял резкость, и он тёр ещё и ещё, пока картина не стала потихоньку проясняться.

Приподнявшись, он обнаружил себя на соломенной подстилке в полуразрушенной глинобитной хижине. У изголовья стояла железная кружка и миска с какой-то гадостью, тлела лучина, сам он был в равном исподнем, запачканном грязью и кровью. Голова раскалывалась от тяжёлой тупой боли – осторожно потрогав её руками, он нащупал бинты. Судя по яркому белому свету, бьющему из окошка под потолком, был солнечный полдень.

Снаружи раздавались голоса двух людей. Стараясь не шуметь, он встал на четвереньки и медленно пополз к выходу. Его замутило от боли и слабости, и он остановился передохнуть. Затем продолжил путь, пока не приблизился вплотную к дверному проёму. Говорящие были совсем близко, судя по манере разговора, один из них был благородного происхождения – значит, офицер, – решил Дима.

– Вот куда война нас забросила... А дома осталась моя возлюбленная... – грустно сказал офицер.

– Жена, господин?

– Да какая жена, дурак. Я же сказал – возлюбленная. Это у вас так – завалил у колодца бабу и всё – уже жена. А она мне даже пока не невеста.

– Ну она хоть любит вас?

– Хотел бы я знать... Я ведь добивался её расположения долго и мучительно. Я месяцами стоял на коленях под её окнами каждую ночь, в дождь и слякоть, в град и снег, в любую

непогоду и ненастье, и пел серенады. В надежде на то, что когда-нибудь она, наконец, выйдет в лунную ночь на балкон и взглянет на меня, изнемогающего от любви, и соблаговолит кивнуть едва заметно. Ну, или просто пройдёт мимо окна, а то я даже не был уверен, что это её окно. Но она сделала больше – на семьдесят вторую ночь смахнула с подоконника в мою сторону лепесток розы. Тогда я, захлёбываясь слезами счастья, схватил этот лепесток и жадно целовал его, прижимая к лицу и вдыхая его аромат, как самый восхитительный на свете и несущий частичку моей возлюбленной. После этого щедрого дара я знал, что рано или поздно, скорее поздно, чем рано, она, тронутая моей преданностью, соизволит спуститься ко мне, побеседовать о погоде, и может быть, но вряд ли, намекнёт о свидании!

– Так может этот лепесток просто ветром с подоконника сдуло?

– Эх...

Дима, подслушивающий за стеной дома, невольно сказал: «Даааа...» Будучи и сам благородного происхождения, он, тем не менее, не верил в эффективность такого прекрасного, но не действенного метода ухаживаний. Дамы, если не предпринять решительных мер, не то что месяцами, но и годами готовы слушать серенады, и пальцем о палец не ударят, чтобы одарить поклонника вниманием.

Офицер подбежал к дверному проёму, заглянул внутрь и громко закричал: «Пленный очнулся!»

– Прошу прощения, – сказал Дождь, – что вмешиваюсь. Я и сам когда-то пел серенады, но это привело лишь к тому, что я едва не сошёл с ума. Пока я пел, к моей возлюбленной пришёл один человек и увёл её с собой, не пропев ни единой строчки.

Офицер не ответил ему. По пробитой дороге в коричневых лужах приближалась группа солдат, возглавляемая всадником в плаще с капюшоном.

– Опять ты попался, – засмеялся всадник, остановившись над ним. Откинув капюшон, он обнажил лицо, показавшееся Диме странно знакомым. – Во все времена было и будет одно и то же.

Фигуры и каприччо

Его разбудила музыка. Он лежал на чужой кровати в незнакомой комнате. Какая-то девушка подпевала музыкальному центру в другой комнате, наверно на кухне. Поднявшись, он посидел некоторое время на кровати, прислушиваясь к своему состоянию. Внутри кто-то тоскливо пиликал на струнах души, барабанил по сердцу и тяжело вздыхал. Он прошёл в ванную и встал у зеркала, опершись на раковину, чтобы полегче было стоять. Глаз подбит, нижняя губа распухла, нос расцарапан. Повернувшись, он обнаружил, что и спина расцарапана, а на плече багровеет крупный засос.

– Ты молодец, – сзади подошла Марина. – Заступился за меня перед этими скотами. Только меня-то зачем ударил?

Она выглядела неплохо, даже бодро, разве что набухла рассечённая бровь.

– Извини. Случайно.

– Ну я так и поняла, – она взяла его за подбородок, повернула к себе и поцеловала в нос.

Он поморщился. Его всегда раздражала манера некоторых девушек обращаться с мужчинами, как с плюшевыми игрушками. Целовать их в носы, трепать волосы, делать «утютю» и называть тошнотворными уменьшительными ласкательными. Вроде «маська», «любимка», «хорошка». Обычно это свойственно совсем юным девушкам, ну лет семнадца-

ти-восемнадцать, они ещё не отвыкли от детских игр и ласк, и переносят их на своего мужчину, но вот когда так ведёт себя уже вполне зрелая женщина, это возмутительно. Прислушиваясь к своим желчным размышлениям, Дима понял, что настроение у него совсем неважное.

Ему вдруг вспомнились ночные видения, рассказ какого-то человека о своих долгих и бесплодных ухаживаниях за возлюбленной. Да, – подумал он, – теперь всё иначе! Теперь девушки добиваются расположения мужчин и усыпают цветами дорогу, скребутся под дверью и плачут под окнами... Ну и как тут устоять?..

Он сел на кухне, тяжело облокотившись на стол. Она поставила перед ним кофе и к его радости ушла в другую комнату. Возможно, она поняла его состояние. А скорее решила изобразить обиду на его невнимание, и будет тщетно дожидаться, когда он придёт. Он сделал несколько больших глотков и спустя минуту ему полегчало, громкая музыка больше не раздражала и жизнь вдруг вывернула из тупика бессмысленности. На столе лежала пачка ментоловых сигарет. Нет ничего отвратительнее, подумал он, чем ментоловые сигареты. И закурил.

– Послушай, – крикнул он Марине, – а я же кажется вчера счёт не оплатил.

– Не переживай, – ответила она из другой комнаты, – твой друг с большим волосатым пузом за нас заплатил.

– Андрей, что ли?

– Ну да, вроде так его зовут. Не знала, что у тебя друзья есть в этом клубе.

– Я тоже не знал. Хороший он человек. Симпатичный.

– Ну да, неплохой. Мне тоже нравится.

На работе Дима решил не появляться в таком виде. Попрощавшись с Мариной, он вышел на пустынную улицу. Ледяной дождь лил, казалось, уже вечность, под одежду задувал принизывающий ветер. Всё вокруг окрасилось в серые тона, и даже лица у редких прохожих были серые. В метро он старался не поднимать голову, чтобы скрыть следы побоев. Пассажиров было немного, всего человек двадцать на весь вагон, и он смог найти свободное место. У станции «Зона Правды» завибрировал телефон – звонил Ярополк.

– Привет, – сказал он, – что делаешь?

– Еду! В метро! – закричал Дима, едва разбирая слова сквозь шум поезда. Странная привычка, – подумал он, – кричать в трубку, когда плохо слышишь собеседника, он-то ведь отлично тебя слышит.

– В метро еду! – ещё громче закричал он и невольно оглянулся на пассажиров – не привлёк ли он их внимания своим нездоровым криком. И вдруг заметил в другом конце вагона знакомое лицо. Он сразу узнал её – девушка с газетой из Банка реинкарнаций. Она неотрывно смотрела на него, ужасно бледная и как будто напуганная, и даже не собиралась отводить глаза, несмотря на его наглый прямой ответный взгляд. Отчего-то у него заболело в груди и затруднилось дыхание.

– Слышь, Дим, у меня к тебе есть выгодное предложение! В Зону Правды не хочешь отправиться?

– Я как раз мимо проезжаю, – засмеялся Дима. – А если серьёзно, чего звонишь?

– Да я серьёзно. Ты подумай. Есть выгодная работа там. Вечером позвоню.

Дима убрал телефон и оглянулся в поисках девушки. Она исчезла, видимо, вышла на станции. Он почему-то огорчился. Может, оттого что в нехорошем виде предстал перед ней – наверно подумала, что он какой-нибудь алкоголик или наркоман...

Звонок Ярополка оставил неприятное ощущение, которое многократно усилилось от похмельного состояния. Зачем он сделал такое предложение? – забеспокоился Дима. Меньше всего на свете он хотел бы оказаться в Зоне Правды. Там нельзя лгать, там нельзя ничего скрыть, там становишься другим и никогда уже не будешь самим собой. И, любопытно, какое отношение к Зоне имеет сам Ярополк?

Дома Дима сразу сел за компьютер в надежде найти информацию о Зоне Правды, но на месте ему не сиделось. Настроение менялось каждые пять минут. То он вдруг вставал в крайнем возбуждении, смеялся и потирал руки, как будто собирался заняться интересными делами, то вдруг замирал, и с потухшим взором падал обратно в кресло. Он не мог сосредоточиться на какой-либо мысли, и быстро перескакивал от одних воспоминаний к другим, причём совершенно вро-

де бы случайным. При этом в памяти всплывали неважные и ненужные вещи, например, как он в детстве в первый раз обманул или как его укусила оса. Вспомнился почему-то и удивительный эпизод, как стоял он однажды в сумрачном поле, а ветер волнами катился по медным колосьям и небо было бледным от туч. Длинноволосая девушка заглядывала ему в глаза со странной улыбкой, от которой замирало его сердце, и что-то говорила, приложив свои ладони к серой стали его нагрудника, а он словно чувствовал тепло её рук и смотрел на неё, немой от любви. А под штандартами в отдалении его ждали оруженосцы и копейщики.

– Стоп-стоп-стоп! – сказал Дима сам себе. – Это какая-то чепуха. У меня нет таких воспоминаний! Какие штандарты и копейщики...

Он прошёл в прихожую, порылся в карманах и извлёк банку с морфиками. Не было сомнений, что дело именно в этих проклятых таблетках, которые ему подсунул Ярополк. Мелькнула мысль позвонить ему, но что-то его остановило, какой-то смутный внутренний страх перед Ярополком. С ним было не всё в порядке, определённо. Он выбросил банку с таблетками в мусор.

Дима снова вернулся к компьютеру, забыв, для чего он к нему садился в первый раз. Наверно, решил он, чтобы просто потупить. Он принялся листать новостные страницы, чтобы как-то убить время. А времени, – вдруг подумал он, – осталось совсем мало. Я и многие другие каждый день, так или

иначе, убивают время. А ведь если оглянуться назад, то увидишь, как быстро оно проходит, летит, почти не оставляя следов, и вот ты уже взрослый и большой, и ещё чуть-чуть – и закроет тебя гробовая доска. А каждый день только и ждёшь, чтобы побыстрее он прошёл, этот день, и наступил следующий, как будто в этом следующем дне будет то самое, ради чего живёшь, но нет – наступает следующий день и ты вновь ждёшь очередного. И так ничего и не происходит. Странно, – подумал он, – какая никому ненужная мимолётная жизнь. Зачем она идёт? И что в ней делать? И ради чего нужно жить? И жить не получается, и смерти боишься... Размышления о жизни вызвали у него внезапный приступ панического страха перед смертью, и он постарался прогнать прочь бесполезные мысли.

Внезапно он вновь вспомнил о девушке в поле из своего ложного воспоминания. Он забеспокоился, ощутил укол тревоги, и тут же забыл о ней, задумавшись о своей тревоге.

Надо собрать волю в кулак и сосредоточиться на изначальной задаче, – понял он, и мысленно рассмеялся метафоре о кулаке. Как её соберёшь, эту волю, если её жалкие остатки расползлись по разным частям тела, а кулаки, в которые надо её собирать, трясутся и не сжимаются. Да и изначальная задача уже забыта. Он встал и выглянул в окно. На соседнем небоскрёбе висел, уже местами порвавшийся, огромный плакат «Зона Правды. Мир, где нет лжи...» Диму осенило – так вот, что он собирался сделать! Найти информацию о

Зоне! Он сел обратно за компьютер и быстро набрал в поисковике два слова.

На заглавной странице сайта «Зоны Правды» мигал баннер «Научись жить безо лжи!» Ниже следовал пространный текст о плодотворных изменениях личности тех людей, которые побывали в Зоне. В конце говорилось: «Очевидно, что ложь – это основной порок, который мешает человеку достичь гармонии с самим собой и окружающим миром, стать счастливым. Но у нас ложь невозможна! А когда нет возможности солгать, человек не в состоянии поступить дурно, ибо именно ложь толкает на злые дела (и наоборот). Совесть и любовь к ближним, вот что здесь движет людьми, поэтому в Зоне Правды нет места злу. Важнейшие моральные ценности человечества у нас обретают реальность и подлинный смысл. В океане лжи, в котором утонул мир – от простых людей до властителей, здесь Вы найдёте остров Истины. И не будет большим преувеличением назвать наш городок Градом небесным, или – Земным раем».

В историческом разделе Дима выяснил, что Зона Правды основана достаточно давно, фактически одновременно с первыми Банками реинкарнаций. Изначально она занимала одно большое здание в черте города, но за годы развилась в автономный городок. Оказывается, попасть в неё по собственному желанию было нельзя, туда принимали исключительно по рекомендации бывших или настоящих резидентов Зоны.

– Ммм, – сказал Дима. Вот как. Значит, Ярополк каким-то образом связан с Зоной. – И есть же такие сумасшедшие, которые стремятся туда попасть.

Ходили слухи, что по какой-то причине в Зоне невозможно было лгать. Будто бы обитатели Зоны обладали даром видеть человека насквозь и сразу определять по его словам, говорит он правду или нет. Дима в очередной раз представил себя в Зоне и похолодел. Было много вещей, которые он никогда и никому не собирался рассказывать, слишком личных, интимных, а иногда и стыдных, чтобы знали о них другие.

Взгляд упал на кусок текста в экране: «...Вам потому страшно сказать правду другим, что «другой» для вас – синоним «чужого». Поменяйте своё отношение к людям, и вы обретёте единство с миром и человечеством...»

Может и так, – отчасти согласился Дима, – может, другой это не столько чужой, сколько я сам, но уж слишком это страшно таинство исповеди сделать публичным.

Никакой конкретной информации об устройстве Зоны, о том, что в ней происходит, он не нашёл, лишь возвышенные общие фразы. Одна из таких фраз заставила его серьёзно задуматься – президент Зоны заканчивал своё письменное обращение к посетителям сайта словами: «Будьте с нами! Прервите цепь перерождений!»

Идеология Зоны Правды явно сводилась к тому, что нужно остановить череду воплощений, чтобы вернуться в изна-

чальное состояние, до первого рождения – состояния вечно-го блаженства, без страданий, боли и сомнений. А чтобы добиться этого, необходимо научиться «жить безо лжи».

Впрочем, возможность прерывания цепи перерождений научно доказать не сумели. Была, правда, пара учёных, убеждённых в том, что «колесо Сансары» можно остановить, но всерьёз их, кажется, никто не воспринимал. В старые времена эту остановку называли мокшей или нирваной и многие верили в неё, хотя и не могли назвать ни одного человека, кроме легендарного Будды, кому это удалось бы. И вот что любопытно, едва метемпсихоз из положения религий превратился в научный факт, эта ключевая идея о прекращении перерождений утратила своё значение. Теперь считалось, что все обязательно после смерти обретают новую жизнь, вселяются в новое тело, утрачивая память о прошлых воплощениях. В прессе ходили, конечно, периодические слухи о загадочных «ДУШАх» (научная аббревиатура, обозначающая субстанциональную сущность человека, оставшуюся после его смерти – дуально-универсальный шаровой абсолют), новые воплощения которых после их смерти так и не удалось установить. Однако учёное сообщество по этому поводу отмалчивалось или ссылалось на то, что популяция людей на Земле слишком велика и новые воплощения просто ещё не были обнаружены. Или же, по неизвестным причинам, пока ещё не переродились, но обязательно переродятся. Вот он, подумал Дима, дурацкий принцип бритвы Оккама в

действии – что не доказано, того не существует. В этой связи его интересовал совсем другой вопрос. Он моделировал такую ситуацию: допустим, в результате какой-нибудь глобальной катастрофы, например, падения крупного метеорита, погибнет всё человечество и вообще весь живой мир на планете. Ну и что тогда будет с «душами»? Куда им переселяться? И вообще, где они в этот момент между жизнью и жизнью? Вернее, между смертью и жизнью? Научная теория метемпсихоза не давала однозначного и ясного ответа на этот вопрос. А ещё удивительнее было вот что – если население Земли каждый день увеличивается, то откуда берутся всё новые и новые души для новых тел? Откуда они появляются? Кто их создаёт? Или они сами как-то создаются? В одной статье Дима прочитал, что ДУШИ генерируются в сердце Черных дыр в центрах галактик, но это исследование нельзя было принимать всерьёз, оно явно носило псевдонаучный характер и было написано новым воплощением Эйнштейна – мелким бездарным журналистом, который не мог смириться с гениальностью своего «предка». В документах, посвящённых научной работе Зоны Правды, он наткнулся на более любопытный материал, где доказывалось, что ДУШИ существуют в ограниченном количестве с возникновения мира. Поэтому большая часть человечества – это, как писалось в статье – «боты». Этот термин из компьютерных игр был взят для обозначения людей без души, обладающих разумом, волей, способностью к действию, но лишённых ду-

ши и, следовательно, возможности перерождений. Умирая, они просто исчезали в ничто, так же, как появлялись из ничего, рассыпались на кванты и возвращали позаимствованную энергию. Дима стал читать дальше.

«Привычка говорить правду в любой ситуации, быть всегда честным с другими и, что важнее, с самим собой – гарант обретения независимости от мира и жизни. Свободен только тот, кто говорит правду. Потому что ложь – это слабость, ложь – это попытка укрепиться в этом иллюзорном мире и ошибочная вера в его ценности. Лжёт тот, кто верит, что события, вещи, люди и его собственное «я» имеют большое значение. Лжец – этот тот, кто каждый день откладывает путь добродетели на завтра, но не встаёт на него никогда. Как правило, именно лжецы особенно боятся смерти – им страшно разрывать связи с миром, которому они приписывали такую огромную ценность, с миром, ради которого они предавали, изменяли, лгали. Честный же человек умирает с улыбкой – у него нет незакрытых счетов с совестью и с миром, он свободен».

Решив, что на сегодня хватит, Дима выключил компьютер. Укладываясь в постель, он размышлял о прочитанном. Ему казалось, что на сайте Зоны содержались вполне разумные наставления и было бы неплохо, если бы люди им следовали. Но вот этот вот мистический антураж с идеей прерывания цепи перерождений отдавал, конечно, чёрной магией.

Засыпая, он слышал, как во дворе поскрипывала сосна и

хлопал ветер шторами в чьём-то открытом окне. Бесконечный дождь, разбиваясь о подоконник, брызгами залетал в комнату. Одна капелька даже упала Диме на лицо. Ветер видимо крепчал, потому что шторы хлопали всё резче и громче, и всё протяжнее скрипела сосна.

«Надо встать и закрыть окно, – подумал он, – похоже/ ураган начинается».

Жар и холод

И в самом деле, грохот нарастал – скрип, удары, солёные брызги в лицо. Что за черт, – сказал он про себя и встал. Быстро взбежав по лестнице, он вышел на палубу. Погода испортилась вконец – небо заволокло темной серой пеленой, ветер свирепо бил парусами и вздымал гребни в два человеческих роста, бросая в людей потоки ледяной воды. Вцепившись в фальшборт, он перегнулся и посмотрел в кипящую пучину за бортом. В черных волнах мелькали блестящие длинные тела, быстро скользили, уходили на глубину и вновь всплывали.

– Снять паруса! – закричал он. – Сети за борт!

Какой-то бородатый промокший матрос в огромном капюшоне спросил:

– Может не надо сети? Перевернут, суки!

– Надо! Выполняй!

Как только паруса спустили, судно стало держаться ровнее. Несколько человек сбросили с правого борта сеть.

– А ты прав, – весело закричал бородатый, – здесь они, милые, полно!

Дима ободряюще махнул рукой. Но мощные порывы и темнота беспокоили его – если ветер ещё усилится и корабль развернёт бортом, то может и перевернуть. Или, по крайней мере, смоев кого с палубы волной.

– Тяни! Тяни! – закричал бородатый.

Дима подбежал к морякам. Отяжелевшую сеть резко потащило вниз. Он вместе с другими схватил верёвки и потянул.

– Что такое!?!.. Зацепилась!?

Зацепилась. Сеть не шла, а корабль накренился и медленно пополз бортом к ветру.

– Я же говорил, – страшным голосом сказал кто-то, – надо днище было чистить перед выходом в море...

– Конец нам, Дождь, – крикнул ему в ухо бородатый.

Тревожно зазвенел гонг, кто-то без приказа стал бить в него, как будто это могло что-то изменить. Судно кренило всё круче, нагибая мачтами к волнам, а звон всё учащался и нарастал, превращаясь в непрерывное дребезжание. Кто же это так часто долбит, – с раздражением подумал Дима.

Он сел в темноте на кровати и спустя несколько секунд понял, что это домофон. Пройдя в прихожую, он взял трубку.

– Здравствуйте, – раздался бодрый мужской голос. – Вы уже нашли свою вечную любовь? Или полагаетесь на вечность в запасе?

Дима испугался и растерялся. Ему показалось подозрительным, что среди ночи какой-то незнакомец спрашивает его о любви.

– Нет, не нашёл, – сказал он после мучительного размыш-

ления. – А вы кто такой?

– Ну и дурак. Открывай, это я.

Войдя, Василий сразу отдал брату вымокший холодный плащ.

– Непогода, – сказал он таким тоном, как будто приход в три часа ночи самое обычное дело.

– А что так поздно? Ты в курсе сколько времени? И что там было про любовь?

– Я по делам тут был рядом, решил зайти. Красивое у тебя лицо. Шрамы украшают мужчину. А про любовь – так, шутка.

За приготовлением чая Дима вкратце изложил брату свои приключения в клубе. Василий одобрительно качал головой. Дима рассказал ему и о странных снах. Больше всего его пугало, что сегодня на ночь он не употреблял таблеток, ведь он выбросил их накануне в мусорное ведро. Наверно, решили братья, переборщил, не следовало смешивать с алкоголем и пить в таком количестве, не всё ещё вышло из организма. Спать они легли под утро, часа в четыре.

На следующий день Дима проснулся поздно. Василий ещё спал и он решил сходить пока в магазин, купить сигарет. В очереди перед ним стояли наркоманы – за дешёвыми заменителями наркотиков. Дима до сих пор с трудом верил, что их покупают, но, тем не менее – это было фактом, они пользовались большой популярностью. Когда-то давным-давно люди придумали выпускать безалкогольное пиво, и все ста-

ли его пить, а потом появились безалкогольные крепкие напитки, все смеялись, но и их тоже стали пить. А затем – искусственный кокаин для богатых и искусственные амфетамины для бедных – без содержания веществ, вызывающих эйфорию, стимуляцию и, соответственно, привыкание. Но по вкусу, цвету и запаху они были точь в точь как настоящие наркотики. Даже стали делать безвредный героин. И что же? Несмотря на протесты всех учёных и просто здравомыслящих людей, заменители пользовались огромным успехом. В городе открылось несколько клубов, где мастера различных духовных практик обучали наркоманов умению получать удовольствие от ненастоящих наркотиков. Все просто, говорили они, достаточно лишь поверить, что они настоящие! Забыть, что это заменители и принимать их так, как будто желаемый эффект неизбежен! И вот, что любопытно – это действовало, а количество смертей от передозировок и разрушенного здоровья резко сократилось.

Едва выйдя из магазина, Дима торопливо выкурил две сигареты подряд. А потом прикурил третью. Он давно уже заметил за собой какую-то ненормальную спешку во всех делах и неумение вовремя остановиться. Например, даже в бане, куда он периодически ходил с братом, он парился дольше и отчаяннее всех. И не потому, что очень хотел париться, а потому что не мог сидеть в предбаннике без дела – там он сразу начинал нервничать, оглядываться по сторонам и беспокоиться, не зная, чем себя занять. И не усидев, вска-

кивал и опять бежал в парилку. Опытные банщики, многое видавшие на своём веку, даже спрашивали про него друг у друга: «А что это за парень?» «Какой такой парень?» – переспрашивали другие. «Ну, этот, что парится, как е-анутый». «Ааа, – отвечали те, – этот, что парится, как е-анутый? Не знаем, но да, ходит такой в баню давно уже». В бане его только так и называли поэтому: «этот, который парится, как е-анутый».

Куда я спешу, – недоумевал он, стоя на улице с сигаретой, – отчего убегаю? Вроде бы он всегда торопился всё сделать быстро, как будто хотел освободить время для настоящих важных дел или для отдыха, но едва это время появлялось, он сразу начинал маяться, не зная, к чему себя приложить и опять куда-то спешил. Однажды брат сказал ему на это, что это нормально – потому что остановиться и успокоиться можно только в двух случаях – в любви или в смерти. А если нет ни того, ни другого, то придётся метаться, бежать, ждать чего-то несбыточного. Хотя это несбыточное – вполне простые вещи: любовь и смерть.

Вернувшись домой, он обнаружил на кухне Василия за чашкой кофе.

– Никак не могу привыкнуть к твоему лицу, – сказал Василий. – Испугался, что это какой-то незнакомый мужик в твою квартиру зашёл.

– Доброе утро, – ответил Дима.

– Пойдём в баню? Давненько мы не парились.

Дима был совсем не против бани, на работу он всё равно идти не собирался.

– Может, Ярополка возьмём с собой? Хотел с ним поболтать, – предложил он.

– Что ж, можно и пригласить. Всё равно он не придёт.

Дима отправил Ярополку sms с приглашением. Надежды на то, что тот придёт и, в самом деле, почти не было. Ярополк давно перестал регулярно встречаться с братьями. Первое время они по привычке часто приглашали его с собой в разные интересные места, но неизменно получали отказ. «Ой, парни, – говорил Ярополк, – я бы с удовольствием, но работаю!» Или: «Очень хочу, но ребёнка не с кем оставить!» А однажды признался честно: «Не могу, жена ругаться будет, она мне запрещает с вами видеться». И это было правдой. Его бывшая жена не очень любила братьев, она боялась, что вместе с ними её муж ходит к девочкам и изменяет ей. Дима понимал её страхи, ведь она была на пятьдесят шесть лет старше Ярополка. Пластическая нано-хирургия творила чудеса – выглядела она совсем как девушка, и всё бы хорошо, если бы не начался старческий маразм. Вот тут и возникли настоящие проблемы. Но внезапная смерть жены освободила его от диктата с её стороны. С тех пор он любил повторять известную поговорку:

– Парни, не ведитесь на внешность, сначала узнайте, сколько вашей избраннице на самом деле лет...

Как правило же, он объяснял невозможность встречи сво-

ей работой. Причём в любое время суток, будь то день или ночь, выходные или будни, Ярополк постоянно оказывался на работе занятый какими-то неотложными делами. Правда, теперь он обзавёлся новой женой, Катьей, и неизвестно какое влияние она имела на него.

Несмотря на будний день, в бане было много людей. Заплатив за вход, купив веник, шапки и тапочки, и арендовав простыни, они нашли пару свободных мест в одной из кабинок. Повсюду сидели и полулежали раскрасневшиеся мужчины в анабиозе, отходившие после хорошей пропарки. В центре зала отдыха стоял длинный прямоугольный стол и потёртые диваны вокруг него, обтянутые красным дерматином. На этих, центральных диванах, обычно отдыхали завсегда-таи, парильщики, ходившие в баню ещё тогда, когда Дима с Василием не родились. Стол всегда был накрыт, между пропарками за ним закусывали и выпивали, болтая и громко хохоча. А иногда за столом играли в домино, с таким азартом, как будто на деньги, но нет, играли просто так, ради победы и духа соревнований. Фишки бились об стол, и вылетали горячие крепкие слова, неизменно сопровождающие эту древнейшую игру столько веков, сколько она существует.

Дима с Василием пришли вовремя – едва они разделись, как из предбанника вышел мокрый человек и сказал: «Мужики, через пять минут готово!» Братья нацепили тапочки, надели войлочные шапки и побежали к парилке, чтобы занять место ближе к входу. Очередь выстроилась уже боль-

шая. Время от времени из дверных щелей вырывался свист и пар, это шайками поддавал кипяток в печь Велемир Адроныч.

Вскоре он вышел из парилки. На его голове была не такая шапка, как у всех, а широкая треуголка с войлочной звездой посередине. Протолкавшись через очередь, он встал под холодный душ. Все приготовились – раз главный вышел, значит, сейчас будет дана команда заходить. И точно, спустя минуту Адроныч крикнул: «Пошли!»

Стадо голых мужиков рванулось в парилку. На карачках, потому что жар стоял невыносимый, они быстро заползли по ступенькам вверх и ложились на пол. Дима успел найти свободное место и лёг ногами к центру, где для Велемира Адроныча был оставлен небольшой пяточок. Те, кому места на полу не хватило, сидели на ступеньках или стояли внизу, а некоторые смельчаки легли повыше, на полки. Дима поднял руку и её обожгло горячим паром. Теперь все ждали прихода главного.

Парилку освещал слабый свет лампы в толстом стеклянном плафоне под ржавой железной решёткой. Доски, из которых были сделаны пол, ступени и пологи почернели от постоянной влаги и пропитались потом тысяч тел. Кирпичные своды потолка со следами штукатурки мрачно нависали над голыми людьми. Несмотря на общую атмосферу ада, люди в парилке, по всей видимости, получали ни с чем несравнимое удовольствие. Как заметил лежащий рядом с Димой старик,

«ощущения выше половых». Дима отчасти был согласен с ним.

Вскоре появился Адронч. Привычным жестом подняв волосатую руку в варежке, он определил количество пара. Вслед за ним некоторые тоже подняли свои руки, обожглись и быстро их опустили. Затем он открыл огромный ржавый железный заслон печи и принялся маленьким черпачком закидывать кипяток в горнило. Каждый его бросок отзывался глухим взрывом – он кидал точно на раскалённые камни в глубине, ни разу не промахиваясь.

Пар стал опускаться, и те, что по наивности забрались на пологи, начали вертеться и материться. Кто-то не выдержал и спрыгнул, и, цепляясь за лежащие тела, побежал к выходу. К тому времени, когда Адронч закончил, жар достиг своего максимума – ещё пару черпачков и появились бы ожоги.

Затем он взял двухметровую палку с закреплённой на ней простыней наподобие флага, поднялся наверх и уселся в центре. Мужики обменивались шутками, спорили о футболе, хохотали – отчего в парилке стоял раздражающий гул голов.

– Молчать! – строго прикрикнул Адронч.

Все резко замолчали. Адронч принялся плавно водить флагом над лежащими людьми и волны горячего пара стали опускаться вниз. Пар ласкал тела, вызывая стоны, вздохи и слова благодарности. «Ох, спасибо, старик», «Век здоровья тебе», «Долгих лет», – и прочие сердечные слова раздавались

в парилке.

Но флаг в его руках набирал скорость и вскоре уже быстро заметался из стороны в сторону. Раскалённый воздух начал шпарить. Стоны и вздохи сменились проклятиями.

Дима, стиснув зубы, лежал лицом в сырой пол и мысленно молился, чтобы всё это поскорее закончилось. Но нет, у Адроныча было много сил в запасе. Выйти отсюда раньше срока значило бы признаться в собственной слабости, заслужить презрение окружающих. Поэтому он держался, считая секунды и мечтая о ледяном бассейне в предбаннике. Время как будто остановилось, и хотя он знал, что лежит здесь не так давно, ему казалось, будто уже целую вечность старый маньяк машет простыней.

– Всё! – сказал, наконец, Адроныч.

Парилка наполнилась аплодисментами – мужики хлопали в ладоши и били в пол, благодаря за пар. Дима поднялся и, словно пьяный, качаясь на неверных ногах, побрёл сквозь туман перед глазами в бассейн. Ледяная вода поглотила его с головой, заглушила все звуки, кроме биения сердца, и время вдруг тронулось с мёртвой точки, снова пошёл отсчёт. Он вынырнул уже в новом мире, а события в парилке казались зыбкими и сомнительными, точно из другой жизни.

– Ну как? Жив? – спросил его бородатый.

– ....., – ответил что-то Дима, и сам не расслышал, что именно.

Волны вздымали их тела, зеленея пенными гребнями над бескрайним морем. Глаза покраснели от соли, члены сковывал холод, проникая в сердце и заставляя челюсти бить частую дробь.

Дима оглянулся по сторонам – на западе за водяными горами то появлялись, то исчезали очертания Серых скал. Вид родного берега придал им сил и они погребли к нему.

На берег они выбрались обессиленные. Еле переставляя ноги, они отошли подальше от полосы прибоя и рухнули в гальку. Небо прояснялось и ветер, наконец, стихал. Дима испытывал чувство небывалой радости оттого, что снова ощущал под собой землю, и угрюмые прежде скалы и противные крикливые чайки, и острые бурые камни, испещрившие берег, впервые показались родными. Ну и повезло же нам не попасть в руки ундин, – подумал он.

Он не рассказал другу, что в тот момент, когда их лодку перевернуло и они оказались в волнах, с ним приключилась страшная история. Вылетев за борт, он ушёл глубоко под воду, туда, где ледяные оковы сжимают тело и клубится внизу серый мрак. Там он увидел, как из глубины всплывает человеческая фигура и плавно скользит, точно рыба или медуза, по направлению к нему. Он решил было, что это один из рыбаков, но, спустя секунду, когда фигура приблизилась на расстояние вытянутой руки, различил лицо девушки с прекрасными большими глазами, печально смотрящими на него. Как замороженный глядел он на ундины, не в силах отвести взор,

и его сердце переполняла любовь, которую он, словно когда-то потеряв, сейчас вдруг вновь обрёл. «Мы больше не расстанемся», – произнёс он, и солёная вода хлынула ему в рот и лёгкие, и стало так больно, что он закричал бы, если бы смог. Сильная рука сверху схватила его за волосы и потащила наверх. Оказавшись на поверхности, он увидел рядом бородатого. К счастью, он не успел сильно наглотаться воды и быстро откашлялся.

– Ты в порядке? – склонился Василий над Димой, скорбно сидящим у бассейна на каменной скамейке. – Пойдём, погреемся ещё чуть.

Дима растерянно оглянулся по сторонам, надел шапку и поплёлся за братом в парилку.

– Ты знаешь, – сказал он, лёжа на пологе, – я сейчас такое видел, что и не перескажешь... И ты там был, в образе рыбака, с ужасной рожей и бородой.

– Да? А почему ты решил, что это я? – рассмеялся брат.

– Не знаю. Просто понял, что ты. Это на самом деле не смешно. Я больше не ел таблеток. Мне мерещиться черт знает что. Я раньше думал, что это видения из прошлой жизни, а тут совсем что-то нереальное... Русалки какие-то.

– Красивые хоть? Ладно, забей. Скоро всё выветрится. Банька очистит твою кровь.

– Ты уверен?

– Уверен.

Спокойствие брата утешило Диму. Если Василий за него не переживает, а он всегда переживал, когда случалось что-то плохое, значит и в самом деле всё в порядке.

Погревшись, они зашли в душ охладиться и вернулись в свою кабину. Василий достал из рюкзака термос с чаем. Приятно было ни о чем не думать, а просто расслабленно созерцать окружающее, не отдавая себе отчёта в том, что созерцаешь. Наверно, подумал он, нирвана именно такая.

– Привет, парни! – Ярополк прервал его размышления. – Я пришёл.

Он бросил сумку с банными вещами на сиденье и весело принялся раздеваться. Дима с Василием удивлённо переглянулись, они никак не ожидали, что Ярополк придёт.

– Что случилось, Ярик, – спросил Василий, – тебя жена из дома выгнала? Мы думали, что после нашей встречи в кафе не увидим тебя лет пять.

– Просто захотел с вами попариться, давно в баньке не был. И на работе день свободный!

Он разделся, обнажив промятую ребристую грудную клетку, острые костистые плечи, выпирающие ключицы и другие части тела – все худые и угловатые. Накинув простыню, он сел, налил чаю и подмигнул братьям:

– Ну как? Хорош парок?

– Да, ничего. А у тебя как дела? – спросил Василий.

– Хорошо, только работы много... Работа и работа...

– А что за работа у тебя? Ты так толком и не говорил, –

спросил Дима.

– Да толком и не расскажешь... Эта длинная история. Этой истории не одна тысяча лет. А есть ли у тебя вечность в запасе, чтобы услышать её? Короче, я последователь первого, что ли... Моя задача найти его и вернуть на первоначальный путь.

– Что-то я уже слышал такое в одном ночном клубе недавно, – удивился Дима. – Почти точь в точь от какого-то парня...

– Правда? – усмехнулся Ярик. – Странное совпадение. Моя работа на самом деле – это работа с кадрами.

– С Зоной Правды связана?

– Ну-у-у, – Ярик скривил лицо и неопределённо помахал перед длинным носом крючковатыми пальцами, – можно и так сказать... В каком-то смысле... Хотя?..

– Помнишь, – перебил его Дима, – ты мне звонил недавно, предлагал в Зону Правды. Ты серьёзно или пошутил?

– Серьёзно. А что, надумал? Есть возможность, одна свободная вакансия.

– Нет-нет, просто разузнать хотел...

– Платить очень прилично будут. И исправление личности бесплатно, – продолжил Ярик так серьёзно, что Дима смутился. – Туда люди мечтают попасть. Это же шанс начать новую жизнь.

– А ты сам-то был там? Что такое эта Зона?

Ярик отвёл глаза и раздражённо покачал головой:

– Нет смысла говорить о том, чего не понимаешь. Единственный способ узнать, что такое Зона – это оказаться на Зоне.

– Я не хочу туда. Ты сам говоришь – там меняют личность, делают другим человеком.

– Это примерно так и есть. А почему тебя это смущает? Что такого есть в твоей личности, за что стоило бы цепляться? Твоя жизнь сейчас настолько прекрасна, глубока и одухотворена? И, надо понимать, что если ты попадёшь на Зону Правды, это не значит, что утратив свою жалкую личность, ты из Димы вдруг превратишься в какого-нибудь Петю. Нет, ты останешься собой. Но станешь другим – лучше. Несравненно лучше.

Пока он говорил, его глаза как будто засияли, Дима не совсем понимал, что означает их странное выражение, но подумал, что, скорее всего, они сияют огнём веры. Ему стало страшно и неудобно в его присутствии, он чувствовал, что вновь сталкивается с тем, с чем никогда не хотел бы иметь дела.

– Ладно, Ярик. Я понял. Спасибо. Но это не моё, мне это не нужно.

– Ну, смотри сам, – Ярик хлопнул его по плечу и расслабленно улыбнулся.

Как и обычно, Дима сильно перепарился. Когда париться стало невозможно, друзья решили, что пора по домам. Помывшись, они быстро оделись и вышли на улицу.

С Василием расстались у метро «Проспект Правды». Ярик на метро не ездил, за ним прибыла длинная чёрная машина. За рулём сидела Катя, она опустила окно и улыбнулась Диме во весь огромный рот, породивший у него неожиданные ассоциации. Она была в темных очках, с крупными золотыми кольцами в ушах и толстым ожерельем на плоской открытой груди, в общем, выглядела дорого и благополучно. Открыв дверцу, она ступила на асфальт, показав обнажённые до основания бедра ноги, обутые в туфли на длинных шпильках. Дима вновь удивился её худобе и высоте, совпадающими с пропорциями Ярика, и её настолько же неприятной внешности. Тем не менее, было в ней что-то привлекательное, вызванное сочетанием ухоженности, неуклюжести, открытости платья, уверенности и одновременно чувством неловкости. Какое-то странное обаяние и сексуальность излучала она, и в тонком запахе её духов ему мерещился разврат и вожделение, мятые простыни и откровенные поцелуи, испарения потных тел и вздохи со стонами.

– Привет, – сказал он Катье, не решаясь называть её по имени, до того идиотским оно ему казалось. И повернулся к Ярику, который поцеловал её и противно назвал «киской»: – До связи, Ярик, увидимся.

– Надо чаще встречаться! – Ярик сел в машину. Катя обернулась на миг и махнула Диме рукой, он ответил ей тем же. Стоя под дождём, он подождал, пока они не скрылись вдаль, затерявшись в рядах других машин.

Любовь и война

Настроение было хуже некуда. То ли оттого что перепарился, то ли ещё почему. Чего-то сильно не хватало, только вот чего, понять он не мог, или не хотел понимать.

Он поклонялся по квартире, постоял на балконе, посидел у компьютера, и лёг в постель. Но сон не шёл, и он снова отправился гулять по квартире, постоял на балконе, посидел у компьютера. На столе, стульях, диване валялись неприбранные вещи, книжки, оставленные там наверно ещё полгода назад. Джинсы, повешенные на спинку стула с целью надеть их на утро, но вот уже несколько месяцев так и не надетые, одинокий чёрный носок у кровати, пушистый от клочьев пыли и при определённой слепоте и свободе воображения похожий на седеющего котёнка, чашка на подоконнике, потемневшая изнутри. По этим разбросанным по квартире вехам, подумал Дима, можно отмечать историю моей жизни, это как бы следы прошлого, свидетельства того, что какие-то события действительно со мной случались. Например, эти штаны были повешены на стул, когда он решил по приходу с улицы переодеваться и больше не ходить дома в уличной одежде. А эта книга лежит с тех самых пор, как ему зачем-то понадобилась история об Одиссее. А вот и следы губной помады на стекле, хорошо заметные днём, их оставила одна чернобро-

вая девушка во хмелю, но непонятно как – когда он попытался стереть их, выяснилось, что поцелуй сделан со стороны улицы, и это притом, что живёт он на семнадцатом этаже. Если бы не все эти отметины на оси времени, подумал Дима, я бы и не помнил ничего того, из чего состоит моя жизнь. Всё забывается, а иной раз и не поймёшь, было ли что на самом деле или это просто показалось, ведь многие события я мог просто придумать, вообразить. А потом не остаётся никаких доказательств, что они случались в реальности. Небо-скрёб за окном сиял во всю стену меняющимися надписями: «Зона Правды ждёт тебя! Начни настоящую жизнь! Прерви цепь перерождений!»

Он вспомнил про папку из Банка реинкарнаций. Она валялась на диване. Вытащив из неё листок с фотокарточкой светловолосой девушки, он прочитал: «Улисса Тлалок. Без определённого рода занятий. Погибла в результате ДТП». И даты – рождения и смерти. Чисто из любопытства он набрал в компьютере её имя и фамилию – как и ожидалось, данных на неё в интернете не было. Такого сочетания имени и фамилии не имел ни один пользователь сети, эти слова встречались по отдельности, но явно не имели отношения к цели его поисков. Пролистав несколько страниц с разнообразной информацией об Одиссее, Гомере, Джойсе, он наткнулся на блог пользователя «Calypso», где встречалось словосочетание «Моей Улиссе». Дима сообразил, что тут очевидно речь идёт не о герое гомеровского эпоса. Данные о самом пользо-

вателе отсутствовали, на единственной страничке блога размещалось стихотворение, которое собственно и называлось «Моей Улиссе».

*Когда мы встретимся с тобой,
Ты будешь мужем, я женой.
Опять нарушим этикет –
Я подарю тебе букет.*

Вместо даты, а может имени настоящего автора, под последней строкой стоял знак вопроса. Диме показалось забавным это совпадение – при некоторой фантазии можно было предположить, что кто-то подарил букет из прошлого этой Улиссе, так же как и она ему. Но вряд ли эта Улисса имела хоть какое-то отношение к его Улиссе, слишком мала была вероятность.

Выключив компьютер, он лёг в постель. На этот раз сон готов был овладеть им. Едва он закрыл глаза, как сознание утратило ясность и мысли расплылись, потеряв разницу между формой и содержанием. В полусне на него нахлынули какие-то смутные сожаления о чём-то неясном и прекрасном, что где-то совсем рядом, с ним или даже в нём, но всё же недостижимом и далёком. В этом плавании по волнам сна, уже почти не отличая реальность от видений, но ещё не утратив способность рассуждать, он думал, что жалеет о своей жизни или о жизни вообще, которая в принципе мо-

жет быть чудесной, настоящей, красивой, лишь бы удалось отбросить всё несущественное, всякую чепуху, всё ложное и недостойное. «Научится жить безо лжи», «Прервать цепь перерождений» – автоматически повторил он про себя лозунги Зоны Правды. И почему-то вдруг вспомнил девушку из Банка реинкарнаций, её пристальный задумчивый взгляд – и это воспоминание отозвалось уколом в сердце, внезапной болезненной тревогой.

За окнами окончательно стемнело, окна погасли и люди легли спать, дорога внизу стихла. Машины больше не скребли шинами разбитые дороги, последние песни были допеты и даже самые стойкие разбрелись по домам. Как это обычно бывало в столь поздние часы, тишину пронзил зов рога. За окном пронеслась вереница факелов, сопровождаемая топотом копыт. Спустя секунду вновь раздался протяжный трубный звук. «Звери», – понял он, и вскочил с кровати. В полутьме накинув плащ (времени на разжигание лучины не было), он выбежал на мостовую. По улице метались перепуганные люди, факела в руках солдат брызгали смоляными искрами, угрожая поджечь соломенные крыши.

– Постой! – раздался женский голос за спиной и он почувствовал, что обращение относится к нему. Обернувшись, он увидел женщину, стоящую в тёмном дверном проёме, из которого только что вышел. Значит, я был не один, – с лёгким удивлением подумал он.

– Будь осторожен, – сказала она. – Любимый.

– Не переживай, – он кивнул ей, и зашагал к частоколу – нужно было спешить, пока звери не ворвались.

– Постой! – опять позвала женщина.

– Что за черт, – сдерживая раздражение, тихо сказал он, но вернулся на несколько шагов назад. Самое неприятное, что он не мог понять, кто это и что она хочет. Не было сомнений, что они провели вместе ночь, но он не помнил ничего из этой ночи, кроме каких-то странных и нелепых образов. В памяти всплыла картина, будто он в компании голых мужчин лежит на полу в каком-то очень жарко натопленном помещении, а над ними старый человек размахивает белой тряпкой на палке. В другой момент прошлого он помнил себя держащим между указательным и средним пальцами горящую палочку, и эту самую палочку он засовывал себе в рот не горящим концом и вдыхал горький дым. Вспомнились и смутные переживания, волнения перед странным сверкающим ящиком на столе, вроде любовного свойства, но совершенно нелепые и не стоящие сломанного ногтя. А растрёпанной женщины, плохо различимой в темноте, вообще не было в его памяти. Но сейчас, решил он, не время выяснять, что к чему, надо потом поговорить со Стариком, возможно, меня околдовали или я сошёл с ума, времени нет, а на женщин – времени нет никогда. Любовь – дело мира. А дело мужчины – война.

– Ну что? – спросил он, ожидая когда, наконец, женщина выйдет из состояния молчаливой нерешительности. Ка-

жется, она кусала пальцы, а может нет, просто поднесла руку к лицу – за густыми длинными волосами, закрывшими опущенную голову, не было толком видно. Она стояла как-то неровно, привалившись плечом к стене в дверном проёме и наклонив голову, и эта её поза, рука у лица за прядями черных волос, неуверенность, вдруг показались ему странно знакомыми. Но кроме чувства близости, какой-то неясной связи, ничего более не всплыло, он всё равно не узнавал её.

– Ну что? – повторил он, сдерживая злость.

– Помнишь то письмо, что я тебя написала? Ты его сохранил?

– Ещё бы! – ответил он, не имея представления, о чём идёт речь. – Как я мог забыть. Оно высечено кинжалом на моем сердце, буква к букве.

– Я хотела сказать... Ну просто...

– Мне надо бежать, пока, – он решительно отвернулся и зашагал прочь.

– Просто читай только первые буквы строк! Всё остальное не имеет значения! Только первые буквы строк!

Он не обернулся и не ответил. Все, кто мог держать оружие, уже были на насыпи, с западной стороны доносился особенно сильный шум, и он направлялся туда. Звери всегда приходят с запада, вместе с заходом солнца.

– Как я тронут, – бормотал он, спеша к частоколу, – как романтично. Наверняка первые буквы сложатся в какое-нибудь «люблю». Что мне теперь, расплакаться?

К счастью, небо было ясным, и свет луны высвечивал в чёрном поле за частоколом серые блестящие спины. Они двигались не напрямую, а зигзагами, совершали длинные прыжки, прижимались к траве, и вновь бежали. Этой тактике их научили стрелы, и попасть в них теперь стало почти невозможно. На насыпи выстроились солдаты, первая шеренга – с луками, вторая – с длинными копьями, но без щитов. От щитов решили отказаться после первой же битвы со зверями, они только мешали в бою, сковывали движения, а защиты всё равно никакой не давали, потому что своими сильными когтистыми лапами и клыками эти твари легко срывали доспехи и открывали конечности. Никто толком не знал, зачем они пришли сюда и почему нападают на людей. Прежде о них ходили легенды, передаваемые из поколения в поколение, будто жили они в дальней части Западного леса и были похожи на людей. Сам он уже видел вблизи зверя и заметил некоторое сходство с человеком, только у зверя совсем нет волос и одежды, спина сильно выгнута и бугристая, руки длиннее, и цвет кожи серый. И они были намного сильнее. Однажды он наблюдал, как в поле несколько тварей порвали на части человека.

Когда враг приблизился к частоколу на расстояние десяти шагов, лучники торопливо отступили назад, и вперёд шагнули копейщики. Спустя мгновение звери обрушились на частокол, высоко прыгая и пытаясь зацепиться за вершины брёвен. Их били копьями, пронзая и сталкивая вниз, но те

словно не знали страха и боли, и снова лезли. Некоторых людей им удавалось схватить длинными лапами за ноги и утащить с собой за частокол, и страшные крики упавших заставляли обороняющихся бледнеть и испуганно переглядываться.

Дима стоял в одном ряду со всеми и так же отчаянно размахивал копьём, уже почерневшим от крови. Слишком много пришло сегодня зверей, обычно они совершали небольшую вылазку и наткнувшись на сопротивление, уходили в лес, жалобно воя, а сегодня они всё прибывали и прибывали, волна за волной. Он видел, как некоторые воины, не выдержав, бросали оружие и убегали, и на их место быстро залезали хищники, оглядываясь вокруг белёсыми глазами. Один из них напал на Диму сбоку, и он не успел атаковать копьём, просто выставил его перед собой, пытаясь оградиться от острых когтей. Копье от мощного удара вылетело из рук, а следующие удар пришёлся ему по лицу. Его выбросило с насыпи и он упал на чьё-то тело. Тварь не хотела оставить его в покое и прыгнула ему на грудь, он полез за кинжалом, чувствуя её гнилое дыхание прямо у лица. Вдруг стало очень больно, он не мог понять, где именно больно и почему, только чувствовал, втыкая кинжал, что теряет сознание.

Проснувшись, Дима не сразу встал с постели, а некоторое время лежал с открытыми глазами. Сон оказался интересный, и он пытался запомнить его сейчас во всех подробностях.

стях, пока не успел окончательно забыть. Почему-то ему всегда с трудом удавалось запоминать свои сны, детали ускользали, едва он начинал о них думать, мысли сбивались, и он забывал о том, что хотел запомнить сон, а когда вспоминал об этом, уже забывал сам сон. Он не сомневался, что увиденное является следствием таблеток, подсунутых ему Ярополком. Главное, чтобы видения не посещали среди дня, а то рано или поздно можно попасть в психиатрическую лечебницу.

Он хотел было позвонить Ярополку и снова пожаловаться на действие таблеток, но это, вероятно, привело бы к разговору о Зоне Правды, которого Дима предпочёл бы избежать. Да и вообще, чем мог помочь ему Ярик? Он же не врач, а ему наверно нужно промывание, очистка крови.

Во всём виновата эта давно умершая Улисса – вот зачем ей пришло в голову дарить ему цветы? Он помнил, как размеренно и ровно научился жить перед этим роковым событием, ну, может, и не всё его устраивало, что-то приходилось скрывать от других и себя, но, в общем, нормально было – пускай не настоящий покой, но хотя бы неплохая иллюзия покоя.

Выпив некрепкого кофе с большим количеством сахара и выкурив пару сигарет, он стал собираться на работу. Одевшись, он засунул в мусорный пакет анкету Улииссы Тлалок, тщательно собрал с дивана труху от её букета и тоже высыпал в пакет. На улице он бросил пакет в мусорный бак, и с

улыбкой пошёл дальше, радуясь, что раз и навсегда покончил с этой проблемой.

Первое откровение

На работе Диме сообщили, что его искал начальник. Это было явно не к добру, значит, он чем-то недоволен либо хочет дать какое-нибудь поручение. И тот, и другой варианты казались Диме безвыходными – сделать начальника довольным он не мог, а выполнять сейчас какие-то его поручения не хотел. Включив для видимости компьютер на своём рабочем месте, он направился в кабинет повелителя. Постучав в его дверь, он вошёл с серьёзным видом озабоченного работой человека, у которого мало времени и много важных дел.

– Привет, Гораций, – спокойно сказал он, – мне тут сказали, ты меня искал.

– Привет. Да, искал. Присаживайся.

Дима сел, закинул ногу на ногу, сложил руки замком и сосредоточено посмотрел в глаза начальнику, стараясь показать, что работник он ответственный, но совсем не понимает, о чём может пойти речь.

– Дим, я тебя вроде просил несколько дней назад к сегодняшнему утру прислать аналитический материал о зарубежных практиках внедрения правды на местах без привлечения технологии зон.

Дима не сразу сообразил, о чём идёт речь, потом вспомнил, что да, такое задание в самом деле было, и он просто забыл его выполнить.

– Да-да, – поспешно ответил он, не меняя выражения лица, – я работаю над этим, ещё не успел, но осталось совсем чуть-чуть.

– Дим, – начальник вздохнул и закатил глаза, – по-моему, у нас с тобой проблемы. Это было твоё единственное задание на неделю. И ты не успел его сделать?

– Дело в том, что я сильно болел. Простудился жесточайше, бронхит, температура под сорок, и всё такое.

Было видно, что Гораций не верит ему. Поправив очки, он отвернулся к окну и вроде как задумался, постукивая кончиками пальцев по столу. Дима по опыту знал, что такое поведение начальника предвещает что-нибудь нехорошее.

– Знаешь, Дим, – наконец заговорил он, – так у нас не пойдёт. Я ведь тебя не заваливаю работой, каждый день приходите не заставляю. Ты же вроде умный парень и мои задачи не являются непосильными.

– Да и жена от меня ушла, – вдруг произнёс Дима, и сам испугался своих слов, потому что женат никогда не был.

Гораций с недоверием посмотрел на него.

– Вот как... – побормотал он растерянно, – А я и не знал, что ты женат.

– Ну, у нас всё так сложно было, что я не хотел говорить...

– Сочувствую. Что же, держись!.. Давай так – жду материал завтра с утра. Справишься?

– Конечно, – согласился Дима. – Без проблем.

Из кабинета он вышел с неприятным чувством. Конечно,

проще всего было бы сделать к сегодняшнему утру работу, о которой просил его начальник, и тогда не пришлось бы врать и придумывать жену, но он её не сделал и сказанных слов обратно не вернёшь. И вообще, – мысленно возмутился он, – до чего докатилось человечество в своём стремлении неизвестно к чему! Что за нелепая рабская повинность – ежедневно ходить на работу, чтобы с девяти до шести заниматься всякой чепухой, пока жизнь, быстротечная, как бег горного ручья, в который не ступишь дважды, проходит мимо? И этот нелепый Гораций, душу свою продавший работе, вечно думающий о неоплюпатанциях, совершенствующий кробесирапантеры и внедряющий новые люпирамзеры-плюс, хотя без всех этих вещей ничто в мире не изменилось бы, во всяком случае, в худшую сторону. Все мои коллеги, думал Дима, похожи на мертвецов, а само наше учреждение – на кладбище, с той только разницей, что на кладбище находиться гораздо приятнее – в тени деревьев, в тиши могил, там покой и никто тебя не тревожит. Но все эти соображения он едва ли мог высказать начальнику в надежде на понимание и сочувствие.

Вернувшись в свой кабинет, он сел за компьютер. Через несколько минут ему показалось, что дамы за соседними столами тайком наблюдают за ним. Только Аня не обращала на него никакого внимания, всецело погруженная в работу. Он открыл на рабочем столе какой-то документ и сделал вид, что внимательно изучает его.

– Дмитрий, – вдруг сказала Ерамида Бертольевна, сидящая напротив него, – а хотите я вам кофе сделаю? – При этом она посмотрела на него как-то по-матерински.

– Нет, спасибо, – отказался он, а сам подумал – с чего это она вдруг такая ласковая?

– Может, коньяка хотите? У нас есть, – ласково предложила другая дама, Ильдораса Мариановна.

– У меня работы много, спасибо.

Аня бросила на него равнодушный, или даже, как показалось ему, неприязненный взгляд, и снова уставилась в монитор. Дима последовал её примеру и постарался изобразить на своём лице предельную сосредоточенность, чтобы никто не лез ему.

Посидев так с полчаса, он вышел во двор, стрельнул у охранника сигарету и закурил. Чего это они все, – забеспокоился он, стоя под лёгким дождиком, – как-то странно себя ведут. Может, уже подписан приказ о его увольнении, а он единственный об этом не знает? Но Гораций поставил бы его в известность... Да и вряд ли это до такой степени огорчило бы его коллег. Или, может, они знают о нем нечто такое, чего он сам не знает? Например, его насильно собираются отправить в Зону Правды, чтобы сделать там честным хорошим человеком? Вдруг он дошёл уже до крайней точки, когда общество больше не хочет его терпеть, потому что все его обманы вскрылись?.. Нет, – решил он, – вряд ли, наверно это просто мнительность.

– Дим! – окликнули его. Он медленно обернулся. В дверном проёме стояла Аня и склонив голову, смотрела на него. Эта сцена показалась ему смутно знакомой, как будто он уже видел нечто-то очень похожее когда-то, но не ясно когда и при каких обстоятельствах. В памяти всплыла нечёткая картинка – факела, крики, женщина в дверном проёме...

– Я хотела сказать пару слов тебе, но лично...

Дима приблизился к ней:

– Ну, давай. Я слушаю.

– Мы все, конечно, понимаем, как тебе тяжело сейчас...

Ушла жена... – Аня сделала паузу, наверно ожидая его реакции, но он стоял молча, глядя ей прямо в глаза, и она продолжила, с трудом подбирая слова. – Но знаешь, честно, мы вообще-то и не знали даже, что ты женат. Для меня это было такое открытие!

– Для меня тоже.

– В смысле?

– Ну, в смысле, у нас с ней так давно испортились отношения, то есть, вернее, у нас не было никаких отношений, сколько себя помню...

– Это как?

– Ну, неважно, – замялся Дима. – В общем, мы с ней очень, ну очень давно не общаемся.

– Но развелись, я так понимаю, недавно?

Дима почувствовал, что краснеет.

– Ну да, вроде того.

– Но ты мог мне-то это сказать, а? Мы же вроде общались достаточно близко, собирались в кафе?

Дима закатил глаза, развёл руками, но ничего не ответил.

Она повернулась и открыла дверь, собираясь уходить.

– Постой, – сказал он.

– Ну что? – спросила она, не выпуская ручку двери.

– Я... Я не женат и не был никогда женат.

– Ох, ну зачем ты мне врёшь сейчас? Тебе не стыдно от неё откаться? Прожил же с ней много лет наверно... Зачем всё это? – Дима заметил слезы в её глазах. Покачав головой, она перевела затруднившееся дыхание и вытерла пальцами слезу на щеке:

– Понимаешь, ты мне с самого начала, как говорится – с первого взгляда – очень сильно нравился. Но ты оказался таким... Таким... – она опять запнулась. – Вруном! А я верила, что надо обращать внимание только на первое впечатление. Что всё остальное не имеет значения...

Она ушла, а Дима остался под дождём в пренеприятном настроении. Он сожалел, что доставил такое огорчение Ане, хотя кроме некоторой симпатии их ничего в общем-то не связывало, и никаких обязательств он перед ней не имел. И всё же ему было неловко, что он так нелепо заврался. Но больше всего его расстроили её слова о первом впечатлении. Ему даже показалось, что нечто подобное он уже слышал, и совсем недавно. Второй раз подряд его посетило дежавю, и он забеспокоился – уж не побочное ли это действие морфи-

ков? «Я думала, надо обращать внимание только на первое впечатление, – повторил он про себя её последние слова, – всё остальное не имеет значения...»

– Всё остальное не имеет значения... – ещё раз повторил он.

И тут он вспомнил. Похожие слова говорила ему девушка из его сна. Она стояла в дверном проёме и не давала ему уйти, а он спешил куда-то. А сказала она вот что, имея в виду какое-то письмо: «Просто читай только первые буквы строк! Всё остальное не имеет значения!»

Дима быстрым шагом вернулся в кабинет и сел за компьютер, не обращая внимания на заплаканную Аню и растерянные лица коллег. Набрав в поисковике слова «Моей Улиссе», он нашёл блог Calypso с единственной записью – загадочным стихотворением:

*Когда мы встретимся с тобой,
Ты будешь мужем, я женой.
Опять нарушим этикет –
Я подарю тебе букет.
?*

Едва взглянув на него, он упрекнул себя в невнимательности – теперь он не сомневался, что знак вопроса под стихотворением это откровенная подсказка. «КТО Я?» – складывалось из первых букв строчек. У него возникло смелое,

невероятное предположение. От волнения он вскочил, сказал «Ого!» и снова сел. Коллеги искоса взглянули на него, но промолчали. Он допустил, что вдруг всё-таки Улисса, о которой шла речь в посвящении к стихотворению, та самая, что прислала ему букет из прошлого? В пользу этой догадки говорило как то, что имя для женщины крайне редкое (он встретил его в сети всего лишь один раз), так и тема с букетом цветов. Если его гипотеза верна, то есть вероятность, что Calypso – это он сам в предыдущем воплощении, он любил Улиссу, а она его, и вот она решила подарить цветы ему в будущем воплощении. Проверить это совсем легко, достаточно лишь сходить в Банк реинкарнаций и за определённую сумму выяснить, кем был он в прошлой жизни. Притом было бы идеально, если бы имя «Калипсо» входило в состав его прошлого имени... Единственное, что не укладывалось в его теорию, так это строка из стихотворения: «Ты будешь мужем, я женой». Калипсо, видимо, считал, что при следующей встрече со своей возлюбленной он сам уже будет возлюбленной, а она, наоборот, родится мужчиной. Дима, тем не менее, оставался мужчиной и в этом воплощении. Возможно, Калипсо просто ошибался, или его строчка о смене полов – метафора, описывающая его духовную суть в новом перерождении? В этом смысле он был прав, Дима иногда замечал в себе некоторые типично женские черты характера. Тогда и непонятные слова о «нарушенном этикете» превращались в шутку.

Тут он понял, что денежные затраты предстоят немалые, ведь помимо выяснения своего прошлого «я», ему придётся заплатить и за информацию о том, кем теперь стала Улисса. Хотелось бы надеяться, что она осталась такой же привлекательной, как на фотокарточке, которую он утром стгоряча выбросил.

А вдруг она в этой жизни вообще не женщина? Да и, по большому счёту, – вдруг осознал он, – у него не было никаких веских оснований считать, что он раньше был этим Калипсо. Просто он заинтригован рядом странных совпадений и сновидениями, больше похожими на галлюцинации, и вот уже воображает себе черт знает что. Только всё равно, романтический ли это вымысел или правда, придётся идти в Банк реинкарнаций выяснять, что к чему.

– Что выяснять? – спросила Ерамида Бертольевна.

– А? – спросил в ответ Дима и, взглянув на коллег, понял, что говорил вслух. – Ничего, это я так.

– Вы увлекаетесь реинкарнациями? – Аня посмотрела на него с презрением.

– Нет-нет, вы не расслышали, я не о том... – Дима смутился. Мода на увлечение теорией метемпсихоза давно миновала и теперь считалось большой пошлостью интересоваться перерождениями и обсуждать эту тему в приличном обществе.

Он выключил компьютер и взял сумку.

– Мне пора, всего вам хорошего.

– Как, Дмитрий, – удивилась Ильдораса Мариановна, –
неужели вы покидаете нас так рано?

– Увы, у меня срочные дела. По работе, – солгал он.

– Привет бывшей жене! – с сарказмом сказала Аня.

Встреча и забвение

Дождь лил по-прежнему, похоже, он и не собирался переставать в ближайшие несколько дней. Небо равномерно затянуло сплошной бледной тучей от края до края, все углубления на дорогах превратились в лужи, разбухшие ветви деревьев поникли под тяжестью накопившейся воды. Дима бежал к метро, вернее он шёл шагом, но таким широким и быстрым, что как будто бежал. Он ещё давно заметил, что при быстрой ходьбе под дождём промокает только передняя сторона человека, а задняя остаётся сухой. Действительно, его куртка, рубашка и штаны спереди совсем промокли, а сзади оставались почти сухими. А ещё, если очень быстро идти, то удаётся обогнать дурные мысли. Для большей эффективности от мыслей можно отмахиваться, как от комаров – в сочетании с быстрой ходьбой действует эффективно. При этом можно потряхивать головой, чтобы сбросить плохую мысль или не позволить ей зацепиться. Дима часто выполнял всё эти приёмы (правда скорее бессознательно), когда ему не давали покоя какие-нибудь тревоги и заботы, и ему сразу становилось немного легче. Прохожие, видя его, наверно считали, что он сумасшедший. Иногда он в сочетании с этими телодвижениями разговаривал с неприятными мыслями вслух. Вот и сейчас, наполовину сухой, наполовину мокрый, он мчался к метро, отмахивался, отряхивался и

что-то бормотал.

Банк реинкарнаций как обычно пустовал. В тускло освещённом холле, напоминающем покинутый вокзал, приведением скользил скучающий охранник. Бледный (наверно от недостатка света) сотрудник банка, облокотившись на стойку, что-то чертил на бланке. Под высокими сводами между колоннами печально жужжали золотистые лампы. Дима ощутил внезапное разочарование, не увидев здесь, на одной из скамеек, девушку с газетой. На потемневших от времени рядах скамей, как будто украденных из старинных соборов, никого не было. Подойдя к сотруднику, он поздоровался.

– Чем могу помочь? – тоскливо спросил тот и отодвинул в сторону исписанный бланк.

– Я хотел бы узнать, кем я был в прошлой жизни.

– Ясненько, – сотрудник кивнул. – Фамилия?

– Дождь.

Сотрудник устало посмотрел Диме в глаза, словно говоря – я не склонен сейчас к легкомысленной беседе. Из вежливости он всё же перегнулся через стойку, чтобы увидеть большие, во всю стену, мутные окна.

– Как всегда, – кивнул он. – Дожди, дожди.

– Это фамилия моя – Дождь. Дмитрий Дождь.

– А! Извините. Заполните бланк.

Заполнив бланк, Дима вернул его сотруднику и тот удалился, попросив подождать несколько минут. Он подошёл к рядам скамей и уселся на одну из них, вроде бы на ту, за

которой, как ему казалось, он раньше видел девушку с газетой. Со скамьи открывался вид на огромные окна – если бы они были сделаны из кусочков цветного стекла и изображали деяния святых, то он решил бы, что находится в соборе. Оглядевшись, он вдруг понял, что это здание и есть собор, вернее когда-то им было. Приделы, отведённые теперь под офисы банка, высокие своды, колонны, нефы, стрельчатые окна, скамьи – всё указывало на то, что догадка его верна. Он удивился, что раньше не замечал этого поразительного сходства – видимо, стены с информацией, стойки и конторы, охранники и бледно-зелёные сотрудники слишком отвлекали внимание на себя. Не было видно и органа там, где ему полагалось быть – на хорах над входом с собор, отсутствовали и кафедры, с которых священник прочитал бы проповедь прихожанам, вернее, прихожанину, потому что Дима сидел один одинёшенек на черных средневековых скамьях. Убрали и всё скульптурные композиции и картины, заменив их нелепыми плакатами.

Спинка скамьи перед ним был исцарапана многочисленными надписями. На чёрном окаменевшем лаке, за тысячу лет ни разу наверно не обновлявшемся, проступали удивительные откровения. Часть надписей сделали ещё на латинском – надо полагать, в тёмные Средние века. Наверно некий благородный господин в воскресный день пришёл на службу, но его помыслы были о бренном, вероятно о войне или о прекрасной даме, поэтому, насупившись, он чертил заглубев-

шей в битвах рукой надписи на спинке скамьи. Возможно, и благородные дамы, не в силах побороть скуку, тоже оставляли скромные лаконичные пометки. Вот крупными буквами начертано странное слово «НUI». Приветствие? Ниже, уже по-гречески (видимо, ранее средневековье, когда латиница ещё не вошла в моду) написано: «ΔΑΜΤΑΚ», и рядом странная последовательность из одиннадцати цифр. Шифр, тайный код? Обнаружились и более поздние надписи, на современном языке. «ТЫ УЗНАЕШЬ МЕНЯ, ДОЖДЬ?» Сначала Дима решил, что это тоже по-гречески, но быстро сообразил, что надпись вполне свежая, следы царапин от монетки или ключей ещё не успели потемнеть. Прошла минута оцепенелого созерцания надписи, прежде чем Дима догадался, что, возможно, она адресована ему. Вернее, где-то в глубине души он понял это сразу, но ему очень не хотелось вступать в какие-то дополнительные проблемы и он сперва пытался придумать другое объяснение.

Но зачем, из каких невероятных соображений и немислимых фантазий та девушка с золотыми волосами и с газетой могла оставить эту запись на древней как мир скамье? Если, конечно, это была она? Но кто ещё мог бы это сделать, если не она? Что подвигло её, взрослого уже в принципе человека, взять в свою изящную руку с длинными ногтями (или скорее без ногтей, потому что длинных ногтей у сказочных принцесс не бывает) ключ или монетку и процарапать в чёрном окаменелом лаке рядом с трагическими метками дав-

но умерших жителей средневековья это обращение к нему, Дмитрию Дождю? В принципе, его фамилию она могла слышать, когда он заказывал информацию о человеке, пославшем ему цветы. Но почему он должен был узнать её? Может, они учились вместе в школе? Или стали близки на какой-нибудь вечеринке, о которой в памяти осталось только то, что вечеринка была и ничего больше? А вечеринок было столько, что все они в памяти сливаются в одну бесконечную праздничную ночь? Но нет, такую девушку он запомнил бы.

Его размышления прервал вернувшийся сотрудник:

– Извините, но запрошенная вами информация предоставлена быть не может.

– А что так? – Дима отнёсся к его словам с недоверием. – Может, всё-таки удастся её предоставить?

– Увы, это невозможно. Доступ к файлу заблокирован. Управление Банком заблокировало.

– А зачем его заблокировали?

– Не имею понятия. Если хотите, пишите жалобу.

Дима, внешне изобразив возмущение, в душе испытал облегчение. Сама судьба встала поперёк его намерений узнать больше, чем ему отведено, и прекрасно – меньше знаешь, лучше спишь.

Не успел он, резко повеселевший, подняться со скамьи, как двери распахнулись и в банк шумно ворвалась женщина. Это была она. Несмотря на огромные черные очки в пол-лица было заметно, что она крайне взволнована и очень блед-

на. У Димы промелькнула догадка, что такие очки призваны скрыть следы побоев или красноту глаз, вызванную долгими рыданиями. Она остановилась у входа и молча уставилась на Диму, наверно намереваясь что-то сказать, но не находя слов. Или же она ждала, что он что-то скажет, и Дима напряжённо принялся перебирать возможные темы для беседы. Но о чём можно беседовать с незнакомой нервной женщиной, которая внезапно появляется и пристально смотрит на тебя сквозь черные очки? Если бы не очки, то он хотя бы смог определить, как она настроена по отношению к нему, дружелюбно или враждебно. А вдруг враждебно, и тогда в ответ на его слова о плохой погоде она грубо спросит: «Ты что, дурак???» Такие мысли пролетели в его голове за те пару секунд, что они смотрели друг на друга, и он вдруг понял, что думает о какой-то чепухе, и всё обстоит иначе, и пришла она вовсе не затем, чтобы наругать ему. Она приоткрыла губы, и он застыл в напряжении у скамьи, глядя ей в рот широко открытыми глазами.

За её спиной резко подъехала машина и остановилась у входа в банк. Из машины выскочили трое мужчин в черных пальто и черных шляпах и быстро побежали к ней. Схватив девушку за руки, они потащили её на улицу. Она как будто не слишком удивилась этому и не стала сопротивляться, но обернувшись к Диме, спросила громким и спокойным голосом:

– Ты узнал меня?

Дима встал и сделал несколько неуверенных шагов следом за ней. Когда её почти уже затолкали в машину, она снова обернулась и посмотрела на него. Дверца захлопнулась, машина рванула с места и исчезла. Бледный сотрудник Банка безмятежно рисовал в бланке на стойке, как будто ничего странного не произошло. Охранник, прислонившись к стене, задумчиво глядел куда-то в пол.

– Кошмар какой, – воскликнул Дима, стоя посреди замершего зала и оглядываясь по сторонам. Но угрюмые стены и серые колонны возвышались с таким видом, словно уже сотни лет ничто не нарушало их покой.

– Какой кошмар? – спросил сотрудник, оторвав взор от бланка.

– Ну как же... Девушку сейчас кто-то выволок... Надо полицию вызвать... Охрану...

– Правда? – сотрудник скривил рот в недоумении. – Я не заметил. Зачем звать охрану, вот она стоит. Иелохим! Ты что видел?

Охранник взглянул на них и вяло покачал головой.

Торопливо, задевая древние основания скамей и слыша несуществующий орган, Дима пробрался по залу и выскочил на улицу. Пробежав несколько кварталов, он остановился на тротуаре около какого-то кафе и отдышался. Мимо пролетали машины, сутулые пешеходы под зонтиками шли по своим делам, не обращая на него никакого внимания. Он некоторое время постоял под дождём, и зашёл в кафе. Ему ка-

залось, что он выглядит слишком нервным – руки тряслись от возбуждения и глаза наверно были дикими. Ещё бы мне не волноваться, – подумал он, – когда среди бела дня происходит такое! Привыкнуть к таким вещам невозможно – вот вроде бы он совсем нормальный человек, и тут появляются видения, которых никто кроме него не видит. Или всё-таки не видение? Но почему тогда охранник и сотрудник сделали вид, что ничего не случилось? Сев за столик у окна, он заказал кофе.

Конечно же, это была галлюцинация, – решил он. – Черные пальто и шляпы, как на маскараде... Машина, огромные очки... Такого быть не может в реальности. Чёртовы таблетки, вот Ярик, подлец.

– Вот как? – услышал он смутно знакомый голос. – Значит, мой муж подлец?

Дима оглянулся и увидел позади себя жену Ярика, Катю. Она стояла и улыбалась ему с двухметровой высоты.

– Ой, это я так, в шутку... – он растерялся. – Вспомнил одну старую историю. Ты здесь откуда?

– Это моё любимое кафе. Я хожу сюда всегда, когда хочу побыть одна, хочу развеяться, расслабиться. Здесь чудесная музыка, не правда ли?

Дима прислушался с опасением – не оглох ли он, потому что никакой музыки слышно не было. Катя, в ответ на его неуверенный кивок, которым Дима как бы давал понять, что в принципе готов согласиться с её утверждением, развеяла

его сомнения:

– Лучшая музыка – это тишина.

– Ах, да, я тоже рад, что здесь тихо.

– А ты милый, – сказала Катя и села напротив. Подперев щеку правой рукой, она с улыбкой принялась разглядывать его. Дима потупился.

И зачем она здесь появилась, – с раздражением подумал он. Видя, что она вроде начинать беседу не собирается, он открыл рот и приступил:

– Пасмурно сегодня, да?

Она молча улыбнулась.

– Холодает, верно зима скоро наступит, – помолчав пол-минуты, продолжил он.

– И что?

– Да так... Ничего...

Дима почувствовал, что беседа не клеится и явно по её вине. Пока он напряжённо думал, что ещё можно сказать, она по-прежнему с полуулыбкой смотрела на него. Он с удивлением отметил, что она кажется ему симпатичной. Появился официант и положил перед Катей меню. Это был повод для продолжения разговора и Дима поспешил спросить:

– Ты чего хочешь?

– А ты? – подмигнула она.

– Кофе, чай, коктейль?

– Ну, если ты больше ничего не можешь мне предложить, то давай чай.

Такое её поведение сильно смутило сего, но он тотчас собрался и решительно взял её за руку, которую она держала на столе. Рука была тёплой и влажной – почему-то почти всегда они тёплые и влажные, – подумал он, – эти женские руки, а если сухие и холодные, то, значит, не стоило и брать, женщина бессердечная. Катя не стала сопротивляться и Дима мигом успокоился, почувствовав себя хозяином положения. Он ещё давно подметил, что если контакт с женщиной не налаживается, разговор не клеится, вместе скучно или неловко, то надо поспешно вступить с ней в телесный контакт, и тогда сразу исчезнет дискомфорт.

– Как Ярик? – спросил Дима. – Как у него дела?

– Не имею понятия. Нормально вроде.

– Вы поссорились?

– С чего ты взял? Просто я не слежу за ним. У меня своя жизнь, у него своя.

Допив чай, они вышли на улицу, и Катя предложила посидеть у неё в машине. Просто так сидеть в машине казалось странно и неловко, и они решили съездить в кино, посмотреть какой-нибудь фильм. Пока она выруливала по пробкам, Дима слушал музыку и любовался видом из лобового стекла – как дворники размазывали по нему красные огни ползущих впереди машин. Ему было хорошо, если не считать лёгкого беспокойства – страха перед Яриком.

Вскоре они подъехали к кинотеатру – большому старинному зданию с колоннами. Внутри помещение казалось ещё

просторнее, чем снаружи – гигантский холл без межэтажных перекрытий, с фонтаном, водопадом, тропическими растениями, несколькими кафе, девятью кинозалами, витыми лестницами и шаткими мостами, качающимися под сводами. В листве экзотических деревьев щебетали невидимые птицы, иногда по воздуху быстро проносился кто-то маленький, хлопая крылышками. Посетителей было ещё не слишком много по причине раннего времени.

Дима взял билеты на ближайший сеанс – какой-то новый триллер. В кинозале было почти пусто. Как обычно, сеанс начался с двадцатиминутной рекламы. Сперва показывали анонсы других фильмов. Первый ролик представлял отечественный продукт «Весёлая стройка космодрома «Плятск». Два полных лица в машинном масле, со странными ухмылками и нарочито кривляясь, вели какой-то диалог на фоне космодрома. Параллельно их диалогу звучала песня про русские берёзки и дружбу настоящих ребят. Диму как всегда удивило, что для отечественных комедий последнего времени выбирают предельно идиотские названия, а актёры в них играют так, словно прошли школу комедий древнего китайского классика Джеки Чана. То есть, кривляются изо всех сил, видимо для того, чтобы даже самому тупому зрителю стало понятно, что перед ним комедия, а не серьёзный фильм. Далее следовала череда рекламных роликов иностранных блокбастеров. Хороши ли были в целом рекламируемые фильмы или плохи, догадаться Дима не мог, по-

тому что в рекламе использовали самые удачные, яркие эпизоды. В завершение показали ещё один ролик отечественного кино – под названием «Комбербабль». Это, судя по рекламе, была эпическая история о героизме, любви и самопожертвовании во имя родины. Главный герой (известный молодой актёр) на протяжении всего ролика стоял в генеральском мундире на каком-то странном сооружении, обдуваемый солнечным ветром и озаряемый вспышками сверхновых, вытянувшись во весь рост и гордо глядя куда-то вдаль. Дима слышал уже от знакомых, что он не меняет позу и это выражение лица в течение всего фильма, хотя присутствует в кадре девяносто процентов времени. Его возлюбленная, пожертвовавшая честью и всем остальным ради любви к нему, напротив, весь фильм улыбается, даже в самых драматических эпизодах. Говаривали, будто эта улыбка – её актёрская изюминка и режиссёр решил использовать её как беспроигрышный ход. Далее следовал рекламный блок различных товаров. Дима терпеливо выслушал рассказ о кофе, прокладках, машинах, и ещё о чём-то. Интересно, что эффект от всех этих товаров, если верить рекламе, был такой, как будто они содержали сильнодействующие наркотики. Выпил колы – сразу начались галлюцинации и эйфория, почистил зубы – хорошо, как будто в рай попал, купила новые прокладки – вштырило так, что улыбка с лица не сходит, в глазах радуга и все цветы на планете расцвели. Дима слышал, что реклама с самого своего возникновения, с первых примитивных

плакатов, тяготела к сильным преувеличениям. Правда, он понять не мог, почему для этих преувеличений неизменно выбираются образы наркотического опьянения.

В завершение рекламного блока, в соответствии с решением Министерства культуры, на экране возникла надпись: «Зона Правды предупреждает: вышеуказанные товары и кинофильмы не соответствуют действительности».

Едва пошли титры, Дима (как делал всегда в кино) взял Катю за руку с намерением спустя несколько минут перейти к поцелуям. Поход с девушками в кино уже давно превратился для него в не очень приятный ритуал – как правило, ему не удавалось посмотреть фильм, потому что приходилось заниматься сидящей рядом спутницей. А не заниматься ей он не мог, иначе зачем тогда вообще надо было идти в кино с девушкой? Уж лучше, если хочется просто насладиться хорошим фильмом, идти на просмотр одному, в таком случае никто и ничто не будет мешать сосредоточенному созерцанию.

Выждав положенные минут десять, Дима повернулся лицом к Кате, собираясь слиться с ней в поцелуе. Однако она его опередила. Она резко подалась к нему и прильнула к губам с неожиданной страстью, обхватив ладонями шею и лицо. И почти всё время, пока пылали радужные всполохи на экране, грохотали космолёты в крутых виражах и взрывы сотрясали внутренние органы, они самозабвенно целовались, не видя ничего вокруг. Хотя, наверно, самозабвенность

относилась только к Диме, потому что Катя, как и большинство девушек, даже во время такого интимного дела как поцелуи тщательно сканировала окружающее пространство. Поэтому если ей и не удалось толком посмотреть фильм, то во всяком случае удалось его послушать и быть в курсе сюжета. Дима же мог смело идти на сеанс во второй раз как в первый.

Когда кино, наконец, закончилось, Дима вздохнул с облегчением – за полтора часа он нацеловался почти до отворачивания. Губы теперь стали, словно ватные и потеряли всякую чувствительность. Они вышли на улицу. Там казалось холодно после тёплого кинозала, дождь с ветром пробирались за воротник, и Дима сутулился и ёжился, стоя напротив задумчивой Кати. Он собирался попрощаться с ней прямо здесь, дойти до метро и отправиться домой.

– Поедем ко мне? – предложила она раньше, чем он успел высказать свои намерения.

Он кивнул, она взяла его под локоть и повлекла в машину. По пути Дима думал о неизбежности того, что должно сегодня ночью произойти, и о том, что будет, если её муж об этом узнает. Очевидно, он сильно обидится.

Пир и море

На следующее утро Катя проснулась в хорошем настроении. Она угостила гостя завтраком, сварила ему отличный кофе и сказала напоследок, чтобы он приходил ещё, когда захочет. Дима тоже поднялся ото сна в добром расположении – кошмары его ночью не мучили и Катя показалась ему очень симпатичным человеком, и о проведённом с ней времени он не жалел.

Выйдя он неё, он обнаружил, что по-прежнему с неба падает дождь, и небо такое низкое, густое и однородное, как будто огромный линияющий серый кот развалился и заснул там наверху, заслонив собой солнце. Дима перебежал дорогу, ловко подпрыгнул над лужей у границы с тротуаром и очутился у входа в интернет-кафе. О том, чтобы после такой ночи идти на работу не могло быть и речи, нужно было спокойно и расслабленно где-нибудь посидеть, подумать о том, о сем.

В кафе, к счастью, было немногочленно. Он сразу, не открывая меню, попросил ноутбук, большую чашку кофе и пачку сигарет, и расслабленно развалился в кресле. Если бы сейчас какой-нибудь знакомый внезапно появился у столика и захотел бы составить Диме компанию, у него наверняка испортилось бы настроение.

Бывало, сидел он так где-нибудь в одиночестве, погружен-

ный в созерцание, как вдруг к нему подходил с радостной улыбкой старый приятель, хлопал его по плечу и садился напротив с кучей тем для разговоров. Или, что ещё хуже, сиделся без тем, видимо, рассчитывая, что у Димы есть желание придумывать эти темы и поддерживать дурацкую беседу. И Диме ничего не оставалось, кроме как натянуто улыбнуться в ответ и уныло повести скучный разговор о всякой чепухе. Но сейчас никто не тревожил его, и вряд ли здесь мог встретиться какой-нибудь его знакомый. Ему пришло в голову, что единственный человек, кого бы он хотел здесь видеть – это та загадочная незнакомка, которую вчера, как ему показалось, двое неизвестных насильно уволокли из Банка реинкарнаций. Тотчас испортилось настроение, и он, чтобы отвлечься от плохих мыслей, торопливо открыл ноутбук. Первым делом, минуя всякие новости и почту, он зашёл на свою страницу в социальной сети «Горменгаст».

Онлайн были несколько знакомых, появились новые комментарии к его фотографиям, пришла пара сообщений и одна заявка в друзья. Заявка и комментарии оказались от Ярика, одно сообщение от Кати, другое от Василия. «Привет))), – писала она, – я видела из окна, как ты в интернет-кафе зашёл) Хотела тебе рукой помахать, а ты даже не посмотрел на меня)) Целую, до встречи)))))) Приятно было провести с тобой время!!!!):)». Василий просто спрашивал, как дела. Дима быстро ответил ему, пересказав в двух словах загадочное происшествие в Банке и свои подозрения, что это

галлюцинация. Содержание комментариев Ярика под фотографиями сводилось к стандартному одобрению. Дима перешёл на его страницу, чтобы из вежливости тоже оставить какой-нибудь комментарий. На фотографиях Ярик был запечатлён во время отдыха на каком-то курорте. Вот он на ослепительно белом пляже, вот он болтается в пенных волнах, а вот он под пальмами в черных очках и с бокалом чего-то зелёного. На нескольких фотографиях он обнимал Катю, она с улыбкой прислонялась к его острому плечу, немножко неуклюжая и смешная из-за своего роста, и всякий раз с нелепо сложенными руками то на животе, то за спиной – было видно, что они ей мешают и она не знает куда их деть. По некоторым фото Дима определил, что отдыхали они на очень дорогих и престижных курортах, куда обычный смертный в принципе не может попасть, и не только потому, что у него денег таких не будет, но и потому, что его туда просто не пустят. Это были статусные места для своих.

Ещё больше чем восхождение Ярика к успеху, его удивил внезапный интерес Кати к его собственной скромной и необеспеченной личности. Она явно рисковала расположением Ярика, и главное, совсем непонятно почему, ведь судя по фотографиям, им вместе было хорошо. Он ещё раз пересмотрел те фото, где она была вместе с Яриком. На каждой она выглядела беззаботной, как ребёнок, и обнимались они как-то нежно по-семейному. Чем дольше Дима смотрел на неё, тем больше она ему нравилась. А ведь обычно бывало

совсем иначе: сначала красивая и безупречная, как дорогая идеальная роза – вроде бы совершенство. А затем, в процессе общения, за внешними достоинствами вдруг начинали обнаруживаться минусы – там лепесток почернел, здесь шипы поломались, да и стебель не такой уж прямой оказался, а с неприятным изгибом. Хотя, с другой стороны, нужно было вовремя его подрезать и воду менять.

Катье он ответил: «И мне было приятно, обнимаю)». Ярику под их общим с Катьей фото написал: «Отлично выглядите». И заметил существенную разницу между этими двумя своими сообщениями – ему даже в голову не пришло поставить смайлик Ярику, в то время как для Катьи он поставил его без сомнений. Некоторые ставили смайлики десятками в конце каждого предложения, он же всегда ограничивался одним, ну или, в крайнем случае, когда хотел показать, что написанное – шутка, двумя. Но никогда не опускался до трёх. Девушки сыпали смайликами намного щедрее, чем мужчины, они использовали их в любой сетевой переписке, и без них текст выглядел так, как будто в нем не хватало чего-то очень существенного. Даже написать просто «Привет» теперь было недостаточно, это казалось грубым и холодным приветствием, а вот «Привет)» – совсем другое дело. Например Дима желал кому-нибудь на ночь: «Спокойной ночи. До завтра». Ему обиженно отвечали: «А что так грубо? Что-то не так?» И тогда он исправлялся: «Спокойной ночи) До завтра)».

Подумав, он написал Ярику ещё одно сообщение: «После тех таблеток меня до сих пор посещают странные галлюцинации. Недавно в Банке мне показалось, будто ко мне идёт девушка, которую я раньше уже встречал, затем на неё напали какие-то мужчины и утащили в машину. Никто больше этого не заметил. Не знаешь, есть ли какое-то средство, чтобы полностью избавиться от видений? Может, мне надо кровь промыть или что-то в этом роде?»

Вспомнив причину своего последнего визита в Банк, он набрал в поисковике «Улисса». Нашлось несколько сотен тысяч страниц с упоминанием героя Гомера и Джойса, но странички пользователя Calyrso больше не было. Странно, неужели и это примерещилось, – расстроился он.

Ответ от Ярика пришёл через несколько минут: «Привет!) Не переживай, это скоро пройдёт! Просто ты мешал таблетки с алкоголем и принял сразу очень большую дозу, а препарат долго выводится из организма. С мочой, так что пей больше пива)) Уверен, твои видения уже стали реже, а скоро совсем исчезнут. Это нормально, так что не бери в голову. А бери в рот! Шутка)). Надо в баньку сходить, мне понравилось с вами, парни!»

Стиль письма Ярика успокоил Диму. Раз тот пишет обо всём этом так шутливо и легкомысленно, как бы между делом, и быстро переходит к другой теме, то, значит, и в самом деле всё в порядке и бояться нечего.

Порывшись в карманах куртки в поисках денег, он вместе

с деньгами извлёк наружу визитную карточку. Дима вспомнил своего щедрого приятеля из ночного клуба – эта карточка принадлежала Андрею. Приятно было осознать, что такой человек как Андрей в самом деле существовал, а не оказался очередной его нелепой фантазией. На карточке помимо имени и номера мобильного телефона значилось название организации, которую упоминал Андрей – «Последователи Первого». Андрей говорил, что информацию об этой организации в интернете не найти, но Дима из любопытства набрал эти слова в поисковике. В самом деле, ссылок с таким названием не было. На страницах упоминался какой-то памятник Первому, Будда Гаутама и Будда Майтрейя, метемпсихоз, нирвана и мокша, и ещё миллионы разных вещей, но только не организация.

Расплатившись с официантом, он поймал на улице такси, потому что не было никакого настроения ехать на метро, и отправился домой. Несмотря на усталость, заснуть сразу не удавалось, и он долго ворочался в кровати, вспоминая события последних дней. Какие-то нерешённые проблемы всплывали всякий раз, едва он начинал погружаться в сон, и он снова переворачивался на другой бок с твёрдым намерением выбросить всё из головы. Его беспокоило, что он, как ему казалось, целыми днями занимается всякой чепухой, но никак не тем, чем должен и мог бы. А вот чем он должен и мог бы заниматься, он сам не знал, только чувствовал, что не тем, чем занимается. И вдруг он понял, что все эти видения,

которые его посещали в последние дни и ночи, очень даже ему нравятся. Во всяком случае, они казались ему интереснее, чем то, что происходит с ним в реальности. И сам он там казался себе интереснее. Что-то было другим, но вот что именно? Было ли дело в различии миров – реального и мира видений, или же в том, что сам он был разным в этих мирах?

С этими мыслями он стал, наконец, засыпать и в сознании появилась приятная расслабленность. Вещи, о которых он думал, начали принимать невозможные формы, но в то же время продолжали казаться ему совершенно обычными и нормальными, как будто он всё ещё бодрствовал. Ему привиделось, будто он намерен повеситься на каком-то дереве – и это несколько его не огорчало, а наоборот, вселяло весёлую надежду. А Велемир Адроныч спорил с ним, убеждал не спешить и сходить сначала в баньку. Но что-то постоянно выталкивало его из сна, заставляя осознавать фантастичность его грёз, какие-то звуки, вроде бы с нижнего этажа, как будто соседи с размаху бились головами о стены, или прыгали в тяжёлых сапогах, или роняли на пол ящики с посудой. Ещё так бывает, подумал он, когда чокаются большими кружками и ставят их с размаха на стол. Возможно, у них праздник, чей-нибудь день рождения или, что тоже вероятно, сегодня важный день календаря, который отмечает весь мир, и только он, как обычно, об этом ничего не знает. Он оказался прав – это были и кружки, и стук каблуков. И головами тоже бились, но редко, и не об стены, а об столы.

Он сидел в весёлой компании и слегка уже охмелел, его приятели громко разговаривали и смеялись – они как будто отмечали какое-то событие. Он тоже веселился вместе с ними, грыз кость с остатками мяса и пил из высокой деревянной кружки. Вроде бы эта кость принадлежала кабану, убитому недавно на охоте, а может и собаке, разобраться в этом сейчас он не мог, да и не хотел. С потолка свисали тусклые масляные светильники, давая ровно столько света, сколько нужно, чтобы различать очертания кружек и людей, и при этом самому оставаться едва различимым. Впрочем, здесь никто и не пытался никого разглядывать, потому что за это запросто можно было получить стулом по лицу. Хотя, такое слово как «лицо» среди собравшихся не пользовалось популярностью, некоторые наверно даже не понимали, что это вообще такое – «лицо», и называли место, на котором есть нос, рот и глаза совсем другим словом. И правда, то, что он наблюдал выше шеи у своих ближайших соседей, с трудом походило на лица. Несмотря на полумрак, он знал, что слева на скамье сидит его давний друг, бесстрашный рыбак и отчаянный охотник на ундин Василиск. Со свёрнутым на бок носом и полузакрытым из-за глубокого шарма правым глазом, он, тем не менее, считался любимцем женщин всего Агриока, а женщин здесь, если не считать старых и совсем ещё маленьких, по самым скромным подсчётам проживало не меньше ста. И это постоянных, а приезжих, скажем, чем-нибудь

торговать (например, собой), ещё больше. Не портила его и грязная седая борода с давно засохшей в ней рыбьей чешуёй, и кусочками рыболовных снастей. Половины зубов у него не было, что хорошо становилось заметно, когда он начинал смеяться, а те, что остались, почернели почти до невидимости. Но вот уже столько времени, сколько существует мир, всем известно – мужчину украшает не красота.

Высокая, пышноволосяя (других примет просто не было видно) служанка, всякий раз проходя мимо стола, оборачивалась и улыбалась Василиску, а он тоже в ответ улыбался и подмигивал.

– Только она знает, – нагнулся он к Диме и зашептал, дыша на него луком, чесноком и пивом, – только она знает, кто мы такие. Хорошая девчонка, на неё можно положиться.

Дима кивнул:

– Я вижу, ты на неё уже положился.

– Без неё у нас не было бы здесь своего человека. Эй, Катрина, подойди!

Она подошла и беспечно облокотилась на стол напротив друзей так, что оказалась под самым светильником, и Дима мог теперь её рассмотреть. Ни пышных грудей, которые так привлекали рыбаков всего мира, ни особой привлекательности он в ней не заметил, только сильную худобу и очень наглую улыбку. Она показалась ему странно знакомой, как будто он уже видел где-то эту длинную тонкую фигуру, волчьих глазки и бесстыдную усмешку.

– Чего вам? – она схватила Василиска за бороду и потаскала взад-вперёд. – У-у-у, идёт коза рогатая.

Иные, кто сидели поблизости за столом и наблюдали эту сцену – как служанка таскает его за бороду, притихли в ожидании последствий. И за меньшие вольности многие уходили от Василиска инвалидами, или, в худшем случае, вообще не уходили, а поздно ночью оказывались выброшенными на задний двор. Но рыбак лишь расхохотался счастливо, обнажив беззубые десны, и потребовал принести ещё пива. Шум за столом возобновился, все вернулись к своим разговорам, напиткам и закускам.

– У тебя одна слабость, Василиск, это бабы, – сказал Дима другу. – Как бы не вышло нам это боком.

– Да брось ты, Дождь! – и рыбак так ударил по столу, что подскочили кружки и все снова замолчали, глядя на него. – Я тебя разве подводил когда? Говорю тебе, ей можно доверять.

– Ну ладно, ладно...

Угрюмый грузный человек по другую сторону стола пристально смотрел на них, он был уже пьян и явно думал о каких-то тяжёлых вещах, которые приходят в голову только в очень пьяном состоянии.

– Что уставился, Брам? – спросил его Василиск.

Брам вроде хотел что-то сказать в ответ, но его толстые щеки не шелохнулись и рот не захотел открываться. Василиск чуть приподнялся и ударил его кулаком по лысой голове. Брам свалился под стол. Все, кто видел это, расхохота-

лись. Дима промолчал, он пожалел Брама, всё-таки толстяк был одним из их команды. Впрочем, через пару секунд тот поднялся, как ни в чём не бывало.

Вернулась Катрина с восемью кружками пива в руках и ловко расставила их на столе, ничуть не расплескав. Она снова одарила Василиска легкомысленной улыбкой и едва заметно кивнула головой в сторону двери, ведущий в подвал. Этого намёка было достаточно, чтобы он поднялся, и покачиваясь, как на палубе в шторм, пошёл за ней.

– Скоро вернусь, у меня одно дело, – подмигнул он Диме.

– Не забывай, нам сегодня в море, а оно беспокойно!

– За меня не беспокойся, – обиделся Василиск.

За него и в самом деле можно было не беспокоиться, он в любом состоянии чувствовал себя на корабле, как дома, белой карабкался по вантам, уверенно стоял у штурвала, ловко бросал гарпун. Чего нельзя было сказать о некоторых других из его команды, например о Бrame. И ясно – как они могли удержаться, если сегодня всё почему-то за счёт заведения!..

Он пододвинулся ближе к маленькому окошку в бревенчатой стене. Несмотря на сильный снегопад, в небе виднелись сиреневые очертания луны. В такую погоду в море выходят только сумасшедшие или те, кому нечего терять. Или те, у кого есть тайная цель, такая, что надо уйти незамеченными, желательно в тёмную, снежную ночь. Все эти определения точно подходили к его команде. Поэтому и метель была им на руку, и луна очень кстати – иначе пришлось бы на

судне работать на ощупь. До полуночи оставался всего час – скоро, совсем скоро они поднимут якоря и отправятся наперекор шторму туда, где за каменными стенами никогда не наступает день.

Его толкнули в плечо – седой слепой старик протягивал ему свою лиру.

– Спой, Дождь! – кричали ему с разных сторон, – спой нам песню ветра!

Ему не хотелось привлекать сейчас к себе внимание, но отказаться, зная настойчивость собравшей здесь компании, он не мог. Они восприняли бы его отказ как неуважение. «Ты что, – сказали бы они ему, – пойдём-выйдем». Он, в общем-то, не боялся выйти с любым из местных, но конфликт был бы некстати, да и почти все здесь с некоторых пор считались его хорошими приятелями. Хотя в этой компании нормальная драка не имела ничего общего с серьёзной ссорой и редко приводила к испорченным отношениям. Во-вторых, он обидел бы слепого старика, который предлагал ему свой собственный инструмент, служивший ему не один десяток лет. И он с поклоном принял лиру под всеобщие одобрительные возгласы.

– Давай, Дождь, – кричали ему, – сделай, как ты умеешь! Песню ветра спой!

Дождавшись тишины, он легко тронул струны, проверяя, должным ли образом настроено. Всё было правильно, старик знал своё дело. Пальцы словно сами по себе приступи-

ли к привычному делу, наполняя помещение старинной мелодией. Проиграв вступление, он негромко запел. Пока он пел, все молча слушали его, сохраняя почтительную неподвижность. В старинной песне рассказывалось о непростой судьбе агриокского рыбака, обречённого всю жизнь бороться с суровым нравом моря, потому что ундины поднимаются на поверхность только в шторм. И днём, и ночью он под напором шквала, с сетями и гарпунами качается на волнах на ветхом судне, чтобы выловить хвостатую женщину или найти смерть в морской пучине. И если корабль не разобьётся о скалы и не напорется на рифы, то рыбак вернётся домой живой со скромным уловом или с пустыми руками, проведёт день в таверне за кружкой пива, проспится и снова выйдет в море. И рано или поздно его ждёт один конец – гибель в бушующих волнах или вечные скитания по дну морскому в компании полюбившей его ундины.

Вот такая была песня, и всякий здесь давно знал её наизусть, но неизменно души рыбаков при звуке знакомой мелодии томились сладкой печалью. Хотя настоящих рыбаков в таверне было не так уж и много, в основном тут собирались бандиты, потому что разбой оказался более прибыльным и менее опасным делом, чем охота на ундин. Но традиционно они все называли себя рыбаками и очень обиделись бы, если бы кто-нибудь сказал им, что это не так. Настоящими рыбаками среди собравшихся были Брам, Василиск и ещё несколько человек. Они дожили до своих лет лишь

потому, чтобы имели крайне непривлекательную внешность, ведь известно, что подводные красавицы выбирают себе пару из симпатичных. Немало молодых красивых рыбаков ушли на дно у берегов Агриока, не успев продать и одного брюшного плавника. Говорили, что в особенно ясные лунные ночи их бледные лица можно увидеть у бортов проходящих кораблей, они всплывают и смотрят белыми глазами на своих бывших собратьев. Брам же с его толстым оплывшим лицом и свинными глазками совсем не интересовал ундин, они бы скорее сошлись с дельфином, чем с ним. Василиск не уступал ему – бывало так, что ундины, заметив свесившуюся за борт бородатую рожу Василиска, в панике била хвостом и уплывала прочь. Однако чем дольше рыбак ходил в море, тем выше становились шансы, что кто-нибудь из его потенциальных жертв полюбит его. Женщины (в том числе и подводные) любят постоянство, а не благие намерения, поэтому ходили слухи, что Василиска уже заметили сразу несколько ундин. Говаривали даже, будто видели, как трое из них дрались между собой, ревнуя друг дружку к нему, но это, скорее всего, было вымыслом перепивших постояльцев «Стерляди».

Едва Дима закончил петь, как шум возобновился – рыбаки, поблагодарив его, вернулись к своим разговорам и пьянке. Старик забрал лиру и ушёл в свой невидимый угол, чтобы медленно перебирать там струны и тихо напевать старинные напевы. Время подходило к полуночи.

– Кстати, – вдруг сказал Брам, очнувшись от забытья, – почему таверна называется «Стерлядь?» Никогда в этом море не было никакой стерляди.

– Рыба здесь не причём, – ответил ему кто-то. – Когда-то отец хозяина этой таверны полюбил странницу, остановившуюся у него на ночь. Она происходила из знатного старинного рода и не была такой простой, как обычные агриокские девушки. Вначале она ответила ему взаимностью, но очень скоро разбила его сердце. Возненавидев её, и в то же время не в силах забыть, хозяин назвал таверну «Стерлядь» в память о ней.

– Очень грустная история, – заметил Брам, – но я почему-то не вижу связи между девушкой знатного рода и стерлядью.

– Да связь очевидная, ведь «стерлядь» – это слово из двух других слов: «стерва» и «блядь».

– Хватит чушь нести, – со смехом сказал кто-то, – эта таверна так называлась уже при прадеде нынешнего хозяина. Верно, старик?

– Всё верно, – согласился слепой старик в тёмном углу. – Тот тоже немало стерляди повидал на своём веку.

Разговор оборвала группа вооружённых людей, быстро и шумно вошедшая в таверну. Из открывшейся двери повеяло холодом, ворвалась метель и затушила несколько светильников. Все резко замолчали в наряженном ожидании дальнейшего развития событий. Многие из собравшихся по раз-

ным причинам не желали встречи со стражей. В полутьме руки незаметно потянулись к ножам, гарпунам и абордажным крюкам, спрятанным под столами. Стражи было человек восемь, все в прочных кожаных доспехах, с короткими саблями и пиками. Драка с этими людьми не предвещала ничего хорошего, но в случае опасности каждый из сидевших здесь, не раздумывая, бросился бы на них. Вперёд стражи вышел высокий человек в чёрном плаще с капюшоном. Даже в такой темноте различался торчащий из-под капюшона длинный горбатый нос.

– Спокойно, рыбаки, – негромко сказал он, – я пришёл не за вами. Мне нужен Дождь. Я знаю, он здесь.

В голове у Димы промелькнула мысль, что Василиск его предал. Не случайно его сейчас не было, он ушёл вместе с этой ведьмой Катриной. Неужели они в сговоре? Но зачем? Почему?

Времени на раздумье не было и он, схватив со стола тяжёлый нож, которым недавно резал мясо, метнул его человека с капюшоном. Тот оказался на удивление проворным и успел увернуться. «Взять его!» – закричал он, указывая на Диму. Стражники ринулись к нему, но они не учли одного – почти все здесь были на его стороне. Поэтому ближайšie к Диме стражники легли на пол с проломленными черепами и рваными ранами, не добежав до него пары метров. Перемахнув через стол, он подобрал выроненную стражником саблю и зарубил ещё одного, рассчитывая подобраться к чёрно-

му плащу. Тот сообразил, что необходимо сменить тактику и велел стражникам сомкнуть строй, а сам встал за их спинами. Теперь атаковать их стало сложнее, стоя плечом к плечу, они отбивались пиками, поэтому в них полетели столы и стулья. Под напором рыбаков им всё равно пришлось бы уйти или погибнуть, если бы не подмога в количестве ещё десятка стражников. Теперь они почувствовали себя увереннее и стали теснить рыбаков. Одним из первых погиб Брам, его пронзили сразу несколько пик в тот момент, когда он, сидя на враге, пытался перерезать ему горло ржавым, специально затупленным ножом. Такие ножи выдавали посетителям таверны, чтобы они могли резать жареное и варёное мясо, но не могли навредить друг другу в пылу ссоры. За Брамом последовали другие, и скоро стало понятно, что шансов у рыбаков нет. Неожиданным для всех оказалось внезапное появление Василиска из двери подвала. Он выскочил полуголый с длинным кривым кинжалом и весь в крови, и так напугал своим видом стражников, что успел уложить двоих из них прежде, чем они поняли, что это всего лишь человек.

– Уходите! – закричал он Диме. – Нас предала служанка! Но её больше нет!

Дима побежал к выходу на задний двор, за ним последовали уцелевшие члены его команды. На пороге он обернулся и увидел упавшего на колени друга.

– Прощай, Василиск! – крикнул он, и выпрыгнул в бушующую снаружи выюжную мглу.

Он повёл людей через лес, чтобы оторваться от возможных преследователей. Но, похоже, за ними никто не шёл, значит, рыбаки ещё держалась. В лесу было так темно, что Дима не видел и на шаг впереди, и приходилось продираться сквозь бурелом, то и дело проваливаясь в сугробы и натываясь на деревья. К счастью, всё ещё светила луна – ориентируясь по ней, они хотя бы могли двигаться в нужном направлении. Где-то невдалеке завывали волки, наверно, собираясь на охоту. Огромные агриокские волки, которых даже медведи боялись и самые отважные охотники обходили стороной за десятки миль.

– Дождь, – крикнул кто-то. – Волки рядом. Что делать будем?

– Ничего. Дальше можем идти шагом. Они нас не тронут.

С ним не стал никто спорить, все знали, что он отвечает за свои слова. Так оно и получилось, до корабля они дошли без приключений. На палубе, несмотря на темноту, опытная команда действовала быстро и слажено. Дима, стоя на мостике под масляным фонарём, вокруг которого крутились снежные мотыльки, отдавал приказы, а рыбаки, чудесным образом протрезвевшие, карабкались по вантам, поднимали якоря и ставили паруса.

К счастью, дул попутный ветер, и «Калипсо», выйдя из бухты, с хорошей скоростью помчался к острову Правды.

Таинственное послание

Проснулся Дима довольно поздно. Он не сразу встал с кровати, а полежал некоторое время, стараясь получше запомнить странный сон. Если бы он поднялся сразу и занялся привычными делами – типа приготовлением кофе, стоянием в задумчивости у окна, разговором с самим с собой на неуловимые темы, то быстро и непоправимо забыл бы свой сон. А так, лёжа неподвижно в постели, он мог выловить из зыбкой памяти хотя бы некоторые детали ночного видения. Только убедившись, что вспомнить больше ничего не удастся, он поднялся и пошёл в ванну, чтобы почистить зубы и умыться. Да уж, – удивлялся он, – приснится же такое, какой-то фантастический блокбастер, в жизни такого не бывает... В зеркале он увидел своё грустное и потрёпанное отражение со странно вставшими на левой стороне головы волосами. Совсем не тот человек, каким он видел себя во сне. Невозможно было представить, чтобы у того рыбака было по утрам такое лицо и такая причёска. Если он и бывал по утрам растрёпан, то совершенно иначе, и не выглядел из-за этого нелепо. Тот человек вообще не стал бы стоять у зеркала с дурацким видом, думать то, о чём сейчас думал Дима и рефлексировать по поводу предыдущего воплощения. Он явно был сильным, уверенным и знал, чего хочет. Он решительно побрился бы ножом, быстро ополоснул голову холодной во-

дой и пошёл по делам. Отчего такое несоответствие с моими прошлыми жизнями, – подумал Дима, – если, конечно, это в самом деле мои прошлые жизни, а не просто какие-нибудь галлюцинации...

Выпив средней крепости кофе, он решил сходить в тренажёрный зал. Большая физическая нагрузка благотворно влияла на него, избавляя от неприятных мыслей и успокаивая нервы.

В тренажёрном зале он нашёл Велемира Адроныча. Тот, лёжа на скамье, готовился к жиму. От изумления Дима даже не поздоровался.

– Жмёте!?! – воскликнул он.

– Да, дорогой, приходится. А то все в этом зале делают это неправильно. Даже тренер, и тот не знает, как надо. Смотри!

И Велемир Адроныч принялся жать. Делал он это как-то по своему, если все жали от груди, то он поднимал штангу от живота. Дима видел, что старик явно жмёт неправильно – наверно из-за титановых суставов.

– Понял? – спросил старик, с несгибаемой спиной усевшись на скамейке.

– Да, – кивнул Дима. – Я тогда, пожалуй, пожму.

– Погоди, разговор есть. Я слышал, у тебя проблемы какие-то.

– Почему вы решили, что у меня проблемы?

– Потому что везде есть свои люди. Мне Андрюха рассказывал, что у тебя проблемы с Зоной.

– Вот это да, и вы знакомы с ним? Мир тесен... Может вы и Маринку с моей работы знаете, это она меня в тот клуб притащила...

– Ещё бы мне её не знать, если она моя внучка! Ты не вздумай к ней подклеиваться, козел, ноги из жопы вырву. Понял?

– Да что вы, Велемир Адронич! Мы с ней вообще не «вы»... Только я этому вашему Андрею не говорил ни о каких проблемах, мы выпили по рюмке и все. Это он напридумывал по пьяни про какие-то проблемы.

– Я с тобой спорить не собираюсь, слушай сюда – ты это, будь поосторожней. Не лезь ты в эту Зону, потом не выкарабкаешься. И в Банки не ходи – всё это связано с Зоной, не ищи себе приключений сам знаешь на что.

– Да я и не лезу... Зачем мне эта Зона.

– Вот и не лезь. И в бане появляйся, не забывай отмечаться.

– Так я стараюсь не пропускать, каждую неделю почти...

– Вот и не пропускай, – Велемир Адронич посмотрел задумчиво и покачал головой. – Прямо не узнать... Как меняются люди!

– Вы о чем это? – забеспокоился Дима – ему показалось, что слова старика отвечают каким-то собственным его мыслям.

– Да так, о своём, о стариковском, не бери в голову, Диманыч. Давай уж, иди, жми, хватит языком трепать.

После тренировки Дима поехал на работу. Улицы внезапно замело снегом – в сети писали, что такого снегопада не наблюдалось уже более ста лет. Крупные белые хлопья застилали небо, и не было видно им конца. Снег не успевал таять и машины тяжело скрипели по утрамбованным дорогам.

Дима поздоровался с коллегами и сел за свой стол. Пока загружался компьютер (а на работе он всегда загружался долго), он смотрел в окно, за которым всё было белым-бело. Как можно, – думал он, – в такую сказочную погоду сидеть в офисе и заниматься какими-то абсурдными делами, сродными чёрной магии, причём самой чёрной, чернее которой не бывает. Почему он должен изучать чудовищные по своей бесчеловечности и нелепости бумаги с какими-то непостижимыми схемами и предложениями, которые противоречат естественной природе человека? Например «Отчёт о проверке руководством обеспечения безопасности отчёта по безопасности внедрения схемы повышения обеспечения безопасности за _____ год в целях обеспечения безопасности». Все эти документы всякий раз приводили Диму к выводу, что человечество давно уже идёт по ложному пути. Самое страшное, что нередко ему самому приходилось писать их. В таких ситуациях уходило по нескольку часов, прежде чем он решался сесть, наконец, за компьютер, но и тогда ему не удалось сразу приступить к делу, и он опять вставал, чтобы нервно ходить по кабинету и курить одну за другой. И только выкурив две трети пачки, тяжело дыша, нервный и поси-

невший, он вновь сел за компьютер и в состоянии близком к панике печатал требуемый текст. Он обнаружил, что истерическое курение и ходьба вокруг компьютера являются магическим ритуалом, помогающим выполнению подобных заданий. Как же всё-таки люди, – удивлялся он, – за столько тысячелетий дошли до того, что все эти бумаги, убийственно тоскливые, бессмысленные и мёртвые слова вдруг приобрели для них огромное значение?

Боковым зрением он заметил, что Ерамида Бертольевна и Ильдораса Мариановна поднялись со своих мест и молча вышли за дверь. Выдержав паузу, Аня сказала:

– Привет. Как твои дела?

– Нормально. А куда это наши дамы убежали?

– Покурить.

– Они же не курят?

– Ну, значит, выпить. Какая разница?

– Да так, никакой... А у тебя как дела?

– Тоже неплохо.

Они помолчали.

– Так ты говоришь, что не женат? – продолжила Аня.

– Нет. То есть да. То есть не женат.

– Может, тогда посидим где-нибудь вечером?

– Давай, – автоматически согласился Дима.

– Тогда созвонимся после работы?

– Ага.

Аня резко преобразилась, она порозовела и заулыбалась.

Когда Ерамида Бертольевна с Ильдорасой Мариановной вернулись, она скороговоркой принялась рассказывать им какую-то чушь, смеясь и краснея одновременно. Дамы с умилением смотрели то на неё, то на Диму, радуясь их примирению и гадая, какие романтические сцены произошли здесь за время их отсутствия. А он почувствовал себя неловко от тех мыслей, которые, по его мнению, были сейчас в их головах.

– Ну что ты, милая, разошлась, – с материнской добротой сказала Ерамида Бертольевна, – то лица на тебе не было, а теперь прямо как ребёнок! Успокойся, чаю лучше нам сделай. Вон и Дима наверно тоже чай будет.

– Спасибо, – кивнул Дима, – буду.

Аня вскочила, включила чайник и побежала в туалет мыть чашки. А Дима занялся своими делами. Дела его свелись к проверке электронной почты и посещению сети «Горменгаст». К составлению документов для Горация он решил даже не пытаться приступать, чтобы не портить себе и так испорченные нервы. Писем в почте не было, а в Горменгасте от Кати пришло сообщение: «Скучаю!!!» Он непроизвольно улыбнулся, польщённый, и тут же торопливо закрыл окно сообщений, потому что Аня принесла ему чай и теперь пыталась подсмотреть, что там у него на мониторе. Она поставила кружку на стол, как бы невзначай прикоснувшись к его руке, и случайно плеснула на него кипятком. Последнее событие было своего рода признанием в любви – Дима давно заметил, что если девушка нечаянно наносит физический

ущерб мужчине, значит, она неравнодушна к нему. Чай оказался таким сладким, как будто в него положили десять ложек сахара.

Дождавшись, когда она уйдёт, он вступил в переписку с Катьей. Их интимно-шутливый разговор, с массой комплиментов и сексуальных намёков, поглотил его с головой, и он периодически ловил себя на том, что радостно улыбается во весь рот и негромко подхихикивает. В таких переписках рабочий день летит быстро – три часа прошли как один миг, оставалось отработать ещё час. А больше четырёх часов Дима никогда не мог высидеть на работе. Он поступал обычно так – приходил на три часа позже начала рабочего дня, уходил на час раньше конца. И иногда вообще не приходил. А чем занимались все эти люди, сотни сотрудников, восемь часов в день сидя на стуле перед тормозными компьютерами, он никогда не мог понять. Ведь намного проще сделать эту работу за пару часов дома.

С Катьей он договорился о встрече на вечер следующего дня, она предлагала сегодня, но он уже не мог отказать Ане. В сети появился Василий и они решили пойти в баню завтра с утра.

Он уже собирался выключать компьютер, когда в кабинет зашла Марина и направилась прямо к его столу.

– Привет! У меня тут для тебя небольшая посылка. Передали сегодня днём.

Дима заметил, что Аня с явным неудовольствием смотрит

на неё.

– Что за посылка? – удивился Дима. – Кстати, видел твоего дедушку сегодня. Неожиданные совпадения, правда? Не знал, что ты его внучка.

– А я знала про тебя, он мне рассказывал, какой ты балбес – даже жать толком не умеешь. В общем, вот – кто-то подложил под дверь, тебя ещё не было, я и взялась передать для тебя. Держи, – она протянула ему коричневый квадратный конверт, на котором было указано его имя. – Может, романтическое что-нибудь? Расскажешь потом, я уже ревную.

Она улыбнулась, ущипнула его за ухо и ушла, оставив наедине с тревожными взорами коллег. Дима, дождавшись, когда они отвернуться к своим мониторам и займутся делами, разорвал конверт. Внутри оказался сложенный в несколько раз обрывок туалетной бумаги. Развернув его, он увидел неровный текст, написанный толстым карандашом.

«Здравствуй, дорогой! – так начиналось послание. – Не буду описывать, каких трудов мне стоило отправить тебе это письмо. Скажу лишь, что, к счастью, есть на свете добрые люди, которые мне помогли и, надеюсь, помогут и тебе. Мне очень (слов нет как!) жаль, что мы не успели пообщаться с тобой до того, как меня схватили в банке. Проклинаю себя за то, что так долго ждала и была такой нерешительной. Ведь я знала, кто ты, а ты ещё не знал, кто я. Поэтому ни в чем не вини себя. Я хочу попросить тебя об одном – ни в коем случае не ищи меня, мне ты помочь не сможешь, а себя по-

губишь. Нет ничего страшного в том, что в этот раз у нас ничего не получилось, значит (я надеюсь и верю) получится в следующий раз. Береги себя и избегай Зоны! Мы встретимся, вспомним друг друга и будем вместе. P.S. Надеюсь, тебе понравился мой букет?)))».

Прочитав, Дима убрал записку в карман. Сначала он подумал, что это Марина разыгрывает его. Но он точно не рассказывал ей о том случае в банке. Единственным человеком, который знал об этой истории, был Василий. Аккуратно, чтобы не порвать, он вытащил из кармана письмо и ещё раз перечитал его, затем снова спрятал. Спустя полминуты опять достал и перечитал в третий раз. Упоминание о букете окончательно убедило Диму, что это дело рук Василия.

– Что ж, смешно, – сказал он вслух.

– О чём это вы, Дмитрий? – поинтересовалась Ерамида Бертольевна. – Вам понравилось содержание конверта?

– Да так, это я сам с собой. А в конверте ничего интересного.

– Ааа, – с недоверием протянула Аня.

С Василием он решил поговорить завтра, в бане. Выключив компьютер, он попрощался с коллегами и вышел на улицу. Письмо, написанное на клочке туалетной бумаги, хотя и было, скорее всего, шуткой, всё же расстроило его. Отчего-то ему становилось грустно всякий раз при воспоминании о той девушке из банка, как-то тревожно, и он постарался поскорее прогнать из головы все связанные с ней мысли.

Аня пришла на встречу с таким счастливым видом, как будто на собственную свадьбу, а между тем её ожидал всего лишь пунш, заказанный по её просьбе Димой. Они легко разговорились. Выпили много – она четыре пунша, он – пять больших коктейлей с колой, абсентом, виски, текилой, водкой и лунным ликёром. На определённом этапе, когда они здорово опьянели, до такой степени, что сидели уже вдвоём на одном сидении в обнимку и перемежали разговор поцелуями и сигаретами, было решено, что они поедут к ней в гости. Случилось это так:

– Ты хочешь ко мне в гости? – спросила Аня слегка неуверенно и поправила задрвшую юбку.

– Ещё бы! – ответил Дима, хотя на самом деле хотел ещё один коктейль, а потом уже может быть в гости.

Приехав к ней на такси, они продолжили пить – оказалось, что у Ани хорошие запасы разных напитков. Легли спать глубокой ночью, пьяные сверх всякой меры. А наутро Дима вспомнил, что они вроде бы долго и бестолково занимались любовью, пока не заснули обессиленные друг на друге. И вроде бы она при этом с удивительной настойчивостью уверяла его, что до него у неё было совсем мало мужчин.

– Как ты думаешь, сколько у меня было до тебя парней? – спросила она в какой-то момент.

Дима крепко задумался. Он даже предположить не мог, сколько. Надо ответить так, решил он, чтобы не обидеть её. Скажет, что много, обидится, скажет, что мало, тоже наверно

обидится.

– Семь, – наконец ответил он.

– Ты второй, – обижено произнесла Аня.

И объявила, что никого не любила до него. Дима не поверил ей, потому что она была не так уж и юна, и в лет семнадцать-восемнадцать вряд ли могла избежать той самой первой роковой влюблённости, которая часто оставляет у девушек неизгладимый отпечаток на всю жизнь. Проходят годы, сменяются мужчины, а первая любовь всё не забывается, остаётся самым романтическим переживанием в жизни и недостижимым идеалом. Диме редко приходилось оказываться в роли первой любви. В лучшем случае второй. Ведь что девушки обычно говорят – «дорогой, у меня до тебя был только один! Или максимум двое». И смотрят при этом так честно и искренне в глаза и тон необычайно убедительный. А в мобильном телефоне перечень из ста пятидесяти мужских имён. Он кивал, а сам думал про себя: «Ну-ну, если ты говоришь, что я у тебя третий, значит, не менее как сорок пятый». И часто в постели с девушкой он не мог отделаться от чувства, что они не одни, а кто-то ещё наблюдает за ними, стоит над душой и следит, всё ли правильно, всё ли как надо. Он долго не мог понять, в чём дело, пока она, с тоской и болью в глазах, не рассказывала ему о своём первом любимом мужчине.

О том, чтобы идти с утра на работу не могло быть и речи. Тем более Дима накануне договорился с Василием о по-

ходе в баню. Пока Аня, счастливая и улыбочивая, готовила завтрак, он переписывался с братом, уточняя время встречи. Было решено прийти в баню в полдень. За завтраком Аня предложила ему приезжать в гости, когда ему вздумается, он поблагодарил её за это предложение, пообещав, что обязательно им воспользуется.

Выйдя на улицу, он сразу понял, что до метро нужно добираться как можно быстрее. За ночь температура опустилась до минус двадцати. Таких сильных и внезапных перемен погоды на его памяти ещё не было. Хотя в последнее столетие климат Земли регулярно удивлял. То вдруг плюс тридцать среди зимы, то наводнение в пустыне, то засуха в Антарктике...

Мимо него пробежали синие прохожие на отмороженных ногах, казалось, они должны вот-вот разбиться на ледяные куски. Особенно страшно выглядели девушки – в коротких юбках, прозрачных колготках, курточках до пояса и с непокрытой головой. Злой старик в огромном ватнике остановил одну такую и заорал:

– Ты что, дура, посмотри на себя, оделась как блядь, а как же дети?

– От тебя что ли? – грубо ответила девушка и поскакала на шпильках дальше по льду.

В баню он приехал совершенно лиловый, с заочневшими конечностями и застывшими челюстями. В этот час, между двенадцатью и двумя, баня обычно пустела – те, кто лю-

бил утренний пар, уже собирались и уходили, а время тех, кто предпочитал париться днём, ещё не пришло. Дима эти два часа покоя, безмолвия и одиночества любил в бане больше всего. Из кабинок не доносятся матерные пьяные крики и грубый смех, соседей почти нет, в парилке никого.

Василий уже был в халате и мокрый после душа. Они поздоровались и Дима стал раздеваться.

– Со мной тут забавный случай приключился на работе, – сказал он как бы между делом. – Это не ты случайно пошутил?

– А что такое?

Дима вытащил из кармана джинсов вчерашнюю записку и молча протянул её брату:

– Никому, кроме тебя, я не рассказывал обо всем этом. Про букет, про мои галлюцинации с похищением девушки в Банке реинкарнаций.

– Нет, – ответил Василий, дочитав письмо. – Это не я.

Дима внимательно посмотрел на него, сомневаясь, правду ли он говорит или нет. Видимо, брат не обманывал.

– И что мне теперь думать? – спросил Дима, устало усевшись на диван. – Эта история а Банке была на самом деле и девушка существует?

– Ну а почему бы тебе так не думать? Это же лучше, чем считать, что у тебя наяву галлюцинации. Так ты хотя бы уверен, что видишь своими глазами то, что существует на самом деле.

– А дальше что? Допустим она существует и это она прислала мне письмо... Что я должен с этим делать?

– Откуда мне знать? Делай то, что хочешь.

Да-да, – подумал Дима, – всё верно, только вот совершенно непонятно, чего я хочу. Во всяком случае точно не хочу проблем и сложностей. Единственный viable выход из сложившейся ситуации – это ничего не делать и постараться выбросить все из головы. Тем более, непонятно, что он мог теперь сделать, если бы и захотел. В Банке никто ничего не видел, информация о его прошлой жизни закрыта, все пути отрезаны... Да и Велемир Адроныч не советовал в Банк соваться...

– Кстати, я тут разузнал про массаж, – вдруг сказал Василий. – Чудесная девушка делает, профессионалка. Очень рекомендую. Голова мигом просветлеет, развеешься.

Мысль показалась Диме привлекательной. В самом деле, хотелось расслабиться и забыться. Сходя в парилку, он охладился под душем и направился в массажный кабинет.

Перед тем как войти, он постучал в дверь. Он опасался, что внутри уже есть клиент, которому делают массаж, и тот очевидно будет смущён, если кто-то внезапно появится. Тем более, он не знал, какого рода массажи бывают в этой бане – кто знает, может, классический, а может, эротический. «Да-да, входите», – раздался женский голос.

Дима зашёл в полутёмную комнату, другого клиента, к счастью, не было. Маленькая массажистка в белом халатике

предупредительно отвернулась и принялась что-то перебирать на столике:

– Ложитесь.

Дима сбросил халат на стул, немного стесняясь того обстоятельства, что сейчас окажется совершенно голым перед незнакомой женщиной, и торопливо лёг животом на массажное ложе.

– Какой массаж будем делать? – спросила она, встав над ним.

Он ответил не сразу. Многие варианты промелькнули в его голове, но он не был уверен, что их стоит озвучивать.

– Обычный какой-нибудь, – сказал, наконец, он. – Я не очень разбираюсь в массажах.

Массажистка вздохнула и приступила к работе. Повеяло сладким ароматом масла, которое она старательно втирала ему в спину. Массаж был лёгким и безболезненным, поэтому Дима вскоре почувствовал приятнее расслабление. Волновавшие его весь день мысли быстро исчезли, как и обещал Василий, уступив место покою и единственному желанию – чтобы это действие продолжалось как можно дольше.

– Переворачивайтесь, – сказала она, завершив со ступнями.

Перевернувшись, Дима увидел над собой Марину.

– Ой, – испуганно прошептал он, – ты что здесь делаешь?

– Массаж.

– Массаж?

– Да, массаж.

– Очень интересно, – он приподнялся на локте, – и какие массажи ты тут делаешь?

– Всякие. Какие захотят.

– Какие захотят?

– Да. Какие захотят. – Марина усмехнулась. – Ты что, ревнуешь?

– Нет. Просто интересно. А дедушка твой в курсе?

– В смысле?

– Ну, чем ты тут занимаешься.

– Конечно. Я и дедушке часто делаю. Ляг нормально.

Пока он некоторое время молча раздумывал, какие странные бывают совпадения, она продолжала массаж.

– Кстати, я вот что спросить хотел, – сказал он, собравшись с мыслями, – помнишь ты мне вчера записку принесла на клочке туалетной бумаги? Это ты написала?

– Нет, конечно.

– Не врешь?

– Я вообще не вру. Это ты у нас спец по вранью, а я нет. Я тот конверт даже не открывала.

– Ну а кто тебе его дал?

– Никто. Я же говорила, под дверью нашла. А что, там непристойное предложение? – она усмехнулась.

– Неважно...

Вернувшись в кабинку, Дима устало повалился на диван. Василий читал какую-то газету.

– Ну как? – спросил он. – Сделали тебе массаж? Понравилось?

– Ну типа того. Неплохо, – он решил не рассказывать брату, что близко знаком с массажисткой.

Из бани он направился на запланированное свидание с Катей. Они договорились встретиться в кафе «На краю мира» рядом с местом его работы. Кафе выбрала она, сказав, что там готовят самый божественный абсент на свете. Он не мог понять, как абсент в принципе может быть божественным, ему казалось, что всякий абсент невкусный и одинаковый, но, возможно, она была более тонким специалистом, чем он. Он вообще не считал себя знатоком по части алкогольных напитков.

Роковое свидание и остров Истины

Место для встречи, выбранное Катьей, смутило его своим расположением – он боялся, что кто-нибудь из коллег может случайно оказаться в том же кафе. А он не был сегодня на работе, сославшись на плохое самочувствие. Вот бы они удивились наверно, увидев его за абсентом.

Пока он ехал в метро, пришло сообщение от Ани. «Привет, дорогой! – писала она. – Как себя чувствуешь после вчерашнего? Хочешь я приеду и позабочусь о тебе?» «Спасибо, дорогая, – ответил он. – Не надо, я лучше посплю, тошнит весь день».

Кафе приютилось на темной старой улочке, завешенной густыми ветвями мокрых клёнов, в одном из невысоких старинных домов. Катя уже ждала его. Официант плавил сахар на столике перед ней. Не успел Дима опуститься на стул, как она спросила:

- Будешь вдыхать пары?
- В смысле?
- Пары абсента.

Официант вопросительно посмотрел на него, ожидая решения. Дима замешкался. Сколько лет пил он абсент и ещё ни разу ему не предлагали вдыхать пары. Он даже никогда не видел, как это бывает.

- Честно говоря, – с сомнением произнёс он, – я всегда

раньше просто так пил абсент, ничего не вдыхая.

– Ну и дурак! Это полный бред – пить абсент и не вдыхать пары! Считай, что ты и не пил никогда абсент.

– Ну ладно, буду, – согласился он, не желая выглядеть дураком.

Официант наполнил парами горящего абсента большой бокал, потом поставил его раструбом на скатерть, прижав трубочку для питья.

– Давай, – сказала Катя.

Дима приложился губами к трубочке и глубоко вдохнул тошнотворную смесь газов. Лицо перекосило, и он сдержанно кивнул, как бы давая понять, что ему нормально. Катя вдыхать пары отказалась. Потом они выпили и закусили мясным ассорти. Официант немедленно принялся готовить следующую порцию абсента.

Настроение резко поднялось, и Дима почувствовал, что хочет поделиться с Катей чем-нибудь личным. Он рассказал ей в комических тонах историю с букетом, о своих посещениях Банка реинкарнаций, о таблетках, предложенных её мужем (на этом месте он сделал акцент, проверяя её реакцию при упоминании Ярика), о своих видениях во сне и наяву. Катя от души смеялась. После четвертой или пятой рюмки он сменил тему:

– А Ярик ведь работает в Зоне Правды?

– Ну да, – всё ещё смеясь, ответила она.

– И что он там делает?

– Ой, не знаю. Мы о работе не говорим.

– А о чём вы говорите?

– Только о сексе.

Дима растерялся, но продолжил:

– А ты была там?

– Ну так, проезжала по территории. Если ты про всякие там курсы реабилитации, то нет, я не проходила их.

– А Ярик проходил, да?

– У него и спроси, – Катя перестала улыбаться. – Я же сказала, мы о работе не говорим.

– Ммм, ясно. И всё-таки, почему ты встречаешься со мной? Не боишься, что муж узнает?

– Это моё личное дело. И вообще, тебе что-то не нравится? Ты против?

– Да нет, не против...

– Ну тогда закроем эту тему. И про Зону я тоже говорить не хочу. Понятно?

– Хорошо... Только последний вопрос, извини. Ты бы хотела там работать?

– Не знаю... А почему тебя всё это интересует?

– Ну, Ярик предлагал мне там работу.

– Ооо! – Катя явно удивилась. – Надо же... Это крутой шанс. Многие хотели бы. Отличные деньги, свободный график, всякое там бесплатное обслуживание и контракт на три года. Мне вот он не предлагал.

– Но там же людей делают другими, меняют личность!

– Я не знаю, конечно, но мне кажется это всё предрассудки. Я думаю, там не другими делают, а просто делают лучше. Ну, наверно учат духовным упражнениям в стиле античной философии, медитациям всяким, самосовершенствованию. Убирают всё лишнее, материальные привязанности, воспитывая волю и нравственное самосознание, заставляют увидеть подлинную суть вещей, обрести гармонию с миром, ну, не знаю как ещё сказать, формируют что ли верное понимание себя и других, и правильное представление о подлинных ценностях... В общем, я не знаю.

Дима никак не ожидал услышать от неё такую речь. Не то чтобы он раньше считал Катю дурой, но что-то его удивило в её словах.

– Надо же, – сказал он, одновременно подзывая жестом официанта, – а я думал, всё проще – там из лживого человека делают человека правдивого.

– Это, мне кажется, то же самое, – вытянув правую руку на столе, она устало положила на неё голову. Он понял, что она сильно захмелела.

– Давай не будем об этом, – сказала она сонно. – Мне мужа хватает с его рассуждениями. У тебя телефон мигает.

В самом деле, на его телефон, работающий в беззвучном режиме, пришла sms-ка. Он забыл перевернуть его экраном вниз, как делал это обычно, встречаясь с девушками. «Ты где?» – прочитал он сообщение от Ани. «Дома», – быстро напечатал он ответ.

– Дела? – спросила Катя.

– Ага. По работе.

Она почему-то расхохоталась и предложила ещё выпить.

Дима и не заметил, как за окном стемнело. Кафе наполнилось людьми и шумом, за черным пианино в углу появился какой-то старик и начал играть. В его музыке ему слышался бой волн, крики чаек и свист ветра в снастях, хотя он не мог поручиться, что когда-нибудь слышал, как ветер свистит в снастях, и не был уверен, свистит ли он вообще.

– Исполни песню ветра, старик, – тихо сказал он. В отворившуюся дверь с улицы повеяло сыростью и холодом, кто-то вошёл в кафе. Сильный порыв ветра разметал волосы по лицу, солёные брызги ударили в глаза. Вал за валом волны накатывались на нос корабля, вздымая его и вырывая скрипучие стоны из палубы. За пенными гребнями в ночной мгле не было видно маяка, и он забеспокоился, не сбились ли они с курса.

– Эй, на мачте, видно что!?! – крикнул он, подняв голову к чёрной воронке неба.

– Что? – спросила Катя. – Ты что орёшь?

– А? – очнулся Дима. – Это я официанта звал... Всё в порядке.

К столику кто-то подошёл и остановился над ними. Дима решил, что это официант и сказал, не глядя на него:

– Ещё две и наверно уже счёт.

В ответ его наотмашь звонко ударили по лицу. В глубокой

растерянности он приложил руку к щеке и поднял глаза на осатаневшего официанта – но никакого официанта там не было, а перед ним стояла раскрасневшаяся заплаканная Аня.

– Подонок! – сказала она и замахнулась ещё раз, но он успел уклониться.

Катя встала, весело сообщила, что не будет им мешать и нетвёрдой походкой направилась к выходу. Официант подхватил её под локоть и услужливо проводил к выходу.

– Ты никогда не думал, что своей ложью можешь делать очень больно другим? – спросила Аня, по-прежнему стоя перед ним.

– Думал, – признался он. – Абсент будешь?

Аня хотела ещё что-то сказать, дёрнула головой, встряхнула руками (Дима заметил, как сильно дрожат её пальцы), но видимо не нашла подходящих слов и пошла прочь.

– Заказ прежний? – спросил официант.

– Да, две, и счёт пока не нужен.

Оставшись в кафе наедине с самим собой, он наконец смог предаться своим мыслям. Точнее, то, что происходило у него в голове, походило не столько на мысли, сколько на бесформенное сочетание ощущений, воспоминаний, желаний, сожалений и планов. И нельзя сказать, что он совсем уж остался наедине с самим собой, потому что вступил в плотную sms-переписку. Писал он всем подряд, с кем был достаточно близко знаком. За перепиской и абсентом время летело незаметно, и в какой-то момент он потерял память. По

всей видимости, он ещё долго просидел в кафе и много выпил, но происходящее вокруг, минуя сознание, сразу падало в пропасть бессознательного, и никаких свидетельств об этих нескольких часах его жизни не сохранилось. В сознание он вернулся только поздно ночью – он обнаружил себя дома, на кухне, сидящим за столом в одежде, с сигаретой и телефоном в руках. Затушив сигарету, он разделся и лёг спать.

Ночь выдалась непривычно чёрная, за окном не было видно неба, настолько оно сливалось с мраком в комнате, не было видно даже окна, и он не смог бы понять, открыты у него глаза или закрыты, и не ослеп ли он вообще, если бы не красные точки фонарей на крышах высоких домов. Он слышал, будто эти фонари нужны для пилотов самолётов, чтобы те не врезались в дом, но не верил в это, потому что никогда ни один самолёт здесь не пролетал, тем более так низко. Завернувшись в одеяло, он размышлял в полусне о смысле этих фонарей, пока, наконец, не понял со всей отчётливостью и ясностью, в чём же дело.

– Маяк! Маяк! – закричал он.

В самом деле, ошибки быть не могло – пятно красного цвета, размазанное влажным воздухом, вздымалось и опускалось впереди в ритм хода корабля по волнам. Его крик услышали матросы и, не дожидаясь специальной команды, быстро полезли по вантам спускать паруса. Ночь была настолько темной, что очертаний острова не было видно, но

Дима помнил, как тот выглядит. Скалистая глыба без травы и деревьев, без зверей, птиц и насекомых, и без солнца, потому что всегда над островом нависал сплошной серый покров из туч. Рассказывали, что раньше, очень давно, остров был зелёным, и птичье пение звенело на нем день и ночь. Звери сновали туда-сюда, птицы порхали в ветвях, и дремучие леса окутывали весь остров. Куда и почему пропали все животные и растения, никто не знал, хотя была одна наиболее распространённая версия. Считалось, что доверчивых зверей и птиц съели узники Замка, подманивая их сладкими обещаниями к окнам тюремных камер. И всех насекомых тоже будто бы они съели. А деревья умерли сами, потому что без пения птиц и насекомых в коре их существование потеряло смысл. Затем волны смыли землю, обнажив каменный скелет острова. С тех пор на острове слышен лишь плач прибоев в скалах, и пение узников в унисон с ним.

Самое сложное в ситуации, когда корабль прыгает на волнах, взлетает, а потом падает, и при этом раскачивается и пытается встать боком к ветру – это спускать шлюпку. А ещё сложнее – потом на этой шлюпке подойти к берегу и не быть разбитым волнами о скалы. Но выхода не было, и едва шлюпку спустили под крики тех матросов, которым она переломала пальцы, в неё быстро сползли по канатам гребцы и принялись отчаянно грести на свет маяка. Дима тоже занял место гребца и что есть сил, задавая такт другим, налёг на весла.

Им удалось не врезаться в нагромождения острых камней

и подойти к берегу в таком месте, где он был относительно пологий. Шлюпку вышвырнуло прибоем и перевернуло, гребцы чудом не пострадали, потому что успели выпрыгнуть из неё в прибрежную воду. Никто серьёзно не покалечился, хотя многие получили сильные ушибы. Лодка, к счастью, тоже осталась цела. Двоих матросов Дима оставил её охранять.

Отсюда до замка было рукой подать, меньше мили, но идти предстояло в почти непроглядной темноте. Стража наверняка никак не ожидала гостей в такую ненастную ночь, и, скорее всего, ворота и стены не охранялись.

Стены были не слишком высокие, метров шесть грубой каменной кладки, и после нескольких неудачных попыток им удалось забросить крюк так, чтобы зацепить его за выступ зубца. Проверив надёжность крепления, они по очереди полезли по канату наверх, упираясь ногами в торчащие из стен булыжники. Двое остались внизу на тот случай, если стража вздумает совершить обход стен замка. Ветер раскачивал Диму во время подъёма, раздувал одежду и угрожал сбросить, подошвы плохо цеплялись за скользкие от дождя и плесени камни, но он справился. Оказавшись наверху, он осмотрелся. Двор был пустой. Как он и ожидал, вся стража пряталась от непогоды в пристройке у башни, вероятно, они там пили какой-нибудь глинтвейн и играли в карты, ничего не опасаясь. Это было ему на руку. С ним оставались трое, опытные головорезы, вооружённые абордажными крюками, арбалетами и ножами. Если действовать быстро и внезапно,

то стража вряд ли успеет что-то предпринять. Но всё равно нужна была осторожность. Дело в том, что стражников для Замка отбирали из бывших агриокских рыбаков – самых отчаянных из них, тех, кого приговорили к смертной казни за совершенные ими преступления. В общем, это были убийцы и маньяки, которым предоставили выбор: топор палача либо вечная работа стражника на Острове Правды. Наиболее порядочные из них предпочли первое и окропили своей кровью городскую площадь, расставшись с головами. Самые конченные же подонки без страха и упрёка, грезившие насилием, пытками и убийствами, не боящиеся ничего и никого, кроме друг друга, согласились на эту работу. Поэтому Дима не мог допустить оплошности – одна ошибка, неосторожность, и их прикончат в этих мрачных стенах.

В маленьком окошке пристройки горел огонь – слабый жёлтый свет едва пробивался сквозь порывы ветра с дождём, бросающего во двор густые горсти воды. Дима и его люди прокрались (хотя можно было в принципе особо не прятаться и громко петь, потому что гул моря заглушал все остальные звуки) к двери пристройки и встали по бокам от неё. По его команде они резко ворвались внутрь с арбалетами наперевес. За столом посреди комнаты сидели человек десять-двенадцать и что-то пили из больших глиняных кружек. Всё их оружие было составлено в углу у выхода. Увидев гостей, они замолчали и прекратили пить, ожидая, что будет дальше.

– Всем сидеть, – сказал Дима. – Я ищу женщину, она здесь заточена. Где она?

Они промолчали. Дима кивнул одному из спутников, и тот разрядил арбалет в грудь ближайшему стражнику. Болт пригвоздил его к стене.

– Там, – прохрипел другой, видимо, начальник стражи, – в башне на втором этаже, в камере справа. Найдёте. Это единственная камера без надписи.

– Ключи?

Начальник отцепил от пояса связку на большом железном кольце и бросил Диме. Своих людей с арбалетами Дима оставил в пристройке, чтобы они следили за стражей, а сам, прихватив факел, быстро направился к башне.

Тяжёлые железные створы ворот поддались с трудом, наверно их обычно открывали как минимум вдвоём. А может, вообще давно не открывали – ходили слухи, что узникам передавали еду через окна, а чаще всего стража забирала всё себе и узники питались неизвестно чем. Наверх вела узкая тёмная винтовая лестница, факелы, закреплённые вдоль стен, явно не горели уже много дней. Тихо было в башне, с трудом верилось, что здесь могут находиться люди. Углы покрылись паутиной, на ступеньках валялся всякий мусор – чей-то ржавый шлем, разбитое ведро, гниющие штаны. Добравшись до лестничного пролёта, он свернул в коридор, кругом огибающий лестницу. На первой двери висела старая потемневшая табличка – приблизив огонь, он су-

мел прочитать надпись на ней: «Бартоломей, нераскаившийся лжец». В камере не раздавалось ни звука. Дима решил пока не возиться с ржавым замком, а сначала найти главную цель своего визита. Потом уже он, конечно, выпустит всех пленников. На следующей двери тоже имелась табличка, на которой значилось: «Миранда, любовница лжеца». У третьей двери он застыл, поражённый увиденным. Табличка гласила: «Дождь, самый первый из лжецов». Может ли быть такое совпадение, – подумал он, – неужели здесь, в этой юдоли скорби на краю мира, он нашёл своего редкого однофамильца? Рука потянулась к засову, вросшему ржавчиной в железную дверь, но, одумавшись, он остановился. Не сейчас, – решил он, оправдывая своё сомнение, – сначала нужно сделать главное. Да и что он найдёт там, за этой дверью? Наверняка судя по ржавчине на засове, камеру очень давно не открывали и в живых там никого не осталось.

На четвертой двери таблички не было. Дверь поддалась сразу и петли пронзительно закричали. Из темницы на него повеяло сыростью и холодом. Руки затряслись и сердце забилось чаще в пугающем предчувствии. Сделав два неровных шага, он увидел в дрожащем свете факела железный стул посреди комнаты. На нем, спиной к выходу, сидела девушка с густыми спутанными волосами, ниспадающими на грубое выцветшее платье. Острая боль в груди уколола его так сильно и глубоко, что он согнулся и на мгновение перестал дышать. Справившись с собой, он тихо позвал её.

Она не ответила и даже не пошевелилась. Обойдя стул, он встретился с ней глазами. Закинув голову, она задумчиво смотрела куда-то сквозь него, туда, где маленькое окошко в толстой стене выходило на хмурое дождливое небо. В сложенных на коленях руках она держала маленький обломок штукатурки с нацарапанными на нем словами. Он осторожно забрал его из её окоченевших рук и прочитал аккуратную, видимо долго и тщательно деланную надпись: «Мы встретимся снова и снова». Дима спрятал камень в карман и осторожно взял девушку на руки. Она стала совсем маленькой и худой, так сильно усохло её тело.

– Я пришёл, – пробормотал он. – Прости, что опоздал. Прости...

Он почувствовал, как слезы наполняют глаза. Башня вдруг наполнилась резким шумом, как будто разом открылись все двери темниц и узники, гремя цепями, вышли из них. Так почти и было, двери открывались, но выходили не узники, а совсем другие люди. Дима сразу понял, в чём дело, но даже не обернулся, теперь ему было всё равно, что случится. Он лишь сильнее прижал к себе её тело.

– Рад нашей встрече, Дождь, – раздался знакомый голос за его спиной. – А мы тебя здесь ждали. Бедные рыболовы, зачем ты привёл их сюда? Здесь они нашли свою смерть. И ты, как всегда, найдёшь свою. Если, конечно, не сделаешь правильный выбор!

Новая жизнь

Детали сна быстро улетучивались, как ни пытался он ухватить их своими мыслями, тем более мысли не хотели цепляться за эти детали и сами разлетелись в разных направлениях, не имеющих отношения ко сну. Сделав несколько безуспешных попыток вспомнить увиденное, он поднялся с кровати. Он приготовил не крепкий кофе и сел за стол на кухне. Серый дождливый свет из окна придавал всем вещам какой-то нереальный вид, как будто они не существовали, а только казались ему, причём казались сомнительными. И сам он в этом свете вдруг показался себе каким-то нереальным – во всяком случае по сравнению с тем, каким он был во сне.

На работе, к его облегчению, Ани не было. Она сослалась на сильную простуду и не пришла, пообещав принести больничный. Ерамида Бертольевна и Ильдораса Мариановна встретили его непривычно сухо, даже не предложив выпить чаю или кофе. Он сел за свой компьютер, включил его, и отчётливо понял, что работать не собирается. Всё здесь казалось ему чужим, далёким и лишённым смысла, как будто он вдруг оказался на другой планете среди существ, не имеющих ничего общего с землянами и их культурой. Он просидел так за компьютером около часа, автоматически делая что-то в интернете – открывая и закрывая какие-то страни-

цы, прочитывая случайные новости, заглядывая в почту, за-
чем-то изучая и меня программные настройки, в общем, за-
нимался тем, что называется «потупить за компом». За этим
делом удивительно быстро пролетает время, но при этом оно
почему-то выматывает, вытягивает жизненные соки.

В кабинете зазвонил телефон, Ильдораса Мариановна от-
ветила.

– Да. Он здесь, – сказала она в трубку, холодно посмотрев
на Дмитрия. – Передам.

– Дима, вас начальник просил зайти, – положив трубку,
сообщила она.

Предчувствуя тему разговора, он с полным равнодушием
направился в кабинет Горация.

Гораций сидел за столом и что-то изучал в мониторе, чуть
подавшись к нему телом и возя по столу мышкой. Не взгля-
нув на вошедшего Диму, он обычным деловым тоном пред-
ложил ему сесть. Ещё несколько секунд он глядел в монитор.

– Ты наверно, догадываешься, почему я тебя вызвал, – на-
конец сказал он, посмотрев на Диму.

– В общих чертах.

– Мне сообщили достоверные источники, что ты вместо
работы пьянствовал вчера в каком-то баре. А сказал, что бо-
леешь.

Дима промолчал. Тут сложно было что-то с ходу соврать,
вряд ли сработало бы.

– А ещё мне рассказали, что про жену – это неправда.

Гораций сделал паузу, ожидая объяснений. Когда их не последовало, он продолжил:

– В общем, ты должен написать заявление об увольнении. С завтрашнего дня. Можешь идти.

Дима поднялся, попрощался и вышел. Увольнение несколько не расстроило его. Скорее наоборот – он испытал большое облегчение. Теперь он не сомневался, что должен делать дальше.

Он набрал номер Ярополка, тот ответил сразу:

– Привет. А я как раз собирался тебе позвонить, хотел встретиться.

– Твоё предложение ещё в силе?

– О работе на Зоне?

– Да. Я увольняюсь со своей работы. Надоело мне тут.

– Да, место свободное есть. Сейчас сможешь подъехать? Я тебе адрес sms-кой скину.

– Могу. Жду sms. Спасибо.

Домой Дима решил не заезжать, а сразу отправиться в Зону, встретиться с Яриком, оформить все документы, и потом уже вернуться в квартиру и собрать необходимые вещи.

Он зашёл в отдел кадров и написал заявление об увольнении. Прощаться с девчонками, как он называл про себя Ерамиду Бертольевну и Ильдорасу Мариановну, ему не хотелось и он сразу направился к метро. Настроение было приподнятое, он радовался, что освободился, наконец, от утомительных и неприятных обязанностей, и получил шанс начать всё

с самого начала.

На станции «Зона Правды» он не был, кажется, никогда. Он не помнил ни этих безлюдных улиц, ни домов, ни высокой, в три-четыре человеческих роста гладкой стены с колючей проволокой наверху. Проволока придавала Зоне зловещий вид, и он даже на секунду засомневался, стоит ли попадать на ту сторону.

Пройдя около километра вдоль стены, он так и не обнаружил входа. Дождь лил безостановочно, ветер нёсся навстречу, бросая в лицо острые брызги. Наконец, полностью промокнув, он остановился и достал телефон.

– Привет, Ярик. Я уже полчаса хожу вдоль этой долбанной стены и никак не могу найти входа.

– А от метро направо или налево пошёл?

– Направо.

– А надо налево. Там два шага – дойдёшь до шлагбаума, скажешь, что тебя ждут.

Спрятав телефон, Дима двинулся в обратном направлении. Вот так всегда, подумал он, каждый раз я долго иду в неправильную сторону вместо того, чтобы сразу узнать, какая сторона правильная.

По пути ему не встретился ни один пешеход и не проехала ни одна машина – так пустынно было в этом районе, несмотря на большие жилые дома. Присмотревшись к домам, он заметил, что стекла во многих окнах выбиты и нигде не горит свет – они были заброшены. Проход со шлагбаумом, в самом

деле, располагался чуть левее от метро, будь он внимательнее, он бы сразу его увидел. Двое охранников в бронежилетах и с автоматами болтали на входе.

– Здравствуйте, – сказал Дима. – Меня ждут.

– Кто тебя ждёт? – оглядев Диму сверху вниз, спросил один из охранников.

– Ярослав Ламирович Штормсельц...

– Первый раз слышу. Пропуск выписан?

– Не знаю...

– Тогда проход закрыт.

Дима не удивился, это было вполне ожидаемо от Ярика. Тот и в прежние времена пытался делать вид, что он очень значимый и важный человек. Много лет назад Ярик работал в какой-то секте, члены которой верили в возможность прекращения цепи перерождений. Он там был то ли певчим, то ли пекарем, то ли писарем, то ли печником, в общем, кем-то на «п». Однажды он пригласил Диму приехать к нему на работу.

– На вахте скажешь, что ко мне, тебя сразу пропустят, – важно сказал он.

Дима приехал, охрана, естественно, его остановила и стала спрашивать, кто он и к кому, и есть ли у него пропуск.

– Я к Ярославу Ламиренычу, – ответил Дима, наивно полагая, что этими двумя словами произведёт впечатление и его немедленно впустят.

– Не знаем такого хрена... – ответили ему. – Да и в любом

случае без пропуска никак.

В конце концов, Ярику пришлось прийти за ним и самому оформлять Диме пропуск. Увидев его, охранники засмеялись:

– Да что же ты сразу не сказал, что к Носатому пришёл? А то Ярослава Ламиреныча какого-то выдумал...

Вот и сейчас повторялась та же самая история. Дима снова позвонил Ярику, но тот не ответил. Минут десять-пятнадцать он звонил и звонил, стоя под дождём перед равнодушными охранниками в непромокаемых плащах, которые время от времени поглядывали на него – не делает ли он чего подозрительного. Спустя полчаса Ярик ответил.

– Извини, занят был. Ну, ты где?

– Стою у входа меня, не пускают.

– Сейчас, жди.

Ещё через полчаса Ярик принёс пропуск. Дима к этому моменту уже пожалел, что дал согласие на работу в Зоне Правды и успел пообещать самому себе, что если через пять минут тот не явится, то он уйдёт отсюда.

Территория Зоны была огромной. Они шли и шли по пустынным улицам мимо покинутых обветшалых домов с выбитыми стёклами и черными провалами подъездов. Асфальт под ногами потрескался и пророс травой, вдоль дороги стояли сломанные скамьи, попадались детские городки, в которых наверно не было детей уже много лет. Можно было подумать, что здесь люди проиграли войну пришельцам и те,

победив, улетели, потому что всё это хозяйство оказалось им ни к чему. Вот и качели, с облупившейся краской, ржавые, но ещё целые – символ постапокалиптического детства. В рекламе Зону Правды показывали совсем не так – на экранах она выглядела городком, в котором кипит жизнь и повсюду цветы и улыбки.

– Это всё служебные помещения, – словно отвечая на его мысли, сказал Ярик. – Ангары, склады, офисы и всё такое. Окраина. Ну, или Пограничная Зона. В центре всё иначе. А вообще, большая часть территории Зоны сосредоточена под землёй – там всё оборудовано по последнему слову техники, миллиарды вложены.

– А куда мы идём? – спросил Дима, едва поспевая за Яриком.

– В мой офис. Я руководитель отдела по работе с кадрами и контролю жизнедеятельности резидентов Зоны. Сейчас оформим кое-какие документы, объясню твои обязанности, в общем, соблюдём разные формальности.

Вскоре пейзаж действительно изменился. На улицах появились люди, дороги стали хорошими, дома новыми, повсюду замелькали огромные плазменные экраны с красочной рекламой. Прохожие были с удивительно светлыми и яркими лицами, не такие как в городе, откуда он прибыл – усталые и мрачные. Улицы не пустовали, но и не то чтобы прямо кишели людьми – заторов и пробок не наблюдалось. Машин почти не было, только изредка проезжали служебные

автомобили с логотипом Зоны на капоте и дверях. В пределах видимости находилось не более сорока-пятидесяти человек, несмотря на конец рабочего дня, в то время как в городе под вечер улицы заполняли десятки миллионов. Там светофоры и специально обученные полицейские регулировали движение масс пешеходов, и иной раз приходилось по часу, а то и больше ждать на перекрёстке, пока дадут сигнал, разрешающий переход дороги. О том, чтобы спуститься в метро меньше чем за полчаса не могло быть и речи, а попасть с третьего раз в вагон считалось большой удачей. Тем, кто из непонятого упрямства перемещался на машинах приходилось ещё хуже – было экспериментально доказано, что инвалид из дома престарелых, разбитый церебральным параличом, быстрее пересекал весь город из крайней северной точки до крайней южной, чем опытный водитель на спортивном болиде. На Зоне же в часы пик таких проблем явно не было. Приятное впечатление на Диму произвели чистота и порядок, множество цветов на тротуарах. У проходящих мимо обитателей Зоны он заметил бейджи на левой стороне груди: у кого-то они были синие, у кого-то красные, у кого-то зелёные, а один раз попался розовый. Человек с розовым бейджем имел такой беззаботный вид, как будто его не касались ни тревоги, ни сомнения, ни переживания – он шёл себе и шёл, весь в покое и безмятежности.

– Шею себе не сверни, – сказал Диме Ярик. – Это один из розовых. Редко кому удаётся.

Диме ничего не понял из его объяснения, но не стал спрашивать.

– Мы пришли, – Ярик остановился у дверей многоэтажного дома, напоминающего типичные современные офисные здания: много стекла, чёрной стали и элементов готики – горгульи и химеры в самых неожиданных местах, вимперги и архивольты над окнами и входом.

В просторном холле их с улыбкой встретила симпатичная девушка, Ярик сдержанно кивнул ей, направляясь к лифтам. Дима успел два раза оглянуться на неё, споткнулся и чуть не упал. Ярик неодобрительно покачал головой:

– У нас тут не принято на девушек пялиться.

Лифт быстро помчался вниз, у Димы появилось чувство, будто его тело стало легче и он вот-вот взлетит над полом. Спустя несколько секунд двери раскрылись и они вышли в светлый коридор с рядом глухих дверей по сторонам. На дверях были таблички с любопытными надписями: «Односторонний вход», «Лаборатория духовных упражнений», «Приём тел».

– Сюда, – Ярик отворил одну из дверей, на которой значилось привычное «Отдел кадров».

В кабинете у Ярика из мебели были только стол, кресло, несколько стульев и металлический глухой шкаф. На длинном столе располагались два огромных монитора, наверно с диагональю тридцать дюймов, если не больше.

Пока Дима сидел на стуле и оглядывался по сторонам,

испытывая почему-то неловкость, Ярик распечатывал на принтере какие-то документы. Вообще Дима всегда ощущал неловкость, когда устраивался на новую работу или оказывался наедине с вышестоящими по служебной лестнице лицами. Непонятно, что именно его смущало, то ли какое-то ограничение свободы, то ли искусственная дистанция, создаваемая различием в положении, но неизменно ему становилось дискомфортно и неприятно. И Ярик, как назло, видимо, чувствуя его состояние, стал улыбаться как-то по-другому, отстранено и свысока. Хотя, может, это просто мнительность разыгралась, – подумал Дима, – и просто он, оказавшись в ситуации подчинённого, теперь иначе воспринимал поведение Ярика, а на самом деле оно оставалось прежним.

– Держи, – Ярик протянул ему стопку бумаг. – Нужно заполнить анкету, договор и поставить подписи везде, где требуется. А я пока отойду – куча дел. Если чего непонятно, не заполняй, вернусь, объясню.

Анкета содержала большой перечень пунктов. Помимо обычных вопросов о предыдущих местах работы, образовании, семейном положении, дате рождения и прочих формальностях встречались и совсем странные, например: «На чьей стороне вы принимали участие в Войне за тёмную сторону Луны?», «Как часто вы лжёте?», «Оцените вред, нанесённый людям вашими обманами (по десятибалльной шкале)», «Верите ли вы в возможность прерывания цепи перерождений?» «Укажите все известные вам ваши предыдущие

воплощения», «Продолжали ли вы в этой жизни романтические отношения со своими избранниками/избранницами из прошлых жизней?»

Заполнив анкету, Дима приступил к договору. В самом начале первой страницы стояло крупное число – это была его новая зарплата. Он даже невольно сказал «Ого!» и вытаращил глаза, сообразив, что новая зарплата превышает старую раз в пятнадцать. А ниже следовали различные условия договора, которые ему уже совсем не нравились. Больше всего его смутило требование проходить терапию исправления от потребности лгать и обязательство не покидать пределы Зоны Правды без особого разрешения в течение трёх лет с момента подписания договора.

Второе требование, после недолгого размышления, показалось Диме не таким уж и страшным, наоборот, он нашёл в нем определённые плюсы. Всё-таки жизнь за пределами Зоны подвергала его серьёзным испытаниям и искушениям, слишком много времени он тратил там на всякую чепуху, которая вредила ему и физически, и морально. И может эти три года без возможности делать всё, что ему захочется, он будет отдавать своё свободное время тому, что действительно для него полезно. Во-вторых, он вряд ли сумеет в переделах Зоны истратить те деньги, которые зарабатывает, и через три года накопит такую приличную сумму, что сможет потом больше вообще не работать, а жить на проценты с банковского счета. Только вот как быть с оставленной квартирой?

Ну, наверно, – решил он, – Ярик разрешит ему заехать туда перед окончательным переселением в Зону. Да и вообще вряд ли всё так буквально соблюдается, как это написано в договоре.

А вот для первого требования он не находил никакого оправдания. Что с ним станет за время этой терапии? Вдруг его так переделают, что ему уже и банковский счёт не нужен будет? Но в глубине души он осознавал, что подпишет договор – слишком высока была ставка.

Последний перед местом для подписи пункт гласил: «Согласен подчиняться правилам поведения, действующим на территории Зоны. С последствиями нарушения ознакомлен». Дима поставил подпись и отодвинул бумаги.

Вернулся Ярик и добродушно спросил:

– Ну как? Всё нормально?

– Вроде да. Только вот вопрос – когда мне переселятся в Зону?

– В Договоре же сказано – с момента подписания Договора. Ты его подписал?

– Да, но я думал это формальность...

– Нет, здесь нет никаких формальностей! Поздравляю! – весело воскликнул Ярик. – Значит, ты уже переселился!

– Но как же моя квартира?

– Не волнуйся, мы обо всём позаботимся. Оставь мне ключи, я отправлю специального сотрудника, он всё отключит, закроет и ключи привезёт обратно.

– А где я буду жить?

– С новичками. В общежитии, – и заметив, как раскис Дима, добавил, – но это первое время. В дальнейшем, как у штатного сотрудника, у тебя появится своя квартира.

– Хотелось бы узнать ещё, какие у меня будут обязанности? В договоре об этом ни слова.

– Всему своё время. Ты пока адаптируйся. Работы будет много, не переживай.

– Но всё-таки... В чём будет заключаться моя работа?

Ярик неопределённо помахал рукой, закатил глаза, засмеялся и сказал:

– Будешь руководить отделом диффузий и потенциальных флуктуаций ДУШ. Ясно?

– Да, – соврал Дима.

– Опыт у тебя есть, так что справишься. Ладно, мне надо работать. А ты можешь идти, устраиваться на новом месте. Сейчас скажу куда, – он склонился над монитором и пощёлкал мышкой. – Вот, корпус С-127/А, комната 4768Щ. Как выйдешь из здания, сразу налево, перейдёшь дорогу и иди направо, дальше прямо до упора, окажешься на Площади Правды, пересекаешь площадь под углом сорок пять градусов и заходишь в ближайший переулок, в переулке первый поворот направо, потом сразу опять направо, через парк по диагональной тропе и ты выйдешь точно по адресу. Запомнил?

Дима утвердительно покачал головой и спросил:

– Извини, ещё раз – какой номер дома и комнаты?

Ярик повторил. Дима поблагодарил его и вышел в коридор, мысленно повторяя адрес, чтобы не забыть.

Знакомство с Зоной и первая консультация

Дождь, к счастью, кончился. Дима шёл по улице, разглядывая дома и прохожих. Центральная часть Зоны удивляла ухоженностью и чистотой. Мусор не валялся на дороге, трава на газонах подстрижена, клумбы с цветами аккуратные, стены домов свежеекрашенные и вообще без надписей. Люди выглядели прилично и позитивно, как будто не знали никаких забот и не попадали в такие ситуации, после которых выглядеть позитивно просто невозможно. Никто не смотрел на него, но если уж и пересекались случайно взгляды (а не пересечься они просто не могли, потому что Дима откровенно пялился на всех прохожих), то следовала мягкая улыбка или дружелюбный кивок. Дышалось на Зоне легче, чем за её пределами, вероятно, сказывалось обилие зелени и отсутствие машин. За те десять минут, что Дима двигался в неизвестном направлении, то есть наугад, потому что объяснение Ярика помогло ему так же, как карта темной стороны Луны помогает на темной стороне Луны, он ни разу ни с кем не столкнулся, не наступил ни на кого и не замедлил шага.

Через минут двадцать он вышел на какую-то площадь, выложенную брусчаткой и с высоким памятником посередине. Четыре каменных человека на постаменте смотрели вверх

крыш домов в разные стороны света. На плите под ними было высечено большими буквами: «Первый. Он был, но не будет». Обходя памятник, Дима заметил, что все четыре фигуры отличаются одеждой. Один из них напоминал современных обитателей Зоны, в комбинезоне и с бейджем, другой был в обычном городском костюме, третий в средневековых латах, с мечом, щитом и скрытый забралом, четвёртый в какой-то рванине и с рыболовной сетью.

На скамейке перед памятником сидела девушка. Она задумчиво смотрела в небо и беззвучно что-то произносила. Дима приблизился к ней. Заметив его прямой взгляд, она приветливо улыбнулась, и он решил, что это знак.

– Вы мне не подскажите, как пройти к корпусу С-127/А, – спросил он, улыбаясь в ответ.

– Конечно, – девушка поднялась и принялась подробно объяснять дорогу, показывая руками повороты и прямое движение.

Он почти не слушал, и едва она закончила, спросил:

– А можно с вами познакомиться?

– Маша, – она обрадовалась и протянула ему ладонь.

Он мягко пожал ей руку.

– Дмитрий. А какие у вас планы на вечер? Может, встретимся, погуляем?

– С какой целью? – она резко отстранилась. – Вы кто такой?

Дима не нашёлся, что ответить и в смущении промолчал,

а девушка быстро удалилась. Что за вопрос такой, – думал он, шагая через площадь к другому обитателю Зоны, чтобы заново расспросить про дорогу, – «С какой целью?» С самой обычной целью... Зачем вообще молодые люди и девушки знакомятся?

Мужчина, к которому Дима подошёл, тщательно объяснил ему дорогу, часто переспрашивая, понял ли тот. На этот раз Дима всё запомнил, тем более, он был уже совсем близко от корпуса.

Общежитие для новичков Зоны напомнило ему студенческое общежитие, в котором он жил, когда был студентом. Он учился тогда на факультете свободных искусств в самом престижном университете страны, а может и всего мира. Помимо стандартного набора дисциплин по философии, буддизму, йоге, нанотехнологиям, литературе, истории мировой культуры и м-теории в качестве курса по выбору он изучал иностранный язык. Он выбрал потенциальный лунный, который придумали учёные, предположив его возможную грамматику, если бы Луна была обитаема. Этот курс пользовался популярностью среди студентов – обеспеченные родители платили огромные деньги, чтобы их дети могли изучить несуществующий язык. Филологи выяснили, что он имеет намного большие выразительные возможности, чем земные языки, и там, где земной язык оказывался неспособен описать ситуацию или понятие, лунный справлялся отлично. Однако со временем обнаружилось неприятные по-

следствия – те, кто овладевал этим языком как родным, замыкались в себе, переставали общаться с другими и через некоторое время брали билет в один конец на тёмную сторону Луны, чтобы жить среди невидимых гор и кратеров. Поэтому изучение языка вскоре запретили. Но Дима и так дальше азбуки не продвинулся, к языкам он никогда не был способен.

Так вот общежитие выглядело похоже – исключительная чистота, порядок и тишина. Администратор выдал ему ключ от комнаты на тридцать пятом этаже. По пути в номер Дима не встретил ни одного человека. Открывая дверь, он ожидал увидеть несколько коек, разбросанные вещи и кого-нибудь спящего на одной из них. Но, к его большой радости, кровать была всего одна. Вот это общежитие, – подумал он с волнением, – у каждого своя комната! У стены стоял письменный стол и стул, у кровати – маленький столик. В стену у выхода был вмонтирован шкаф для одежды.

На столике лежал планшет. С замиранием сердца он приблизился к нему, не веря своим глазам. В самом деле – это была одна из последних моделей «Блейдраннера», о которой Дима мог только мечтать.

Паролём доступа оказался номер его комнаты. К сожалению, мировая сеть была заблокирована, и даже в собственную почту он войти не смог. Работала только локальная сеть Зоны Правды, для навигации по которой предназначался специальный браузер. В этой сети он нашёл большой пере-

чень сайтов различных учреждений и служб Зоны. Был там и общий чат, где велись занудные беседы о реинкарнации и нирване. Единственное, что скрасило его огорчение от отсутствия привычного интернета, это электронная библиотека. В ней нашлось приличное количество книг, фильмов и музыки, доступных для чтения и просмотра онлайн. Скачать, правда, ничего было нельзя.

На главной странице портала он обнаружил раздел с правилами поведения на Зоне. Это ему показалось интересным. Как выяснилось, на территории городка не было никаких магазинов, кафе, клубов, и вообще таких мест, где люди обычно собираются и тратят деньги. Одежда и еда выдавались бесплатно.

Некоторые правила показались ему смешными и наивными. Например: «На территории ЗП запрещено лгать». Или «Выполнение предписаний психолога-консультанта строго обязательно». А один параграф даже напугал его: «Обман детектора лжи карается согласно порядкам, установленным правилами пресечения правонарушений ЗП, если иное не разрешено в частном порядке избранными руководителями ЗП». Немедленно в его воображении возникла картина, как он, подключённый к нелепому аппарату, с торчащими на голове шпильками, краснея от смущения, вынужден изворачиваться, но всё же признаваться в чём-то таком, о чем он никогда никому не рассказал бы по собственной воле.

Он не сразу заметил, что в правом верхнем углу главной

страницы располагается маленькая иконка в виде конверта. Под ней было написано: «Личные сообщения». Он подвёл палец и появилось окошко с информацией о входящих письмах. Целых три письма, наверно, – подумал Дима, – все какого-нибудь общего содержания, вроде приветствия, о распорядке дня, об изменениях на портале.

Он встал и подошёл к окну. С высоты тридцать пятого этажа открывался вид на большой участок Зоны, он увидел и площадь со странным памятником, и здание, в которое его привёл вначале Ярик, и даже кусочек заброшенного города за пределами обитаемой территории. Внизу ходили немногочисленные жители, а наверху опять собирался ливень, тучи уплотнялись и чернели, и хотя окно было закрыто, Дима почувствовал, как поднимается ветер. Где-то вдалеке сверкнуло и едва слышно загрохотало. Почему-то он вспомнил свои сны о прошлых жизнях (правда, он всё меньше верил, что это были прежние жизни, скорее его сны напоминали наркотические галлюцинации), и удивился тому, как удобна современная цивилизованная жизнь. Раньше, в тёмные времена, которые ему снились, люди не знали ни центрального отопления, ни телевизоров, ни машин, ни компьютеров, ни многих других современных удобств. Они во многом зависели от природы. Но развитие цивилизации победило зависимость от окружающей среды. И взамен выработалась зависимость от цивилизации, от её технических результатов. Например, когда случилась война за тёмную сторону Луны,

все экономические ресурсы в государстве были направлены на мобилизацию военных, производство оружия и космические перевозки. Дело дошло до того, что в школьных классах иной раз оставалась одна работающая мышка на пятнадцать компьютеров, и ученикам приходилось пользоваться ей по очереди. Никому и в голову не пришло вернуться к ручкам, тетрадам и бумажным учебникам. С одной стороны, потому что их, конечно, не было, с другой – потому что почти никто уже не умел писать.

Он снова сел к планшету и открыл окошко с сообщениями. Первое было, как он и ожидал, от администрации портала – с приветственными словами и прочей бесполезной информацией. Второе содержало распорядок дня, из него он узнал, что в семь вечера ему необходимо прийти в здание RX-7 на приём к консультанту-психологу. В третьем просто набор цифр, как в обычном спаме – 1556989, и приписка: «после прочтения удалить».

А часы в планшете показывали уже без пятнадцати семь. Он вытащил из кармана мобильный и сверил время – телефон показывал 18.02. Изменить время в планшете на правильное ему не удалось, для этого требовались права администратора. Вот так, – усмехнулся он, – и здесь то же самое, хоть в мелочах, да проявляется это неизменное раздолбайство. Он решил выйти через полчаса.

Откинувшись на кровати, он задумался о своей жизни – так быстро и незаметно проходящей мимо него. С самого

детства и по сегодняшний день не было наверно почти ничего, о чём ему хотелось бы вспоминать. И вот теперь у него появился волшебный шанс начать всё заново.

Зазвонил телефон. Номер был незнакомый.

– Да? – ответил он.

– Дмитрий Дождь?

– Я.

– Вы где? Вас ждут на приёме у консультанта.

– Но у меня приём в семь, а сейчас... – он посмотрел на время на мобильном, – 18.17.

– Сейчас как раз семь. В Зоне другое время, переведите ваши часы в соответствии со временем на вашем планшете. Ждём вас, поторопитесь.

В самом деле, на планшете было ровно семь. Дима вскочил с кровати, надел ботинки, схватил ключ и выбежал за дверь. У администратора он выяснил, как ему найти Центр консультаций – тот подробно объяснил и выдал Карту Зоны.

Он бегом пересёк площадь со странным памятником. Неторопливые и невозмутимые обитатели Зоны провожали его недоуменными взглядами, а два подростка с синими бейджами сказали, когда он пролетал мимо: «Новичок...» В спешке он налетел на какую-то девушку, но та даже не взглянула на него и спокойно пошла дальше, как будто столкнулась не более чем с комаром. Он заметил яркий, небесно-голубой бейдж у неё на груди и подумал, что, должно быть, она из высшего звена, одна из тех, кто почти достиг уже просвет-

ления или чего-то там такого.

На приём он прибежал весь запаренный, красный и тяжело дыша. Его встретила пожилая женщина в белом халате.

– Вы опоздали, – сказала она, сурово глядя на него сквозь большие квадратные очки. Её черные крашенные волосы были туго стянуты в пучок на затылке, придавая лицу выражение строгости и непреклонности. Она смотрела на него и молчала, наверно ожидая оправданий, но когда он начал оправдываться, тут же перебила: «Ждите».

Стоя перед ней, он подумал, что ему очень не повезло с консультантом. Она села за стол в углу комнаты и принялась что-то писать. Минуты через три-четыре она подозвала его жестом, не глядя, и протянула синий бейдж.

– Носите всегда на груди с левой стороны. Кабинет RX-8903. Сразу направо.

Дима, не совсем понимая, что к чему, направился к двери, затем обернулся и переспросил, куда ему идти. Она раздражённо повторила номер кабинета. Быстро повторяя про себя цифры, он вышел и повернул направо. Он боялся, что забудет номер кабинета и тогда ему опять придётся вернуться к этой жуткой женщине. К счастью, далеко идти не пришлось, нужный кабинет оказался следующим.

Он нерешительно постучал, затем осторожно приоткрыл дверь и заглянул внутрь. За столом сидел лысый мужчина в зеркальных очках, скрывающих глаза, с жёлтым бейджем на груди, и печатал в ноутбуке.

– Дождь? – спросил он, не взглянув на Диму.

– В смысле? – переспросил Дима и посмотрел в окно.

– Ваша фамилия?

– А, да, моя.

– Вы опоздали почти на час.

– Да, но там время у меня и у вас...

– Знаю, – мужчина откинулся в кресле и несколько секунд внимательно изучал гостя. – Итак...

Сказав «итак», он замолчал и продолжил пристально разглядывать Диму. Диме под его прямым взором стало не по себе, он отвёл глаза, обратил их к потолку, потом по сторонам, потрепал чёлку, повертел головой, засунул руку в правый карман, вытащил её, перемялся с ноги на ногу и несколько раз прикоснулся к подбородку.

– Всё ясно, – сказал мужчина. – Нам предстоит поработать. И часто вы этим занимаетесь?

– Чем?

– Онанизмом.

– Что?? Да нет... Вообще... У меня и так всё...

– Зачем обманываете? Мне кстати всё равно, занимаетесь вы этим или нет. Я например занимаюсь. Суть в том, что вы сразу начали лгать. В солярий ходите?

– А? Ну... – Дима тяжело вздохнул и отёр резко вспотевший лоб, – да, бывало, давно в последний раз. Но не очень, а так...

– Зачем?

– Ну... Чтобы...

– Неважно, – оборвал его мужчина. – Знаете, что нужно, чтобы не хотелось врать?

– Что?

– Не делать того, в чём тяжело потом признаться. Всё ведь просто, да?

– Да.

– А вот и нет. Опять лжёте. Это же совсем непросто. Зачем вы согласились? Чтобы мне понравиться?

– Да.

– А если бы я сейчас не подсказал этой фразы «чтобы мне понравиться», вы бы сами не ответили, зачем согласились?

–Нет.

– Хорошо. Вернёмся к солярию.

Дима почувствовал лёгкую дурноту. Он давно не чувствовал себя так неловко, дискомфортно и униженно, наверно с тех самых пор, как перестал ходить в школу.

– Перед входом в кабину солярия часто лежит коврик. Так?

– Так, – согласился Дима.

– На этот коврик в ботинках наступать нельзя. Он предназначен для того, что на него ступали босыми ногами. Верно?

– Верно.

– Вы часто наступали на этот коврик в ботинках?

– Да, бывало, но я не всегда специально, часто по рассеянности...

– Не надо передо мной оправдываться. Я не из администрации солярия и не другой посетитель, которому предстоит после вас стоять на грязном коврикe. Вопрос в другом – зачем вы это делали?

Дима так и знал, что вопрос будет именно этот. Он помедлил и ответил:

– По рассеянности...

– Лжёте! – мужчина вдруг побагровел и закричал в полный голос. – Дело в том, что вам наплевать на других, и более того – хотелось сделать мелкую гадость!

Дима попытался возражать, но тот поднял руку, повелевая замолчать.

– В общем, – совершенно спокойным тоном сказал он, – если бы вы знали, что придётся потом отчитываться и говорить правду, вы бы делали эти вещи?

– Нет...

– Вот именно поэтому всегда надо говорить правду. Ясно?

Дима кивнул.

– Ну, вот и хорошо. Приходите завтра в восемь утра. Будем работать. Меня зовут Мелемах Аркеселаевич. Я ваш консультант. Всего хорошего.

– До свидания... – Дима направился к двери.

– Кстати! – позвал его консультант.

Дима испуганно остановился с протянутой рукой к дверной ручке.

– Забудьте про солярий. Дело не в нем. Это просто при-

мер. Всего хорошо.

Дима заметил, что Мелемах Аркеселаевич добродушно улыбается.

– До свидания, – сказал Дима и запнулся, – ммм...

– Что такое? Хотели назвать меня по имени-отчеству, но не смогли, потому что решили, что имя-отчество у меня дуррацкие?

Дима покраснел.

– Ладно, ладно, идите, – весело засмеялся консультант. – Всё будет хорошо.

Дима вышел, нарочито аккуратно прикрыл за собой дверь, и тут же подумал, что эту излишнюю нарочитость лысый наверняка подметил в качестве его очередного минуса. Ничего хорошего не будет, – думал он о последних словах консультанта, шагая по коридору к лифтам, – всё уже плохо. Его идиллические надежды на тихую и спокойную жизнь на Зоне рушились – наверно теперь его каждый день будут терзать, допытывать и мучить, пока он не станет таким же придурковатым, как те прохожие с яркими бейджами и пустыми глазами, словно они узрели Бога и на этой почве превратились в идиотов. В детстве ему приходилось регулярно бывать в церкви. Там он нередко видел людей со странной печатью благодати на лице, в основном это были женщины за сорок. И вот в их лицах не было больше ничего, кроме этой самой благодати, не было жизни, души, мысли – и его это пугало, как будто он очутился среди инопланетян.

Выйдя на улицу, он остановился в нерешительности. Он не знал, чем ему теперь заняться. Ложиться спать в такое время вроде ещё рано, было наверно около девяти вечера. Уже стемнело, вокруг никого и полное отсутствие звуков, привычных для города, настолько, что слышался едва заметный дождь. Постояв минуты три, он вдруг понял, что очень устал. Много лет он не ложился раньше полуночи, но только потому, что всегда придумывал себе какие-то дела перед сном, а здесь и придумать было нечего. Даже такое занятие, как «потупить за компьютером» здесь не имело смысла, потому что интернет ограничивался порталом Зоны, а его он уже и так весь изучил. Он хотел бы чего-нибудь перекусить, но не знал, как и где это можно осуществить. Оставалось только одно – возвращаться в общежитие и спать.

Смерть и рождение

Рано утром, в шесть часов по местному времени, его разбудил пронзительный звонок. Он не сразу сообразил, откуда раздаётся звук и первым делом схватил телефон, но звенело где-то в другом месте. Оглядевшись, он понял, что это динамик над дверью. Гадая, что случилось, он вскочил и быстро оделся. Вероятно, предположил он, случился пожар или какая-нибудь утечка чего-нибудь, а может (что совсем маловероятно) атомная война. Выскочив в коридор, он увидел спокойно идущих людей.

– Прошу прощения, – обратился он к девушке, проходящей мимо, – что случилось? Что это за звуки?

Девушка посмотрела на него с лёгким удивлением, на его синий бейдж, и вежливо ответила:

– Завтрак. Вы наверно новичок. На первом этаже по коридору за лифтами.

И пошла дальше. Дима уже успел заметить, что на Зоне девушки в общении держали себя так, что исключали всякую возможность неформального контакта и флирта. И это, понял он вдруг, ему нравилось. В большом городе всё было наоборот. Там женщины в одежде и стиле поведения пытались подчеркнуть свою сексуальность. А потом обижались на мужчин и обвиняли их, что им только одно надо, а не серьёзные отношения. А какие могут быть серьёзные отноше-

ния, если на улице, на работе и даже в метро мужчина чувствовал себя как на стриптиз-шоу? Другое дело здесь на Зоне, где все одеваются одинаково, не используют косметики и не провоцируют друг друга.

В столовой выстроилась небольшая очередь. Помещение столовой было просторным и скромно убраным, стены светло-зелёные, пол белый кафельный. В ряды стояли деревянные столы без скатертей. Еда оказалась простой, но не противной, и он, хотя обычно с утра не мог ничего заставить себя съесть, без особых мучений позавтракал и выпил сока. Он хотел бы кофе, и даже поинтересовался у персонала столовой, не найдётся ли у них кофе, но ему ответили, что на Зоне пить подобные напитки запрещено, потому что они нарушают энергетический баланс. Его это расстроило, но выхода не было и пришлось смириться.

Пока он завтракал, к нему подсели двое. У них тоже висели на груди синие бейджи. Один из них показался ему ровесником, второй был намного старше, лет наверно около семидесяти. Дима удивился, что в Зону берут таких пожилых людей. Они не обращали на него внимания и тихо беседовали о чём-то между собой.

– Сегодня в двенадцать в Центре перехода Елохим будет претендовать на голубого, – сказал молодой.

– Да ну? – удивился пожилой. – Мне бы стать голубым. Уже четыре года в синих хожу.

– Нам с тобой ещё далеко. Ещё надо красным как-то стать,

потом фиолетовым, потом оранжевым...

– Нет, после фиолетового серым, а потом уже оранжевым, – поправил старый. – Тебе то что, ты здесь два месяца всего.

– Да ладно, пап, у тебя всё получится.

– Не называй меня так, мы же говорили об этом. Елохим здесь всего полгода, а уже голубой бейдж повесит... А вы здесь давно? – вдруг обратился он к Диме.

– Со вчерашнего дня.

– Новичок! Если что, обращайтесь, мы расскажем, как здесь всё устроено. Наверно на консультации уже были? – он весело глянул на сына.

– Ну да, – Дима постарался сделать свой тон как можно более безразличным. – Был. Любопытно. А скажите, пожалуйста, что означают все эти цвета на бейджах?

– А вам ещё не рассказали? – удивился молодой. – Это же самое важное здесь. Ступени перехода. Цвета бейджиков отражают уровень вашего продвижения по пути истины.

– Типа мою правдивость, что ли?

– Ну типа того. Точнее – принципиальную неспособность лгать и умение жить в согласии с самим собой и другими. Ну, в общем, я не спец в терминологиях, вы консультанта своего спросите.

– А что в конце пути? За последним бейджем?

– За бирюзовым? Ничего. Человек, получивший бирюзовый, достиг цели.

– Какой цели?

– Прервал цепь перерождений. Он больше не воплощается в новых жизнях. Он типа сливается с абсолютом или что-то типа того, черт его знает.

– Никто не может понять, что там дальше, – добавил старый, – для того, чтобы это понять, надо как раз стать бирюзовым. А все слова и объяснения бесполезны.

– Ну да, – кивнул молодой. – Кстати, а приходи тоже в Центр перехода к двенадцати. Будет интересно. Не против на «ты»?

– Не против. Только у меня сейчас консультация. Не успею наверно.

Соседи засмеялись. Старик зачем-то взял его за руку и сказал ласково:

– Она идёт не больше часа-полутора. Успеешь легко.

Дима повеселел – он почему-то думал, что беседа с лысым консультантом займёт много времени.

– Ну что же, – засмеялся он, – тогда чудесно. Буду обязательно. А где этот Центр, как его там, восхождения?

– Перехода. Центр Перехода, – старик нахмурился. – Осторожнее со словами. Неточность – та же ложь. Я вот из-за своего склероза на второй уровень уже четыре года перейти не могу. Рядом с центральной площадью, там где памятник Первому. Спросишь у любого прохожего, тебе подскажут, как дойти. Был на площади?

– Да, был. А кто этот Первый?

– Это... Это долгая история. Тебе уже бежать пора. Потом расскажу. Кстати, меня зовут Рамолай. А это сын мой – Мармелих.

Дима посмотрел на свой мобильный. Он не перевёл часы и опять забыл про местное время, и уже опаздывал. Побледнев, он вскочил – предстоящая встреча с консультантом внушала ему страх, наверняка тот будет его теперь отчитывать.

– Эту штуку можешь выбросить, – усмехнулся молодой, показывая на его мобильный. – Здесь ты никому не позволишь и не напишешь. Сигнал глушится.

– Это я по привычке! – ответил Дима, уже подбегая к выходу.

– Я тоже долго с собой таскал, по привычке... И не беспокойся – я уберу твой поднос!

Последние слова Дима услышал, когда мчался по коридору, ведущему на улицу, но всё равно ответил «спасибо», хотя его никто уже не слышал.

Он опоздал на двадцать минут. Постучав, он заглянул внутрь и, убедившись, что никого кроме лысого нет, зашёл. Лицо горело от бега, выступивший пот неприятно пощипывал кожу.

– Вечер добрый, – пропел Мелемах Аркеселаевич, откинувшись в кресле.

Около минуты он молча смотрел Диме в глаза. Его взгляд был откровенно неприязненным. Дима оглядывался по сторонам, чувствуя себя отвратительно.

– Ты что, кретин? – вдруг злобно сказал консультант. – Ты не понимаешь, куда попал?

От такого поворота событий у Димы перехватило дыхание и ослабели ноги, ему стало так дурно, что он оперся о стену, чтобы не упасть. Боже мой, – подумал в ужасе, – куда я попал! Мне как-то надо отсюда выбираться... Почему-то ему вспомнилась девушка, которую он видел в Банке, и стало мучительно жаль, что он сейчас не с ней – где-нибудь подальше от этого места.

– Извините, – Мелемах Аркеселаевич улыбнулся. – Это как бы приём такой. Проверка вашей реакции на определённые воздействия. Садитесь. Вот вы сейчас о чём подумали, когда я назвал вас кретином?

Дима шумно выдохнул, высоко поднял брови, развёл пальцы и ответил:

– Да так. Ни о чём определённом. Я слишком удивился, чтобы думать о чём-то.

– Правда? А если на самом деле? Мне кажется, ощутив угрозу, вы должны были пережить сожаление о чём-то важном лично для вас, что раньше не считали очень важным.

– Да нет, ничего такого... Просто пожалел, что пришёл на эту долбанную Зону, – Дима вдруг разозлился. От гнева у него затряслись пальцы и он подумал, что хочет задушить консультанта.

– Ну ладно, как скажете, – ухмыльнулся тот, спокойно глядя Диме в глаза. – А что же вы не садитесь?

– Так стула нет, – дрожащим от возбуждения голосом ответил Дима.

– А что же вы сразу не сказали, что стула нет, когда я вам предложил сесть?

Дима промолчал, думая как поступить. Послать его к черту? Просто уйти? Но он подписал договор на три года. Отпустят ли его? И сигналы связи глушатся, никому не позвонить, не пожаловаться и не попросить помощи... А Ярик? Но Ярик совсем не внушал доверия. Он опять вспомнил ту девушку и почувствовал боль в груди.

– Вот в этом, Дмитрий, весь вы. Что же прямо было не сказать, что что-то не так? Кстати, а как вы меня называете про себя?

– Лысый, – честно ответил Дима.

– Почему?

– Потому что вы лысый.

– Очень хорошо. Наконец-то вы сказали почти правду. Но как мне пришлось вас выводить, чтобы добиться этого! – он весело рассмеялся.

– Почему же я сказал «почти правду»? – ощутив прилив смелости, спросил Дима.

– Вы называете меня лысым не потому что я лысый, а потому что испытываете ко мне неприязнь. Ладно, пойдёмте.

Мелемах Аркеселаевич встал, подошёл к стене, нажал какую-то кнопку и открылась дверь, которую Дима раньше считал не дверью, а встроенным шкафом. Ему стало страш-

но:

– Куда пойдёмте?

– Не бойтесь. Обычная процедура для новичков, – он ждал у прохода, приглашая Диму пройти первым.

Дима шагнул в небольшую комнатку без окон, освещённую только тусклым светом четырёх ламп, вмонтированных в каждую стену. Посередине на белом кафельном полу стояло кожаное кресло с большим подголовником и мягкой подставкой для ног. Мелемах Аркеселаевич, ласково улыбаясь, кивнул на это кресло. Дима сел в него, вернее даже лёг, потому что спинка была откинута далеко назад, а подставка для ног высоко поднята.

– Вам удобно? – тихо спросил консультант, совершая какие-то манипуляции на тумбочке в углу комнаты.

– В общем, да, – Дима не видел за его спиной, что он там делает, но забеспокоился, представив большой блестящий шприц с какой-нибудь отравой.

Он оказался прав – Мелемах повернулся и направился к нему с нежным взглядом, держа в правой руке большой стеклянный шприц.

– Ой, а что это?

– Ничего опасного! Совершенно безвредная вещь. Расслабляет психику и снимает барьеры в разговоре.

– Наркотик??

– Ну что вы! Мы же не в притоне. У нас такими вещами не занимаются. Вы, должно быть, подумали, что над вами

сейчас будут ставить нехорошие эксперименты? Так ничего подобного. Стандартная процедура для всех закрепощённых новичков.

Он аккуратно закатал Диме рукав, попросил поработать кулаком и похлопал пальцами по коже. Затем очень медленно ввёл иглу и впрыснул содержимое в вену.

– Теперь расслабьтесь. Откиньтесь что ли как-нибудь по-свободнее. Чувствуйте себя как дома.

Дима криво ухмыльнулся. Ну да, – подумал он, – очень даже домашняя обстановка... Он попытался последовать совету и расслабиться, но в кресле было неудобно из-за слишком откинутой спинки. Полулежачее положение вызывало у него чувство незащищённости, было странно вот так вот лежать перед малознакомым человеком и при этом пытаться расслабляться. Ему вдруг показалось, что в нем уже происходят какие-то изменения, что препарат начинает действовать.

– Нет, ошибаетесь, – сказал Мелемах Аркеселаевич. – Не начинает. Он действует не внезапно, а медленно и постепенно.

– Как вы догадались, что я об этом подумал?

– Так вы это вслух сказали.

Дима не поверил, но спорить не стал. Он пошевелился в кресле, устраиваясь поудобнее, и стараясь не слишком сильно ворочаться, чтобы не провоцировать расспросов дотошного консультанта. Более неудобного кресла он никогда ещё

не встречал.

– А что вы не отрегулируете спинку? Давайте-ка, я вам помогу... – сказал тот.

– Да нормально, всё в порядке...

– Как это в порядке? Вы только что сказали, что более неудобного кресла никогда не встречали.

– Я этого не говорил, – уверенно возразил Дима.

– Значит, вы думаете, что я читаю ваши мысли?

Дима смутился.

– Нет, не думаю.

– А вы вообще когда-нибудь думаете? – вдруг зло спросил Мелемах Аркеселаевич.

Дима испугался и растерялся. Он задумался, чем же он мог так внезапно разозлить этого лысого придурка. Видимо, – решил он, – нужно стараться отвечать только правду на любые вопросы!

– Да, бывает, – сказал он, – что я много думаю – думаю, как сделать то или иное дело. Или как ответить на тот или иной вопрос. А иногда и не думаю, кажется...

– Что за бред вы несёте? Дмитрий, вы дурак? Или вы думаете, что я дурак?

«Сам ты дурак», – подумал Дмитрий, а вслух сказал:

– Нет, что вы, и в мыслях такого не было...

– Дмитрий, вы себя послушайте, что вы говорите! Вы только что сказали: «Сам ты дурак, нет, что вы и в мыслях такого не было». А до этого вы мне прямо в лицо сказали

буквально следующее: «Чем же я мог так разозлить этого лысого придурка?»

– Так что же это, я что ли говорю вслух, всё что думаю?? – Дима вмиг побагровел.

– Да, – самодовольно улыбнулся Мелемах.

– Значит, вы меня обманули! – возбуждённо закричал Дима. – Препарат, что вы в меня влили, уже действует!?

– Да, обманул. А вы меня не обманываете? Правду за правду, договорились, волосатый придурок?

Дима попытался прервать поток ответных мыслей.

– Не старайтесь не думать, Дима, – сказал Мелемах. – Наоборот, расслабьте свою мысль, так вы будете выражаться складнее, а иначе вы произносите ужасную чушь. Крайне нелепо выглядит, представляете? Вы как сумасшедший твердите: «Блин, блин, блин, мать твою, как же так, в какую же жопу я попал, твою мать, не думай, не думай, о заткнись, Дима, нет, это жопа, стоп-стоп-стоп, не думай, черт, он всё слышит, на фиг, на фиг, я молчу...» Примерно вот что я от вас слышу. Согласитесь, это кошмар.

– Это у меня так само собой получается, – нервно сказал Дима.

– Потому что вы не даёте себе говорить свободно! Вы призывали врать! Вы хотите скрыть свои настоящие мысли и из-за этого у вас внутри такой хаос! Что вам мешает говорить правду?

– Я очень боюсь, что моя правда никому не понравится.

– Почему же?

– Потому что мне нравится делать то, что другие не одобряют.

– Совершенно верно. Так может престать делать то, что другие не одобряют и что приходится потом от них скрывать? Вы задумывались об этом?

– Задумывался.

Мелемах Аркеселаевич встал и подошёл к нему.

– На сегодня всё, – сказал он.

Дима шумно выдохнул воздух от облегчения, не в силах скрыть своей радости, что сеанс окончен. Он хотел было встать, как вдруг лысый размахнулся и резко вlepил ему сильнейшую пощёчину. Дима в ужасе вжался в кресло и вцепился в подлокотники. Ему стало так страшно, обидно и жалко себя, что он зарыдал. Слезы наполнили его глаза, мгновенно превратив белую фигуру мучителя в продолговатое грязное пятно. Оно маячило перед ним, нависало, угрожало ударить снова, а телесного цвета клякса в области головы тряслась от злости. Какая страшная у него лысина, подумал Дима, рыдая, какое жуткое вытянутое лицо без тени человечности, как жутко блестят эти очки... Пятно отстранилось на секунду и вытянулось вверх, Дима понял, что это поднялась рука и сейчас его снова ударят. Его затошнило, он накренился, пытаясь упасть вместе с креслом, чтобы создать видимость потери сознания и беспомощности. Ему это удалось – он повалился на бок и ударился скулой о прохлад-

ный жёсткий кафель. Наверху, вокруг размытых очертаний Мелемаха Аркеселаевича, сгущалась чёрная мгла. И сквозь мрак он разглядел красные потеки на кафельных стенах – длинные жирные горизонтальные полосы и бегущие от них к полу крупные капли.

Пытки во благо и допросы об истине

Вероятно, он потерял сознание. Потому в следующий момент он обнаружил себя уже сидящим в кресле. Правда, обстановка в комнате изменилась – стены стали кирпичные, пол дощатый с широкими щелями, да и кресло другое – деревянное и очень жёсткое. Его руки были пристёгнуты толстыми кожаными ремнями к подлокотникам, голова прикреплена к спинке – тоже, видимо, ремнём. Лампы в матовых плафонах исчезли, вместо них помещение освещал масляный светильник на столе перед ним. Краем глаза он заметил длинную дрожащую тень с правой стороны, она тянулась по полу и в области головы ломалась, чтобы заползти на стену.

– Мелемах Аркеселаевич? – спросил Дима.

– Что? Как ты меня сейчас назвал? – раздался ответ. Голос явно не принадлежал Мелемаху, но показался знакомым. – Меле... Не могу это повторить...

Тень сдвинулась с места и стала перемещаться по комнате:

– Удивительно. Я кажется, догадываюсь откуда может быть это имя... Вот что значит телесно-духовные пытки. Какие чудеса, не постигнутые наукой...

– Вы кто? – спросил Дима.

Человек, наконец, вошёл в поле его зрения, обогнул стол и сел напротив. Длинная худая фигура в мешковатом сером балахоне, лохматая голова и огромный кривой нос.

– Ярик? – воскликнул Дима.

– Кто? – переспросил Ярик.

– Ты чего, Ярик? Что это за театр? К чему этот средневековая обстановка как в камере пыток?

– О, боже мой! – воскликнул Ярик. – Воистину либо ты помешался, либо происходят чудеса. Об этом написано в древних книгах. Ни слова не понял, о чём ты там толкуешь, но одно верно – ты и в самом деле в камере пыток.

Дима замолчал, Ярик тоже – оба задумались. Дима о том, как договориться с Яриком, чтобы его выпустили с Зоны, а Ярик, вероятно о чудесах, описанных в древних книгах.

– И что, меня в самом деле раньше звали таким именем? – спросил вдруг Ярик, с интересом глядя на Диму.

– Хватит делать из меня идиота! Я не так глуп, как вы с Мелемахом думаете! Выпусти меня отсюда!

– Опять это странное имя... Не знаю, о чём ты говоришь. Ну да ладно. Я снова попробую тебя спасти, – и Ярик крикнул в сторону двери: – Лехор!

Отворилась дверь и в комнату вошёл толстый лысый человек в грубом кожаном фартуке. В руке у него были длинные ржавые клещи.

– Продолжим, – сказал Ярик толстому. – Наш друг всё ещё не понял.

Увидев эти клещи, Дима заподозрил неладное и перевёл взгляд на свои руки. На левой кисти не было ни одного пальца. Кровью испачканы штаны, сиденье, пол, бардовые брызги были даже на столе и на лампе. По характерному палёному запаху Дима догадался, что раны ему прижгли.

– Я в прошлом, – сказал он, с изумлением глядя Ярику в глаза. – Это одна из моих прошлых жизней.

– Скоро для тебя не будет ни прошлого, ни будущего, поверь мне. Лехор, давай!

Потный Лехор приблизился вплотную к Диме – от него пахло чем-то прелым и сгнившим, вроде старых носков, и дыхание было таким прогорклым, словно он питался мертвечиной.

– Раз я в прошлом, значит, это сон, – сказал Дима.

В глазах у Ярика мелькнуло сомнение. Он внимательно посмотрел на Диму и на секунду задержал Лехора, взяв того за локоть. Кажется, он хотел что-то сказать, но потом покачал головой и кивнул палачу. Дима зажмурился и стиснул зубы. Он ждал того, что сейчас сделает Лехор, и время почему-то потянулось слишком медленно. Прошло уже целых две или три секунды, а пытка всё никак не начиналась. Наконец – несколько звонких, но на удивление не сильных пощёчин обрушились на его левую и правую щеки. Он не старался укрыться, а наоборот – как бы мысленно подставлял своё лицо навстречу ударам. Только бы всё это быстрее закончилось, – взмолился он, обращаясь к чёрной тоскливой

пустоте вокруг, – убили бы меня скорее и без мучений!

– Дмитрий! Дмитрий! – услышал он настойчивый голос Мелемаха Аркеселаевича и получил очередную порцию пощёчин.

Он открыл глаза. Над ним стоял консультант и сосредоточенно хлестал его по лицу. Дима сидел в кожаном кресле, в той же кафельной комнате, только уже ярко освещённой.

– Руки уберите! – зло крикнул он. – Хватит меня бить!

– Ну слава богу! – воскликнул Мелемах Аркеселаевич. – А то я уже забеспокоился. Вы сознание потеряли и долго в себя не приходили. Никогда не видел, чтобы препарат так сильно подействовал. В следующий раз уменьшим дозу.

– Следующего раза не будет, – категорически сказал Дима, поднимаясь с кресла.

– Не сердитесь, – улыбнулся технолог. – Не сердитесь. Сейчас полегчает.

Дима направился к двери, демонстративно качая головой и в полголоса матерясь.

– Э, постойте, – окликнул его Мелемах Аркеселаевич на пороге.

– Чего?

– Будьте там осторожны. Препарат ещё подействует некоторое время, хотя и не так сильно, как вначале. Так что контролируйте ваши мысли, чтобы не обидеть никого. Удачи. Да завтра.

На улице Дима испытал облегчение – прохладный ветерок

взбудрил его. Он побрёл наугад по чёрному асфальту, стараясь не думать о том, что только что с ним приключилось. Его обогнала девушка. Комбинезон, несмотря на совершенно нейтральный стиль, резко очерчивал её фигуру.

Красивая попа, – машинально подумал Дима.

– Свинья, – не оборачиваясь, сказала девушка.

Дима понял, что всё ещё озвучивает свои мысли. Он остановился и поднял голову к небу.

– Чего видно? – услышал он знакомый голос.

Перед ним стояли двое новых его приятелей из столовой.

– Мы как раз в Центр перехода идём. Пойдём вместе.

Дима кивнул.

– Пойдёмте. Только знаете, у меня тут такая консультация была, мне что-то вкололи...

– А, препарат правды? Ну да это обычное дело. Все через это проходят. Ты не переживай, его действие быстро ослабевает.

Вместе они направились в Центр перехода, который располагался рядом с площадью.

В просторном холле на двадцать восьмом этаже, застеклённом с трёх сторон от пола до потолка, открывался чудесный вид на территорию Зоны. Собрание уже началось. Средних лет мужчина невысокого роста, полный и лысоватый, стоял перед аудиторией из человек двадцати-двадцати пяти и невозмутимо отвечал на вопросы. Дима заметил у него зелёный бейдж.

– Претендует на голубой, – сказал старик. – Мы немного опоздали. Видишь жюри? Елохим отвечает теперь на их вопросы.

Дима не сразу понял, кто здесь жюри, потому что все были одеты одинаково. Но приглядевшись, сообразил, что это вероятно те, кто носит жёлтые и голубые бейджи.

– Как давно вы не лжёте? – спросил испытуемого один из членов жюри.

– Четыре месяца ни одного слова неправды, – ответил кандидат.

– Вы не испытывает потребности говорить неправду или применяете силу воли?

– Я не делаю ничего такого и не помышляю, чтобы была необходимость в волевом усилии.

– То есть вы в состоянии ответить на любой вопрос, и он не вызовет у вас затруднений с ответом?

– Да, именно так. Одна из причин лжи – смятение и неумение верно среагировать на происходящее. Я это преодолел.

– Вы бы хотели сейчас сигарету?

– Нет, – спокойно ответил кандидат.

– Может выпить?

– Нет.

– Вам не надоела жизнь в Зоне?

– Нет. Она мне нравится. Но дело не в этом – это мой выбор, и что мне нравится, а что нет – я решаю сам, с помощью

разума, а не сиюминутных желаний.

– Что же, у нас вопросов больше нет, – сказал один из членов жюри. – Пускай теперь спрашивают из аудитории.

– Конечно, – кивнул кандидат. – Нет ничего, что могло бы поставить меня в тупик.

Ну как же, – подумал Дима, – наверняка есть. И вот что именно. Неожиданно для самого себя он сказал в полный голос:

– Пошёл на х-й.

В холле воцарилась тишина. Все молчали, и молчал кандидат, обратив блестящие стекла очков на Диму. Глаз его не было видно – в очках отражались окна, но было понятно, что он в растерянности. На лбу и толстых бледных щеках выступил пот. Дима же от стыда хотел исчезнуть.

Нарушил молчание Мармелих:

– Прошу прощения, Дмитрию препарат правды вкололи сегодня, он не специально...

Члены жюри проигнорировали это замечание. Наконец один из них встал, видимо председатель, и обратился к кандидату:

– Ну что? Вам нечего сказать по поводу замечания Дмитрия?

Тот в ответ неровно дёрнул головой, пошевелил пухлыми пальцами и ничего не ответил.

– Сожалею, Елохим Себастьянович, но вы не готовы, – председатель обернулся к собранию и объявил конец заседа-

ния.

Собравшиеся начали расходиться. Кандидат продолжал стоять в пустеющей аудитории, как будто окаменевший. Диме было искренне жаль его. Он тоже направился к выходу, надеясь побыстрее скрыться с места преступления, чтобы никто не успел потребовать от него объяснений. И всё-таки, как не протискивался он сквозь выходящих, как не сжимался, стараясь стать ниже и незаметнее, его поймали. Кто-то решительно схватил его за локоть и настойчиво потянул к себе. С неприятным предчувствием Дима обернулся и увидел высокую женщину средних лет с суровым выражением лица. У неё был розовый бейдж – как он успел уже понять, знак высокого положения в Зоне Правды.

– Честно говоря, ваш метод конверсии мне не очень близок, Дмитрий, – сказала она. – Но не могу не признать его эффективность в отдельных случаях. Если бы не ваш гениальный вопрос, Елохим незаслуженно получил бы более высокий статус.

Дима не знал, что ей ответить. Неправду говорить не стоило, он это чувствовал по её глазам, которые как будто читали его мысли, а правду не хотелось, и он просто промолчал, неопределённо помотал головой и развёл руками.

– Вы приятный собеседник! Я думаю, у вас есть все шансы быстро перейти на следующий этап и даже дальше, – продолжила она. – Я подумаю об этом.

Она вдруг широко улыбнулась ему и выскользнула за

дверь. А он остался в недоумении, пытаясь понять, почему она сочла его приятным собеседником, хотя он не произнёс ни единого слова.

– Какие планы? – к нему подошли Рамолай и Мармелих.

– Никаких.

– Тогда прогуляемся по городу?

Дима согласился. Он не представлял, чем бы ещё мог здесь заняться. Работы ему пока не поручали никакой, а сидеть в своей комнате за планшетом, в котором почти ничего нет, было неинтересно.

Таинственный незнакомец и демоны

Улица встретила их непривычным спокойствием и сухостью, хотя серые, белые и бурые облака быстро летели по небу, подгоняемые ветром. И сколько бы этот ветер не дул, тучи не заканчивались и просветы не возникали, как будто это был сплошной вращающийся купол, накрывший землю. Дима слышал, что когда-то давно, ещё до войны за тёмную сторону Луны, в земном году часто случались такие дни, когда небо окрашивалось в голубой цвет и туч не было, и ослепительный шар солнца висел прямо над головами, выжигая глаза. Только редкие раздутые округлые облака, похожие наверно на новорождённых, медленно проплывали от края неба до края. Иногда, обычно в середине лета, приходила сильная жара. От неё, если верить рассказам, случалось такое, что люди брели к рекам и прудам на водопой, и падали у кромки воды, не дойдя, и валялись под ультрафиолетом, ворочаясь с бока на бок – наверно, чтобы не сгореть совсем. А некоторые, кому везло, всё-таки доползали и барахтались в водоёме.

Когда же всё это прекратилось? – задумался Дима. Кажется, в результате войны на Луне. Говорили, что применение какого-то оружия привело к необратимым изменениям

в климате и в результате земное небо заволокло тучами.

– Да и к лучшему, – сказал Рамолай. – От солнца одни неприятности начались, когда озонового слоя почти не осталось. Ожоги и радиация, и хрен знает что ещё.

– Согласен, – добавил Мармелих. – Вон в некоторых странах, говорят, люди уже давно на улицу без специальных шлемов не выходят. Они защищают глаза, уши, рот и нос, и очищают воздух, который в лёгкие поступает. Никому и в голову не придёт, что в принципе можно отправиться на улицу вот просто так, и вдыхать эту ядовитую смесь газов, и подставлять свою кожу и отверстия на ней всяким вредным воздействиям. Если такого человека, без шлема, видят на улице, все в шоке и думают, что он либо идиот, либо протестует против правительства.

– Слушай, Дмитрий, – перебил сына Рамолай, – а ты на курсы по демонологии записался?

– Нет. А что это такое?

– Ну ты даёшь! – воскликнул Мармелих. – Да это же важнейшая часть перехода к высшим состояниям на Зоне!

– Хм... Не думал, что здесь верят в демонов.

– Ещё как верят! – продолжил Рамолай, смеясь. – Сейчас объясню. Считается, что каждый человек в глубине души знает, как поступать правильно в любых ситуациях. И если поступает неправильно, внутренний голос как бы говорит ему, что он неправ, делает зло. А в момент морального выбора всегда подсказывает, что именно нужно выбрать, склоняя

в пользу добра. У всех есть этот внутренний голос, только одни его не слышат, а другие не хотят слышать.

– Так вот этот внутренний голос, – прервал отца Мармелих, – и называется демоном!

– Интересно, – ухмыльнулся Дима. – И что же на этих курсах происходит?

– Обучают слышать своего демона. И самое главное – слушаться его!

– Вот это да, – покачал головой Дима.

Они долго брели куда-то, и Дима особо не следил за дорогой, полагаясь на своих спутников. Он понял, что они гуляют без определённой цели, просто шатаются по Зоне от скуки. Интересно, что все другие жители, которых они встречали на своём пути, куда-то целенаправленно шли, или, во всяком случае, делали вид, что идут с целью. Всем наверно сразу было заметно, что Диме с приятелями нечем заняться, что они страдают от безделья и хотят убить время. И прохожие, – подумал он, – наверно осуждали их, не в словах и не в выражении лиц, но в помыслах – думали, должно быть: «Вот, идут эти раздолбаи, вместо того, чтобы заниматься самосозерцанием и совершенствованием!» Оглядев своих товарищей, Дима вдруг явно осознал, что те никогда не поднимутся выше синих бейджей. Словно в подтверждение его мыслей Рамолай сказал с горькой усмешкой:

– Или я стар уже слишком, или неисправим... Может ДТП мне поможет на новый уровень подняться?

– Пап, ты просто неразвит духовно, – с умным видом заметил Мармелих. – Тебе уже ничто не поможет.

Дима решил, что Рамолай подумывает о том, чтобы погибнуть под колёсами машины:

– Ну, ДТП – это не вариант. Лучше жить и надеяться.

Спутники с сомнением посмотрели на него, и на какое-то время замолчали.

Спустя минуту Рамолай спросил:

– Как ты думаешь, сколько мне лет?

– Ну-у-у... Думаю, где-то под шестьдесят?

– И на что мне в этом возрасте надеяться? Только на ДТП...

– Вы совсем мрачно настроены...

– Да уж, – кивнул Рамолай, – можно и так сказать. А вот кстати Центр Демонологии.

Дима посмотрел, куда тот указывал, и увидел здание, в котором встречался с Яриком.

– Но здесь же отдел кадров, меня тут оформляли в Зону на работу.

– Что-то ты путаешь, браток, – покачал головой Рамолай. – Никакого отдела кадров здесь нет. И на какую такую работу? Если бы ты был сотрудником Зоны, не ходил бы ты тут с нами, ты уж мне поверь. Поспать бы тебе надо, кажется у тебя мозги сегодня немного набекрень после утреннего сеанса.

Дима и правда чувствовал себя не очень хорошо, и был

согласен, что мозги у него набекрень, причём уже давно. Он распрощался с Рамолаем и Мармелихом и побрёл через площадь к своему корпусу. У подножия памятника Первому лежали цветы, наверно выращенные в оранжереях: удивительные пионы в муравьях и терпкие лилии с хищно изогнутыми бутонами, благородные розы с узорчатыми красными лепестками, печальные жёлтые тюльпаны, букеты нежно-голубых васильков и хрупкие фиолетовые ирисы, и ещё какие-то цветы, названий которых он не знал.

– Пришёл поклониться Первому? – спросил кто-то.

Дима понял, что и в самом деле стоит, склонившись над цветами, и резко выпрямился.

– Да, – ответил он, обернувшись – перед ним оказался какой-то человек в длинном пальто и низко надвинутой шляпе. Диму удивило, что тот одет не по правилам.

– Кто знает, – сказал незнакомец, – может, этот Первый никогда и не был Первым.

– В смысле?

– Если верить легендам, только Будда прерывал цепь перерождений. Да и был ли он вообще? Мало у вас тут шансов, на Зоне, мало...

– Вы кто такой?

– Ладно, мне пора. Вы бы лучше не шли к себе в номер.

– Это почему же?

– Лучше бы вы перелезли стену в северной части Зоны, за операционной. Там кто-то лестницу забыл в зарослях гре-

чихи. И не бойтесь – юрисдикция Зоны не распространяется дальше её границ.

– Да кто вы такой?

Не ответив, незнакомец быстро пошёл прочь.

Разговор произвёл на Диму неприятное впечатление. Он и так был весь в сомнениях относительно своего решения пойти на Зону, а тут ещё кто-то предлагает ему немедленно с неё бежать. Может это была провокация, спланированная Яриком или Мелемахом? Но с какой целью?

Когда он добрался до своей комнаты, ещё только вечерело. Он повалился на кровати, постоял у окна, посидел за планшетом, потом опять повалился, постоял у окна и посидел за планшетом. Этот ритуал он повторял до тех пор, пока не настало время ужина. Он пришёл в столовую раньше всех, быстрее всех всё съел и ушёл, радуясь, что не встретился с Рамолаем и Мармелихом – общения с ними не сегодня ему уже хватило. Вернувшись в номер, он решил попытаться найти в портале Зоны какую-нибудь интересную книжку. В очередной раз проверив почту, хотя ясно было, что ничего нового там быть не может, он убедился, что ничего нового там нет. Только письма со спамом, полученные ещё вчера. Что бы могло значить это послание со странными цифрами «1556989»? – подумал он. Вроде похоже на номер чего-то. Может, это его персональный номер, который присвоен ему на Зоне вместо имени и он должен теперь его выучить? Вдруг его спросят как-нибудь в каком-нибудь важном месте, где

будет решаться его судьба: «А какой у вас номер?» «Ой, а я не помню», – ответит он. «Но без номера мы не можем перевести вас туда-то или выдать вам то-то!» – ответят ему. «И что же мне теперь делать?» – спросит он, ужасно расстроенный. «Да тут уж ничего не поделаешь! Идите, учите свой номер, и может как-нибудь в другой раз, лет через пять или шесть, вам выпадет ещё шанс!» Представив всю эту ситуацию, он на всякий случай несколько раз повторил про себя номер. Две пятёрки – легко запомнить, потом шесть – на один больше, чем пять, два раза повторяется девятка, между ними восемь, что на один меньше девяти. А начинается всё с единицы. Вот и всё. Выключив планшет, он разделся, погасил свет и лёг в постель. И вспомнил, что собирался поискать на портале интересную книжку. Ладно, решил он, если не смогу уснуть, то буду искать книжку.

Тишину в коридоре иногда нарушали шаги постояльцев, не спеша идущих к своим комнатам. Никто не смеялся, не бежал, не кричал, не ломился в закрытые двери. Несколько раз проходили мимо его комнаты. Один раз он даже услышал обрывок разговора – две девушки обсуждали сегодняшней семинар по демонологии.

– Ты знаешь, – сказала одна из них, – а мне мой демон и раньше ведь говорил, чего не надо делать. Не иди в салон, говорил он мне, не брей ноги, не езжай в офис.

– Милая, мне кажется это тебе не демон, а твоя лень говорила.

– Не думаю! Я же теперь не хожу в салон и не брею ноги!

– Ну и дура, – сказал Дима, намереваясь тихо, но получилось громко.

Девушки замолчали.

Следующий прохожий, похоже, вёз какую-то тележку, потому что к шагам примешивалось металлическое звяканье. Нехорошее предчувствие появилось у Димы, когда звуки прекратились напротив его комнаты. Спустя секунду в дверь постучали.

– Кто? – спросил Дима, приподнимаясь.

– Медперсонал, – ответил пожилой женский голос.

Дима не успел встать и одеться, как дверь отворилась и в комнату вошла женщина в белом халате и чепчике, толкая перед собой блестящую металлическую тележку на колёсиках.

– Ай не вставайте! – улыбнулась она. – Что я, раздетых мужчин не видела? К тому же я вам укол буду делать.

– А что за укол?

– Да я и не знаю. Мне сказали, я делаю. Наверно, витамины какие-нибудь и успокоительное. А то ведь вы, новички, с города попадаете сюда потасканные, истощённые, нервные. Нужно восстанавливаться.

Хихикая, она стала готовить шприц.

– Поворачивайся, красавчик, – ласково сказала она, подойдя к нему.

Отчего-то она внушала доверие и Дима успокоился. На-

верно в самом деле витамины и успокоительное, подумал он, поворачиваясь к ней спиной. Она ловко сделала укол и быстро вышла из комнаты – прежде, чем он успел натянуть трусы.

– Спокойной ночи, – бросила она ему, уже закрывая за собой дверь.

Не прошло и пяти минут, как он действительно успокоился. Причём до такой степени, что даже не было сил закрыть рот. Он лежал в какой-то не очень удобной позе на боку, и чувствовал, что стремительно погружается в сон. Тревожные мысли покинули его, да и вообще все мысли покинули, уступив место смутным образам, сотканным из приятных воспоминаний и фантазий. В его памяти всплыло, как в детстве он любил принимать горячую ванну. Он как будто увидел эту картину ясно перед собой – старая белая ванна, похожая на большое корыто, запотевший кафель на стенах, длинный металлический кран, тоже запотевший и бьющий кипятком. Он лежит в очень горячей пенной воде, от неё поднимается пар и собирается вокруг лампы под потолком в прозрачный шар. Рядом на полу, чтобы можно было достать рукой, лежит бритва, пена для бритья и книга. Он берет эту книгу влажной распаренной рукой, находит нужную страницу и читает. В разгорячённой голове проскальзывает мысль, что это какая-то нелепая мелодрама. Чтение захватывает, хотя и невозможно понять, что написано в книге – из-за высокой температуры голова плохо соображает. Хочется уже вылезти из ванной, но с другой стороны в ней так томительно прият-

но. Он откидывает мокрую волнистую прядь волос, упавшую со лба на страницу. Всё, пора вылезать, слишком уж жарко.

Выйдя из ванны, он становится напротив зеркала. Зеркало ничего не отражает, оно плотно покрыто множеством маленьких капелек. Смахнув рукой воду со стекла, он изучает свои размытые очертания. Спутанные волосы свободно ниспадают на плечи и грудь, большие зелёные глаза смотрят чуть исподлобья, аккуратный острый носик добавляет общему выражению особой привлекательности и немножко хитрости. Губы, правда, недостаточно пухлые, но в принципе, не фатально и в случае чего поправимо. Зато грудь совершенно замечательная, не большая и не маленькая, а в самый раз, очень обаятельная и красиво очерченная. Он поворачивается боком и смотрит на грудь. Попа и бедра тоже полностью удовлетворяют его. «Представляю, – думает он с внутренним смехом, – что испытывают мужчины, когда видят меня!»

За дверью кто-то кричит: «Улисса! Ты здесь?». «Что-то быстро вернулся мой красавец», – думает Дима. Спустя несколько секунд раздаётся беспорядочный шум, что-то громко падает, быстрые шаги приближаются по коридору. Голосов не слышно, к горлу подкатывает комок и появляется страшное чувство, как будто случилось или должно вот-вот случиться нечто страшное и непоправимое.

Самая первая ложь

Дима проснулся от собственных вскриков. Он не успел понять, что выкрикивает, и первым делом провёл рукой по груди, чтобы убедиться, что её там нет. Всё было в порядке, просто приснился кошмар. Он попытался вспомнить и удержать в памяти детали сна. При воспоминании о зеркале по телу пробежал холодок, и он снова потрогал свою грудь.

Посмотрев на часы, он понял, что опять опаздывает на сеанс. Оставалось пять минут до начала, значит, он даже не услышал утреннего звонка, призывающего на завтрак. Он очень быстро оделся и выбежал в коридор. Всё-таки сильно не хватало кофе, без кофе по утрам мир казался мрачным и враждебным. На улице обитатели Зоны не спеша шли по своим делам – здесь вообще, как он заметил, всё делали не спеша, только он один спешил. Он пронёсся по площади, огибая прохожих, и ворвался в Центр консультаций. На первом этаже висели часы, он опаздывал всего на одну минуту. Такое незначительное опоздание вряд ли будет замечено, он даже может позволить себе пару минут, чтобы отдышаться.

В кабинет Мелемаха Аркеселаевича он вошёл без стука, решив на этот раз быть поувереннее и поспокойнее.

Заметив Диму, тот поднял голову от записей на столе и удивлённо на него посмотрел. Его молчаливое удивление продолжалось секунд двадцать-тридцать и Дима за это вре-

мя растерял всю свою уверенность. Что не так, подумал он, может я что-то перепутал? Может, сегодня нет сеанса или я пришёл слишком рано, неправильно разглядев время на часах? Или слишком поздно? Тут он вспомнил, что забыл поздороваться. Может в этом всё дело.

– Здравствуйте, – сказал он, но голос сорвался на писк, он прокашлялся и повторил, – здравствуйте.

– Дима... – сложив руки, медленно произнёс Мелемах Аркеселаевич, – у вас всё хорошо?

– Ну да, вроде, – ответил Дима и подумал, что, должно быть, что-то не так с его внешним видом – или он не причёсан, или ширинка расстёгнута.

– А я так не думаю. Вы опоздали на четыре минуты!

– Ну всего-то на четыре...

– Не всего-то! А на целых четыре! Вы думаете мне нечего тут больше делать, кроме как вас дожидаться!?

Дима хотел ответить, что да, это его работа – дожидаться, но вместо этого понурил голову, как бы показывая, что виноват:

– Мне вчера что-то вкололи ночью, я наверно из-за этого так спал, что даже на звонок не проснулся.

– На какой звонок? Какой? – поморщившись, с явным раздражением переспросил Мелемах.

– Ну это, на завтрак...

– Ясно, – кивнул Мелемах с таким видом, что было понятно – он не принимает Диминых оправданий. – Вы хотели

что-то сказать?

– Я?

– А кто – я?

– В смысле?

– Хватит дурака валять. Что вы хотели спросить?

– Я? – машинально снова спросил Дима.

– Да-да, черт возьми, вы!

– Ничего...

– Нет, у вас было какое-то сомнение в глазах, минуту назад. Вы что-то хотели возразить. Говорите.

– Я хотел сказать, что вроде бы, как мне кажется, это же ваша работа – сидеть здесь, дожидаться...

– Ясно, – перебил его консультант и надел очки. Зеркальные стекла скрыли глаза. – Поговорим о деле.

– Итак, – он откинулся в кресле, закинул ногу на ногу и сложил руки на колене, – итак, что же вам снилось сегодня?

Диме пришло в голову, что Мелемах пародирует сеанс психоанализа, который был моден в прошлом веке и ещё сохранял свои позиции в начале этого. Он видел нечто похожее в старинных фильмах, когда всё кино было плоским и неинтерактивным, и поведение актёров жёстко задавалось их живыми прототипами, без возможности вмешательства зрителя в действие.

– Мне снилось, что я женщина, – ответил Дима.

– Прекрасно! – воскликнул Мелемах и хлопнул в ладоши. – Прекрасно!

– Не понимаю, что же здесь прекрасного?

– Вы делаете успехи! Видите, вы уже спокойнее говорите мне правду, не запинаясь и не пытаясь уклониться. Замечаете? Уверен, и ход мысли у вас сейчас прямой и простой, а не такой хаотичный, как на прошлой нашей встрече.

Дима прислушался к своим ощущениям и понял, что в словах Мелемаха есть доля истины.

– И что же происходило в вашем сне?

Дима, стараясь указать все детали, пересказал сон. Закончив, он спросил:

– И что же означает мой сон, Мелемах Аркеселаевич?

– Откуда я знаю? Моя задача – научить вас быть правдивым. Я что, на психоаналитика похож??

– Ну да, немного, вот эта вот ситуация напоминает сеанс психоанализа... Но вы меня не поняли, я хотел узнать – это просто сон или видение из прошлой жизни? Мне на ночь что-то кололи такое...

– Не знаю. Может быть и из прошлой. А что такое? Что вас смущает? Не хотите быть женщиной в одной из прошлых жизней?

– Ну... Да, не хочу почему-то.

– А какая разница? Это же было раньше, и тогда вы явно не хотели быть мужчиной. Какое это теперь отношение имеет к вам?

Подумав над словами Мелемаха, Дима признал:

– Никакого.

– Вот и я так думаю. А приятно, наверное, говорить правду, открыто и легко?

Это и в самом деле было приятно. Дима ощущал почти физическое удовольствие от того, что больше не запинается при каждом вопросе Мелемаха, а отвечает свободно и уверенно.

– Однако это ещё не победа! – подняв палец вверх, сказал Мелемах. – Это только полпути на пути к настоящему пути. Или даже четверть пути. Нам с вами работать и работать. Пройдёмте в комнату.

Заметив замешательство и испуг у Димы, он ласково улыбнулся и тепло добавил:

– Обещаю, в этот раз всё легче пройдёт. Доза будет меньше, да и организм ваш уже свыкся с препаратом.

Дима проследовал за Мелемахом и сел в кресло, от одного вида которого заболело в груди. Но дружеское поведение Мелемаха успокоило его и он подумал, что боятся наверно больше нечего, всё-таки он уже научился отчасти говорить правду, просто надо озвучивать открыто всё, что он думает и не пытаться запирается в себе.

– Кстати, вы меня по-прежнему лысым называете? – спросил Мелемах, стоя над Димой и выбивая из шприца воздух.

– Нет, – засмеявшись, ответил Дима. – Консультантом и Мелемахом.

– Замечательно, я вижу, у нас налаживаются доверительные отношения, – он ввёл иглу Диме в вену и потихоньку

впрыснул содержимое шприца.

Не сказав больше ни слова, он вдруг вышел из комнаты, оставив Диму одного.

Темнота, сиротливые кафельные стены и пол, нелепое кресло, и он сам в этом кресле показались ему антуражем из какого-то мрачного комикса. Ему снилось раньше нечто подобное, какие-то унылые дома и подвалы, одинокие комнаты и камеры. Странно, подумал он, как же меня занесло в такую ситуацию. Что я делаю здесь, в этой дурацкой пыточной камере, в каком-то кресле, уколотый неизвестным препаратом? Ведь начиналось всё совсем иначе. И чтобы понять, как всё начиналось, он попытался вспомнить детство. Он знал, что в обществе детство принято считать порой беззаботности и веселья, чистоты и открытости миру, потерянным раем, о котором потом человек мечтает и сожалеет до конца дней. Но, покопавшись в воспоминаниях, Дима пришёл к выводу, что это стереотип, и в детстве, пожалуй, он был не менее озабочен и печален, чем теперь. Просто тогда его тревожили совсем другие вещи. Но всё-таки, в ту пору у него были определённые идеалы, вера и надежда на что-то, представления о допустимом и недопустимом. И вот теперь, вопреки всем своим представлениям и надеждам, спустя не так уж и много лет, он сам вовлёк себя в какую-то чудовищную историю. Как так? Каким путём он шёл, что от светлых детских ожиданий дошёл до такой жизни?

И вдруг он отчётливо осознал, что в такое нелепое поло-

жение его привела ложь. Всю жизнь, начиная с детства, он шёл по пути обмана. Нечестность и неискренность даже не тревожили особо его совесть. Ложь всегда казалась ему удобным и эффективным средством, помогающим легче добиться цели.

– Не переживай так, моя девочка! А ну-ка, а ну расправь бровки! Что нахмурилась, мой котёнок?

Такие слова донеслись вдруг до его слуха. Они были произнесены мягким приятным мужским голосом, принадлежащим очевидно тому, кто следом за этими словами ласково погладил его по волосам. Дима обнаружил, что сидит с закрытыми глазами, склонив голову на грудь. Он резко выпрямился в кресле и увидел над собой блестящие стекла очков Мелемаха.

– Что это вы? – спросил он.

– В смысле? – не понял Мелемах. Он стоял перед Димой, держа в руках стул.

– Ну это вот – моя девочка, котёнок? Это вы сказали?

– Нет, не говорил ничего такого... Что вы обо мне думаете? Какая же вы девочка, Дмитрий? Да и котёнок из вас совершенно никакой. Скорее злая собака.

– Ну спасибо!

– А что такое? Вы что, хотите быть котёнком?

– Да уж хотел бы. Но не для вас, конечно.

– Ну слава богу, что вы от меня не ожидаете ничего такого.

А скажите, приятно всё-таки у нас разговор идёт?

– В смысле? Что в нем приятного?

– Я о том, что говорите вы теперь без запинок, прямо и откровенно то, что думаете.

Дима в очередной раз согласился с ним. Действительно, он не чувствовал мучительной неловкости в разговоре, желания что-то утаить, недоговорить. Как же это легко, подумал он, быть честным. Просто говори всё как есть.

– Итак, вам показалось, что вас сейчас назвали девочкой и котёнком?

– «Моей девочкой», – уточнил Дима, подняв указательный палец.

– Неважно. Поговорим об этом позже. А сейчас вот о чём – давайте выясним истоки вашей лжи.

Он уселся на стул, вытащил из кармана халата какой-то прибор и положил его на колено.

– Что это? – спросил Дима.

– Ну так. Устройство записи. Типа диктофона.

– А зачем же?

– Для профилактики. На пути к правде для вас не должно быть никаких затруднений, понимаете? Даже осознание того, что ваша речь записывается и может быть впоследствии где угодно и кем угодно воспроизведена, не должно вас смущать. Правда всегда стоит того, чтобы её сказать, какой бы она не была. Вы готовы?

– Ладно, – ухмыльнулся Дима, – готов.

– Итак, помните ли вы, когда в первый раз солгали?

– Нет.

– Хорошо. А помните ли вы какой-нибудь существенный случай вашей лжи, который сильно смутил вашу совесть? Нечто такое, что оставило дискомфортный отпечаток в вашей памяти? Не спешите, подумайте.

Дима решил последовать его совету – не стал отвечать наспех, и честно попытался вспомнить что-нибудь такое, о чём говорил Мелемах. Некоторое время он молча перебирал в памяти случаи обмана девушек, коллег, друзей, родственников. Вспомнил, как в школе на уроках альтернативной математики постоянно обманывал учительницу. Он словно вдруг увидел себя, худого и бледного, за партой рядом с красивой одноклассницей, а напротив, за учительским столом, сидела огромная женщина со стальным взглядом. В те времена Диме казалось, что она весит килограмм двести, так велика и мощна она была. Она носила длинные платья и платки, в несколько слоёв намотанные на шею, и всегда была только с одной причёской – с пучком волос, заколотым на затылке спицами. Никто не мог вообразить её в другом виде, это казалось невозможным, чтобы Ирена Альдебарановна пришла с распущенными волосами или, скажем, в джинсах! Хотя джинсы таких размеров наверно не выпускались.

В то время в стране происходил патриотический бум в связи с международными спорами о территориальной принадлежности некоторых участков темной стороны Луны. Правительство одной страны утверждало, что эти зоны яв-

ляются их исконными территориями ещё с прошлого тысячелетия, а другая ссылалась на результаты боевых действий, закрепивших её право на захваченные земли. Так вот, чтобы выразить своё отношение к национальной проблеме, все граждане носили на шее платки чёрного цвета. Чёрного, потому что этот цвет намекал на тёмную сторону Луны. Дима частенько забывал повязать перед походом в школу платок, а если и не забывал, то являлся с грязным и помятым. А на уроке, задумавшись, часто жевал его. Ирена Альдебарановна всякий раз, увидев это, приходила в ужас и сурово отчитывала его, поясняя, какие идеалы символизирует чёрный платок.

Каждое занятие она начинала с того, что спрашивала Диму – сделал ли он домашнее задание? Он, холодея изнутри, но стараясь выглядеть уверенным, отвечал спокойным тоном, что да, сделал. Тогда она требовала его тетрадь, смотрела и видела, что там ничего нет и ставила ему очередную двойку.

– Зачем ты опять соврал? – спрашивала она, протыкая взглядом его растрёпанную голову.

Он молчал, потупившись, и жевал галстук. А обманывал он учительницу в надежде, что когда-нибудь она поверит ему и не станет проверять домашнее задание.

Но это воспоминание вряд ли что-то значило, к тому времени он обманывал уже легко и никаких угрызений совести не испытывал.

Он впал в сонное расслабленное состояние, ему было приятно сидеть вот так в кресле с закрытыми глазами, и даже присутствие Мелемаха несколько не мешало. Наверняка это препарат действует так волшебным, – подумал он.

– Дмитрий, не отвлекайтесь. Постарайтесь сосредоточиться. Вспомните другие эпизоды – когда ложь доставляла вам моральное неудобство, – сказал Мелемах.

Дима задумался над его словами о моральном неудобстве. Было ли такое? Ещё как было. И причём в последние годы очень часто. Он же постоянно врал девушкам, с которыми встречался. Врать приходилось потому, что встречался он иногда с двумя или даже с тремя. Например, у него запланирована встреча с одной на вторник, поэтому другой он говорит, что во вторник занят, будет весь день работать и встретиться не сможет, зато свободен в среду. И вот наступает среда, когда он встречается со второй. Она его спрашивает, как он время провёл, что делал. А он уже, конечно, забыл, что говорил раньше, ведь сложно запомнить неправду, и отвечает, что ничего, в общем, не делал, встречался с друзьями или ходил с братом в баню. Девушка сразу понимает, что про вторник он тогда наврал, но не догадывается, что и эти новые сведения тоже ложь. И остаётся в недоумении, зачем же он сказал неправду – может просто хотел отдохнуть от неё? А то что у него засос на плече, длинные черные волосы на одежде и спина поцарапана, она старается не замечать. Но рано или поздно таких несовпадений становится слишком много

и она ставит его перед фактом обмана. И спрашивает наконец: «А что это у тебя, засос что ли? И волосы чьи? А кто поцарапал?» Вот тут-то и возникало моральное неудобство. Диме становилось неловко, и он говорил что-то в том духе, что засос сам себе поставил ради смеха, волосы не знает чьи, наверно упали с кого-то в метро, а спину кошка поцарапала, когда он заходил в гости к другу-кошатнику. Или всё сваливал на тренажёрный зал.

– Но мучила ли вас совесть в таких случаях? – вдруг раздался в его голове голос Мелемаха.

Он не мог понять, то ли это на самом деле Мелемах его спросил, то ли это он сам себя мысленно спросил, но голосом Мелемаха. На всякий случай он ответил:

– Не особо. Ну так, бывал конечно неприятный осадок, но если мне удавалось ловко отвертеться, то совесть становилась на своё место.

– Копните глубже.

Предложение «копнуть» вызвало в его воображении образ лопаты – старой, отполированной множеством рук, местами в ржавчине и с засохшей землёй. Он мысленно взял её и копнул, надавил ногой, чтобы поглубже она ушла во что-то такое, во что он её воткнул, а затем постарался поднять вместе с грузом. Очень тяжело она шла, корни сорняков плотно держали весь пласт. Он надавил ещё и она потихоньку поддалась.

Он шёл куда-то через лес и думал о своих учениках. Обер-

нувшись, он увидел их – нескольких мужчин и одну женщину, сидящих на поляне. Она улыбнулась ему ободряюще и сказала беззвучно одними губами:

– До встречи.

Он кивнул и пошёл дальше.

Он шагал по высокому разноцветному мху, мягкому как пышный ковёр. Поначалу вокруг росли сосны, но спустя несколько минут они сменились ясенем. Он искал какой-то определённый ясень, который приготовил заранее, но не мог вспомнить, по каким признакам должен узнать его. Вскоре он увидел особенно крупный экземпляр – в два обхвата шириной и высотой метров сорок-пятьдесят. Он сразу понял, что это тот самый ясень, потому что на его нижнем суку висела верёвка с петлёй. Взобравшись на дерево, он ловко прошёл по толстой ветке до верёвки и сел. Некоторое время он сидел неподвижно, глубоко вдыхая запахи леса, затем подтянул верёвку и просунул голову в петлю. Какое-то неприятное чувство задерживало его – такое, с каким нельзя прервать цепь перерождений, если бы он захотел это сделать. Прислушавшись к себе, он понял, что это за чувство – его задерживали угрызения совести.

Странно, – подумал он, – и всё-таки странно. Я обманул моих учеников. Я учил их одному, а сам сделал совсем другое. Никогда ещё не было между нами лжи, и я первый, как это ни удивительно, солгал. К чему это приведёт?

И он спрыгнул с дерева.

– Всё ясно, – раздался громкий смех Мелемаха. – Вот после того случая вы стали врать легко и обещать всё что угодно. Так мы и думали.

– Кто – вы? – удивился Дима, открыв глаза и подняв голову.

– Не важно. Причина вашей лжи одновременно является её следствием, вот такая интересная диалектика. Соврав в самом начале, вы создали порочный круг – нужно снова и снова лгать, чтобы оправдать первую ложь. Забавно звучит, да – «оправдать ложь»? Но вы, кстати, уже почти совершили конверсию.

– Что я совершил? – не понял Дима.

– Ну, обращение. Вы уже изменились. Осталось только искоренить причину самой первой лжи, исправить её. Исправить то, что вы сейчас рассказали мне. Ваш первый обман.

– Но как!? Я вообще не понимаю, что сейчас такое видел и что вам рассказал...

– О, не переживайте, всему своё время. Кстати, знаете такую поговорку: «Кто правдив, то праведен»?

– Нет, не знаю.

– Конечно, не знаете, я только что её придумал. Удачная, да?

– Вообще-то не очень.

– Да, согласен. Зато вы говорите искренне, и это победа.

– Но с вами легко говорить искренне, вы не обижаетесь

на правду. А другие обижаются.

– А вас это не должно тревожить, Дмитрий. Вы не отвечаете за других, за их чувства. Это от вас не зависит. Вы отвечаете только за то, что зависит от вас. А от вас зависит только одно...

– Говорить правду? – закончил за него Дима.

– Да, совершенно верно, – Мелемах раскрыл диктофон, который всё это время держал в руке и вытащил из него сигарету. Заметив недоумение Димы, он помахал коробочкой перед его глазами.

– Не удивляйтесь, всё в порядке. Это не диктофон, а портсигар. И у меня есть слабости, покуриваю иногда, – улыбнувшись, сказал он. – Будете?

Дима неуверенно кивнул. Мелемах вытащил ещё одну сигарету и протянул ему. Порывшись в карманах, он нашёл старую пластмассовую зажигалку и дал Диме прикурить.

– Обман с диктофоном, как вы уже наверно поняли, нужен был, чтобы заставить вас говорить правду, ничего не боясь.

– Да-да. Вы уже объясняли, – кивнул Дима, затягиваясь. Первая же затяжка вызвала приятную слабость и головокружение, он невольно растянулся в довольной улыбке.

Примерно минуту они молчали, Мелемах смотрел куда-то в потолок, подперев голову рукой с сигаретой, а Дима смотрел на него и думал, какой же он всё-таки классный, какой же добрый и человечный. Странно, но дым в свете тусклой лампы казался сиреневым, как будто в комнату проник вол-

шебный туман. Голова кружилась всё сильнее и сильнее, и Дима подумал, что сейчас бы наверняка упал, если бы не сидел в кресле.

– А между тем, – вдруг сказал Мелемах, – вам следовало бы отказаться от сигареты. Ведь курение – это подачка вашей слабости. Поощрение лжи. Вы же знаете, что на Зоне курение запрещено. Впрочем, вы бы точно отказались, если бы знали, из чего сигарета состоит.

– Но вы же сами... – Дима судорожно оглянулся в поисках пепельницы.

– Да, предложил. Ну так это была провокация. Кстати, обратите внимание, я даже не зажёл мою сигарету.

– А из чего же она состоит?

– А какая вам разница? – холодно спросил Мелемах, глядя ему прямо в глаза. – Вы что, химик, чтобы разобраться в формуле препарата, которым пропитана сигарета?

Диме стало жутко под его взглядом – так наверно, подумал он, смотрят на подопытных мышей в лабораториях экспериментаторы. Втыкают в них какие-то иглы, кормят всякой отравой, а потом вскрывают маленьким скальпелем и с чисто научным интересом изучают, что там внутри. А мышь ещё живая.

– Что ж, не исключено, что когда-то вы были мышью, – раздался голос Мелемаха. – Хотя воспоминания такого рода проявляются крайне редко. Даже рассказывают случай, когда человек вспомнил, как был растением!

– Что было в этой сигарете? – с трудом произнёс Дима – нижняя челюсть онемела и почти не двигалась, язык отяжелел.

Мелемах осторожно забрал сигарету из его бесчувственных пальцев.

– Вы уже спрашивали об этом. Давайте лучше поговорим о вас. И не мучайтесь над произнесением слов, поверьте, я и так отлично слышу и понимаю всё, о чём вы думаете. Расслабьтесь. Лучше опустите голову, закройте глаза, подумайте о чём-то приятном.

Дима послушно опустил голову и закрыл глаза. И ещё открыл рот – он заметил, что так ему легче. Его не смущало, что сейчас он вероятно очень похож на олигофрена – слишком уж тяжело было стараться выглядеть прилично. Любое усилие казалось невозможным, только полная безоговорочная расслабленность.

Он попытался подумать о чём-то приятном, следуя совету Мелемаха, но в данной ситуации ничто не представлялось ему приятным. Вместо приятного он задумался о том, был ли он когда-то мышью или, ещё хуже, растением. Как тогда можно говорить, что это был он? Что было от него в мышши или в растении? Что это за «Я» такое, которое может перейти из растения в человека, а потом, скажем, в мышшь, и при этом оставаться их главной характеристикой? Из чего оно состоит, это «Я»?

– Ну и вопросыки вы ставите, – он услышал смех Мелема-

ха. – Лучшие учёные умы Зоны бились над этой проблемой и ничего не добились. Хотя как сказать, в каком-то смысле добились. Было доказано: для того, чтобы понять, что такое дуально-универсальный шаровой абсолют, то есть то, что в простонародье называют душой, а вы называете «Я», нужно достичь абсолюта. То есть прервать цепь перерождений. Ну, или впасть в нирвану, обрести мокшу, или взойти на высшую ступень в иерархии Зоны – получить бирюзовый бейдж. Иначе говоря, принципиальная неразрешимость проблемы. Тот кто не достиг абсолюта, не способен понять, что такое душа (ну или это ваше «Я»). А значит, тот кто достиг, не сможет объяснить тому кто не достиг, что это такое.

Но странно, что вы сейчас думаете об этом! Важнее было бы вспомнить ваши лживые предыдущие воплощения. Как вы были несчастны всегда, проводя каждую жизнь в обмане – обмане себя и других. Осознать этот бесконечный порочный круг несчастий, вызванных ложью. И увидев это, вы сможете всё изменить.

Помолчав, Мелемах добавил:

– У вас слюни изо рта падают. Но это ничего.

Дима никак не отреагировал на его замечание. Он только вообразил, что вытирает рот рукой, смыкает челюсти, поднимает голову, распрямляет спину, но понял, что не способен на такие усилия.

– Этот препарат способствует пробуждению вашей памяти, – продолжил Мелемах. – Самое сильное и эффективное

средство. Если сейчас не получится, то вы безнадежны.

– Если я безнадежен, то меня выпустят отсюда? Обратное, домой? – вдруг спросил Дима.

– Черт! – вскричал Мелемах. – Ты вот ты о чём мечтаешь? Здесь твой дом! На Зоне! Тебе некуда больше идти! Ты давно уже в тупике, откуда нет выхода, ты уже много тысяч лет в тупике!

Судя по раздавшемуся скрипу, Мелемах встал со стула. В следующий момент Дима получил сильный подзатыльник.

– Идиот, идиот, – зло повторял тот, снова и снова ударяя его по голове. – Идиот!

Я знаю, подумал Дима, я знаю – это ты не со зла делаешь, а в специальных целях, ты уже делал такое, чтобы добиться нужного эффекта в лечении. Мне всё равно, бей меня хоть ногами, я знаю, ты неплохой.

Видимо, в какой-то момент Мелемах ударил слишком сильно, потому что Дима почувствовал, что теряет сознание. В глазах потемнело, он потерял связь со своим телом, верх и низ вдруг пропали, как будто он, бестелесный, парил в невесомости, вернее даже не парил, а был нигде, и даже не был, потому что он ни о чём больше не думал и ничего не ощущал – его самого теперь не было.

– Улисса, моя девочка, пора вставать, – услышал он ласковый голос. Он открыл глаза и стянул с головы одеяло. Прямо над ним нависало черноусое мужское лицо. Смуглое, худое, с правильными чертами, жёсткие черные волосы зачё-

саны назад, глаза карие. Его можно было назвать красивым, грутально красивым. Диме показалось это лицо знакомым и родным, он высвободил худые тонкие руки из-под одеяла и обнял черноусого красавца за шею, что-то сонно бормоча в его горячую кожу.

– Моя маленькая, кофе готово, – его мягкий ласковый голос не очень вязался с грутальной внешностью, но ясно было, что такой голос предназначен только для неё.

Улисса скинула одеяло и потянулась, краем глаза она заметила аккуратный маникюр на своих руках. Да, маникюр прекрасный. Странно, что любимый не говорит об этом, может он не заметил. Эх, мужчины такие невнимательные... Она ещё раз потянулась – как бы не нарочно, но так, чтобы любимый просто не мог не заметить ногти.

– Чудесный маникюр, – сказал он. – Очень красиво.

– Правда, нравится?

– Да. Просто прекрасно.

Его тон показался ей искренним и с лёгким сердцем она встала с кровати.

– Документы готовы, утром принесли, – сказал черноусый и указал на тумбочку под зеркалом, где стоял свежий букет роз. Уже вечером мы сможем с тобой уехать.

– Ура! – воскликнула Улисса и залилась счастливым звонким смехом. – Там же нас никто не найдёт?

– Никто, – улыбнулся мужчина.

Она, совершив полный оборот в имитации танца, легко

подлетела к тумбочке и подхватила с неё паспорт. Открыв первую страницу, она увидела свою фотографию и текст под ней: «Улисса Тлалок». Фото показалось ей не самым удачным и она на секунду сдвинула брови. Красивая светловолосая девочка, но немного нахмурившаяся и как будто недовольная. Она посмотрела в зеркало и нахмурилась. Хотя нет, ничего, в принципе даже мило.

Он подошёл сзади и обнял её за плечи.

– Послушай, Улисса...

– Да? – быстро обернулась она.

– Не всё может пройти гладко. Но я всё предусмотрел.

– Что предусмотрел?

– Я выяснил, кем мы будем в следующей жизни. И придумал, что сделать, чтобы мы там нашлись.

– Это прекрасно, но хотелось бы, чтобы и в этой всё было хорошо... А кем мы будем в следующей жизни?

– Как раз об этом я хотел сказать, – улыбнулся черноусый и вдруг заговорил стихами:

Когда мы встретимся с тобой,

Ты будешь мужем, я женой.

Опять нарушим этикет –

Я подарю тебе букет.

– Фу-у-у... Ты хочешь сказать, я буду мужиком, а ты девкой?

– Неважно, дорогая. Просто запомни эти стихи, хорошо? – он обнял её. – Мне сейчас надо отойти по делам, а ты собери пока вещи. Договорились?

– Тьфу, не хочу, чтобы ты был бабой... Я в ванну сначала. Пока ванна набиралась, Улисса, стоя напротив зеркала над раковиной, размышляла о его словах про возможные проблемы и следующие жизни. Её немного беспокоило то, что он зачем-то заговорил об этом. Ей хотелось бы, наконец, всё устроить уже в этой жизни, здесь и сейчас. А будущее, тем более в другом теле и с другой личностью, казалось совсем непритягательным и нереальным. Хотя, если верить достоверным источникам, они уже много тысяч лет находят друг друга и любят. Но иногда их находил кто-то другой, кто по непонятой причине не хотел, чтобы они были вместе.

Лёжа в горячей ванне, она читала книгу. Нельзя сказать, что книга была очень интересной, какая-то нелепая мелодрама. Хотя при такой высокой температуре любая книга читалась одинаково – читаешь и не понимаешь почти ни слова.

Выйдя из ванны, она повертелась перед зеркалом, разглядывая себя с разных ракурсов. «Бедные мужчины», – почему-то подумала она. Она бы долго ещё могла так стоять, если бы не шум за дверью.

– Улисса, ты здесь?

Она удивилась, что он вернулся так быстро. Может, что-то случилось. Сразу вслед за его словами раздался сильный грохот, как будто упало что-то тяжёлое. Затем быстрые ша-

ги. Она торопливо накинула полотенце и открыла дверь. Перед ней стоял человек. Вроде бы она уже видела прежде эту высокую кривую фигуру, жёлтое лицо с огромным носом и ушами-лопухами, за которые были зачёсаны жирные черные волосы. Правый рукав его плаща был мокрый и с него капало. Улисса поняла, что это кровь.

Он улыбнулся, нагло глядя прямо ей в глаза. Она что-то крикнула и замахнулась, чтобы ударить его, но он её опередил.

Повышение и спор с демоном

От сильного толчка Дима очнулся и сквозь пелену, застилающую глаза, разглядел кусок больничного халата и кафель под ногами.

– Сука! – пробормотал он, ещё не совсем понимая, где находится. – Сука, Ярик, я узнал тебя! Я убью тебя!

– Что он сказал? – услышал Дима чей-то знакомый голос. – Какого черта вы ему такую дозу вкололи? Да и таблетки на ночь?

– Этот проверенный метод, всегда работало... Не переживайте, он не в сознании и всё ещё бредит... – оправдывался другой.

– Да вы всё испортили! А вдруг он всё поймёт?

– Ничего он не поймёт, не волнуйтесь. Вы же так учили – увидев свою лживую натуру в предыдущих воплощениях, пациент отрекается ото лжи в настоящем... К тому же вы сами ему морфики подсунули ещё до Зоны!

– Это другое дело! Нужно было разрушить его восприятие себя, заставить понять, как жалок он на самом деле по сравнению с тем образом, который посещал его в видениях. И это подтолкнуло его к Зоне!

– Ну... У нас всегда в запасе есть ДТП.

Дима поднял, наконец, голову и увидел перед собой тех, кого и ожидал увидеть – он узнал их по голосам – Мелемаха

и Ярика. Оба замолчали и внимательно посмотрели на него. Он заметил, как сильно они взволнованы.

– Очнулся? Как себя чувствуешь? – спросил Ярик.

– Нормально. Только голова кружится и тошнит.

– Это наверно потому что твой доктор сильно бил тебя по лицу минут пять, – язвительно произнёс Ярик, взглянув на Мелемаха.

– Я не так уж и сильно бил, – ответил Мелемах. – И вы сами прекрасно знаете, Ярослав Ламирович, что требовалось срочное пробуждение.

– Дим, что ты видел? Помнишь чего-то?

Дима покачал головой, задумчиво посмотрел в пол, стараясь не скашивать глаза, чтобы не выдать себя, и соврал:

– Нет... Ничего, вроде, не помню...

– Это правда? – спросил Мелемах.

– Правда... Ничего.

Ярик с Мелемахом переглянулись.

– Ладно, Дим, можешь идти. Поешь, отдохни, поспи. Сейчас обед как раз будет, – улыбнувшись, Ярик потрепал его по плечу.

Дима медленно поднялся с кресла и направился к выходу, покачиваясь при ходьбе. Но перед тем как выйти, он обернулся к Мелемаху и Ярику, молча стоящим у кресла, и всё-таки задал беспокоивший его вопрос:

– Ярослав, – он почему-то не осмелился назвать его Яриком, – а что ты здесь делаешь? Как ты здесь оказался?

– Ну как, мы же с тобой друзья, – неестественно расхохотался тот, – ты забыл что ли, что мы друзья? Вот я и зашёл посмотреть, как проходят твои сеансы.

– А, ну понятно. Ну я пошёл.

– Ну иди.

Глубоко вдыхая свежий воздух, Дима некоторое время постоял на тротуаре, пока не прошла тошнота. Он не знал, поверил ли ему Ярик, что он ничего не помнил из своих видений. Теперь он, наконец, ясно понимал, кто такая Улисса Тлалок. Как же он раньше не сообразил, что тогда в Банке реинкарнаций, когда он пытался узнать, кем был в прошлой жизни человек, приславший цветы, ему по ошибке принесли анкету его собственного предыдущего воплощения. Наверно просто ему не хотелось признавать, что он прежде был женщиной и такой расклад исключался его сознанием. Зато теперь он точно знал, что ему следует делать. Бежать отсюда, выбраться за пределы Зоны, куда не дотянутся руки этих маньяков во главе с Яриком. Он вернётся домой, и всё станет как раньше, никогда больше он не свяжется с Банками и Зоной, ни за что не пойдёт ничего узнавать и выяснять. Как говорилось в одной древней поговорке – меньше знаешь, дольше едешь.

Какого черта им нужно от меня, – недоумевал Дима по дороге в столовую, – и чего они прицепились так? Если верить видениям, они (не понятно правда кто эти – они) преследовали его и раньше, всю вечность его преследовали. Он

вспомнил сумеречного незнакомца, которого повстречал на площади. Тот советовал ему бежать и даже дал подсказку как. Что же, надо дожидаться когда стемнеет и идти к операционной, остаётся надеяться, что лестница всё ещё там.

В столовую Дима пришёл уже в разгар обеденного времени. За одним из столиков он заметил Мармелиха, сидящего в одиночестве. Забрав поднос с едой зелёного цвета, он подсел к нему. Мармелих сильно изменился со вчерашнего дня, он выглядел очень уставшим и замученным, как будто давно не спал. Он уныло смотрел в свою тарелку и в его взгляде не оставалось и следа прежнего легкомысленного оптимизма.

– Привет, – сказал Дима, стараясь сделать голос бодрым. – А где Рамолай?

– Он... – Мармелих тяжело вздохнул и выронил ложку в зелёную кашу, – он попал в ДТП.

– Его машиной переехало?

– Смешно, – Мармелих ответил злобным взглядом. – Можно и так сказать. Всей этой огромной машиной, – и он широким жестом указал вокруг.

– В смысле?

– Приятного аппетита, – Мармелих встал, забрал поднос и направился к другому столику.

Оставшись наедине, Дима задумался о ДТП. Не в первый раз он слышал эту аббревиатуру, и не в первый раз ему казалось, что здесь, на Зоне, в эти буквы вкладывается какой-то особенный смысл. Впрочем, ему не очень хотелось это знать.

После обеда он около часа прогуливался по парку. Он ходил вокруг памятника Первому, присаживался на скамейки, разглядывал прохожих. Обитатели Зоны со светлыми лицами и ясными глазами не торопливо, но и не ленив шли куда-то по своим делам. В их уверенных шагах сразу была заметна целенаправленность, они точно знали, куда и зачем идут. И Дима отчасти завидовал им.

– Привет! – вдруг кто-то окликнул его.

Дима обернулся и увидел Ярика. Тот с радостной улыбкой подошёл нему и уселся рядом на скамейке.

– Я тебя обыскался, – сказал он весело. – Не думал, что ты будешь созерцать памятник Первому.

– Что случилось? – холодно спросил Дима, ожидая какого-то подвоха.

Ярик хитро посмотрел на него и запустил руку в карман плаща. Странно, подумал Дима, что Ярик не одевается как все на Зоне. Ни комбинезона, ни бейджа.

– Тебе интересно, что я достану?

– Нет, – честно ответил Дима.

– Вот здорово, – Ярик радостно расхохотался. – Не зря Мелемах работал над тобой! Ты научился говорить правду, не уклоняясь, и не пытаешься больше соврать по любому поводу.

Он вытащил из кармана зелёный бейдж и повертел его в длинных пальцах:

– Поздравляю! Тебя перевели сразу на третий уровень!

Ты стал зелёным!

– Правда? – удивился Дима. – Это за какие успехи?

– Ты научился говорить правду без усилия. Конечно работать над собой тебе ещё предстоит много, нужно научиться правильно думать, правильно действовать, правильно говорить... Но ты и так сделал крутой рывок – у некоторых годы уходят только на то, чтобы на второй уровень перебраться!

– А это твоё личное решение повисить меня? – с иронией спросил Дима.

– Нет, ты что! Совет высших решил на основании данных сеансов реабилитации. Завтра с утра будет церемония повышения в Центре перехода. Так что встречи с Мелемахом не будет – тебе повезло! – Ярик опять расхохотался. – И не опаздывай!

Он поднялся и крепко хлопнул Диму по плечу.

– Ладно, старик, удачи! Кстати, бейдж пока не надевай, это я под мою личную ответственность выпросил раньше срока и тебе принёс, как старому другу. Завтра наденешь.

– Постой! – окликнул его Дима.

Ярик остановился в ожидании вопроса, всем своим добродушным видом показывая, что он полностью в Димином распоряжении.

– А что такое ДТП?

– Это... Слушай, Дим, долго рассказывать. Давай в другой раз, ок? А то я опаздываю немного.

Ярик убежал и скоро исчез из вида за спинами прохожих в

темной кленовой аллее. Дима некоторое время сидел и смотрел ему вслед, на жёлтые клёны, на таинственный сумрак между ними, на тучи, чернеющее вдали. Где-то там сверкнула молния и спустя несколько секунд протяжно загрохотало. Что же, ливень очень кстати для побега, подумал он. Главное, чтобы он не закончился быстро.

Придя в свой номер, Дима включил планшет, чтобы поискать информацию об иерархии «просветлённых», как он называл про себя людей с бейджами. Порывшись в разделах и подразделах портала, он вскоре обнаружил диаграммы, показывающие соотношение количества обитателей Зоны, имеющих разные бейджи. Больше всего, несколько сотен тысяч человек, имели синие знаки отличия, как Дима уже знал – начальный уровень. Затем шёл красный. На следующем, зелёном уровне, оказалось всего несколько сотен, и он невольно испытал прилив гордости, почувствовав себя избранным. Далее шли оранжевый, небесно-голубой, жёлтый, розовый и бирюзовый. Последнего, бирюзового бейджа, Дима ни разу не встречал. Судя по примечанию к диаграммам на него претендовал (но не обладал им) только один человек.

Дима понял, что он попал в число немногих, и теперь наверняка другие обитатели Зоны будут смотреть на него с уважением, ведь он новичок, а уже получил зелёный! Он достал бейдж, прикрепил его к груди, прошёл в ванну и встал у зеркала. Удачно сочетается с цветом глаз, – подумал он. Вдруг ему вспомнилось недавнее видение, как он почти так же вер-

телся у зеркала, только в облике привлекательной девушки. Ему стало неловко и он вернулся в комнату. Всё-таки был здесь есть какой-то подвох, ему казалось странным его поспешное повышение. И вряд ли истинный зелёный стал бы думать о том, как к нему отнесутся другие жители Зоны, и прикидывать, удачно ли смотрится на нем бейдж. С другой стороны, он не сомневался в собственных успехах – он больше не испытывал потребности постоянно говорить неправду и мог наверно, отбросив всякое смущение, сказать любому в лицо всё, что думает на самом деле. И вдруг он почувствовал, что совсем не хочет бежать с Зоны.

За окнами уже стемнело, густой дождь заливал улицы, прогнав прохожих. Отсюда, с высоты, Дима мог различить сквозь водяную завесу только туманные серо-синие очертания домов и мутные шары света фонарей. Он открыл раму и высунулся наружу. Кое-где угадывались контуры безлюдных дорог и бесформенные кроны деревьев, шумящих под ветром и ливнем. Сложно будет найти более подходящее время для побега, – подумал он.

Он сел на кровать. Нужно было принять решение, которое никак не хотело приниматься. Лечь ли сейчас спать и пойти завтра в Центр перехода, где торжественно, а может и не торжественно, повысят его до зелёного, и все, кто ниже, будут смотреть на него с уважением и восхищением? А послезавтра опять будет Мелемах с его зверскими методами, и так день за днём, месяц за месяцем, терпеть три года, пока он

не сойдёт с ума от отчаяния... А если он приложит усилия и быстро поднимется до оранжевого или голубого и тогда уже сам будет решать, заседаю в жюри, кого поднять, а кого нет? И Мелемах ему будет не страшен? Или не лечь?

Нужно прислушаться к своему внутреннему голосу, демону, как называли его здесь на Зоне, – подумал Дима с сомнением. – Вдруг он подскажет, как быть. Отринуть свои представления о личной пользе и выгоде, и понять, в какую сторону его призывает демон. Закрыв глаза, он попытался выбросить из сознания всё постороннее и сосредоточится на внутреннем стремлении. Некоторое время, несколько минут, он не находил в себе никакого стремления, позыва или предпочтения по вопросу Зоны – остаться ли ему или бежать. Демон молчал. Наконец Дима сообразил, что не совсем очистил сознание – вместо этого он воображал демона, с рогами и хвостом и ждал он того каких-то конкретных указаний. Стерев образ черта, он попытался сосредоточиться на себе. И заметил, что теперь он напряжённо думает о том, что думает о том, как бы ему заставить внутренний голос заговорить. Он потряс головой, как бы прогоняя все мысли, и вновь спросил себя: чего он хочет на самом деле? И внезапно понял, что то, чего хочет он, Дима, сознающий и воображающий, резко расходится с тем, чего хочет какая-то его внутренняя сущность, какое-то его потаённое «Я», которое даже сложно назвать «Я». Неужели это и есть демон или та самая «ДУША», о которой говорят в Зоне? – подумал в изум-

лении. Но стоп, не отвлекаться, не думать о постороннем! Снова обратившись на себя, он обнаружил, что часть его, сознающая и мыслящая, хочет остаться на Зоне, жить здесь, получать повышения, пользоваться успехом и авторитетом. А другая часть, потаённая, призывала его уйти с Зоны, причём не предлагая никаких аргументов в пользу этого. Просто она говорила, что он не должен здесь оставаться, это будет ошибкой, не правильным выбором. Не было сомнений, что он услышал наконец голос своего демона. Но странно – этот демон не был полностью им самим, потому что сам он всё-таки хотел другой вариант, всё же признавая при этом, что демон прав.

Учитель и его ученики

Когда наступила ночь и стихли все шаги, он решил, что пора. Он выключил свет и осторожно вышел из комнаты, стараясь не шуметь и не скрипеть дверью. Правда, двери здесь в принципе не скрипели. Он аккуратно прошёл по коридору к лифту, легко ступая по гранитным плитам. У лифта он остановился в нерешительности. Хотя лифт перемещался в шахте вполне беззвучно, всё-таки его движение могли заметить с улицы. Чтобы не рисковать, он отправился вниз по лестнице. Но вскоре пожалел об этом – в тёмных лестничных пролётах каждый его шаг отзывался эхом, и ему пришлось сбавить скорость. Даже собственное дыхание казалось ему слишком громким, но он утешал себя тем, что этого наверняка никто услышать не может.

В холле на первом этаже горел свет. Что же, он и должен гореть в холле, – подумал Дима, и медленно, озираясь по сторонам, направился к выходу. Стойка администратора пустовала. Наверно, ушёл спать, на Зоне ведь нет смысла сторожить всю ночь, здесь нет злодеев. Но у стеклянных дверей его окликнули. Он резко и испуганно оглянулся и увидел администратора, сидящего на диване в углу холла, за колонной и цветами.

– Доброй ночи, – дружелюбно сказал тот. – Вы кажется с тридцать пятого этажа?

– Да, я оттуда.

– Не слышал лифт. Вы что, пешком спустились?

– Ну да. Решил размяться. Хочу вот прогуляться перед сном.

– Хорошей вам прогулки. Не промокнете! Там дождь идёт.

– Ещё нет, – решил пошутить Дима. – Сейчас выйду и пойдёт.

– В смысле?

– У меня фамилия – Дождь.

Администратор промолчал и ласково улыбнулся.

Дима вышел, мысленно ругая себя за непродуманность действий. Надо было ехать на лифте. И зачем он назвал свою фамилию, к чему была эта дурацкая шутка?.. А зачем администратор пожелал ему «не промокнуть»? Это же явное издевательство – как можно гулять под дождём и не промокнуть?

Несколько минут Дима мокнул в темноте, пытаясь сообразить, как ему поступить дальше – не лучше ли вернуться в номер и лечь спать, пока его не поймали или всё-таки нужно продолжить путь. Хотя, подумал он, администратор вряд ли станет кому-то докладывать о его прогулке под дождём. Это конечно странно, гулять в темноте под ливнем, но кому какое дело до его пристрастий, может он, таким образом, хочет стать чище и правдивее. Разобравшись, где северная сторона, он двинулся в том направлении. Он ещё никогда не

доходил до операционной и не знал, как она выглядит, но надеялся, что там должна быть какая-то надпись. Центральную площадь он обошёл по периметру, по тенистым аллеям, чтобы точно не быть никем замеченным. Правда, замечать его было некому, улицы пустовали.

За полчаса он дошёл до северной стены и двинулся вдоль неё, рассчитывая наткнуться на следы стройки. Время от времени они ему мерещились и он залезал в кусты, растущие у стены, и искал там лестницу. Через час он потерял надежду выбраться с Зоны и подумывал уже о возвращении в общежитие. Что решит администратор, увидев его глухой ночью на пороге, насквозь мокрого, в комьях земли? Размышляя об этом, он брёл по разбитому асфальту, вяло поглядывая в темноту. Впереди, слева от дороги, проступили смутные очертания одноэтажного здания, похожего на солнечную обсерваторию. Дима отчего-то сразу понял, что это и есть операционная. Наверно ему это подсказал демон, по каким-то неявным признакам вычислив, что расположенное здесь здание может быть только операционной. В одном окне горел свет. Ему представился хирургический стол и несчастный обитатель Зоны на нем, над которым ставят бесчеловечные опыты. Когда-то в детстве он видел научно-популярный фильм про эксперименты над людьми. В фильме рассказывалось про тех, кто переселился во время войны на тёмную сторону Луны. Спустя годы они сильно мутировали – у них пропала речь, зрение и слух, а сознание трансформирова-

лось в нечто иное, так что разумными их больше нельзя было назвать. Прежним остался только внешний облик, да и то не совсем. Вот над этими-то бедолагами и ставили эксперименты, не считая их больше за людей. Прекратилось это после того, как учёные доказали, что они не просто мутировали, а эволюционировали, превратившись в сверхлюдей.

Он свернул в заросли одуванчиков и сразу наткнулся на лестницу, лежащую почти у самой дороги. Это была длинная узкая металлическая лестница, достаточно лёгкая для того, чтобы её мог поднять один человек. Он без особых усилий приставил её к стене. Длины хватало как раз, чтобы взобраться на самый верх. Он сообразил, что лестницу придётся втягивать за собой, чтобы потом по ней спуститься на той стороне, потому что с такой высоты, метров примерно с пяти, лучше не прыгать. Наверху, там, куда уходила стена, светило серое небо – этого тусклого света хватало, чтобы видеть, куда ползёшь. Как всё-таки это оказалось легко, бежать отсюда, – подумал Дима. – А он так всё драматизировал... Ещё пять минут и он вернётся в свой прежний мир! Он поставил правую стопу на перекладину, проверил, прочно ли стоит лестница, и сделал первый шаг.

– Стоять! Стоять на месте! – где-то сзади раздались крики и на стене перед ним замелькали отблески фонарей.

– Не двигаться! Опустить ногу на землю, руками опереться в стену!

Дима посмотрел на смутные очертания верхнего края сте-

ны. Если очень быстро полезть, то они наверно не успеют его задержать. Но потом придётся прыгать с другой стороны – лестницу некогда будет затаскивать... Нет, он не сможет, слишком высоко.

Испытывая ужасную слабость и слыша мощный частый стук в груди, он сделал, что ему приказали. Он боялся, что теперь его ожидает нечто совсем ужасное, такое, что если не убьёт его, но как-нибудь навсегда покалечит. То ли от страха, то ли от отчаяния, а может от всего сразу, его вырвало.

– Ну что же ты, урод, натворил? – это был голос Ярика. Он подошёл и навис над съёжившимся Димой. – Ну куда ты полез? Тебе такое доверие оказали, незаслуженно повесили до Зелёного, лишь бы не убежал... А ты?

В следующую секунду Дима почувствовал удар по голове – Ярик отвесил ему мощный подзатыльник.

– Жалеешь теперь? – спросил Ярик.

– Да, – тихо и слабо прошептал Дима.

– Ещё бы! Теперь тебя такое ждёт! Огого!

– Что меня ждёт? – почти плача, спросил Дима.

– ДТП тебя ждёт. Мы своих не бросаем, – рассмеялся Ярик. – Раз уж взялись за кого, доводим дело до конца. Мы тебя исправим, сучонок. В этот раз точно.

Диму схватили под руки и поволокли куда-то по тёмной дороге.

– Куда вы меня? Куда?

– В Центр консультаций, – раздался голос Ярика у него

над ухом. – Спасибо тебе друг за бессонную ночь.

Дима почувствовал прилив надежды, рассчитывая встретить там Мелемаха. Он почему-то подумал, что тот сможет ему помочь.

Диму дотащили до машины и затолкали в кузов. Когда закрывали двери, он снова увидел Ярика и решил попытаться поговорить с ним.

– Ярик, мы же всегда друзьями были!

– Тьфу ты, – поморщился Ярик. – В прежних воплощениях ты не был таким трусом... Да и какая может быть между нами дружба? Вот скажи – ты спал с моей женой?

Дима растерялся, не зная, что сказать в оправдание и как соврать, но вдруг заметил, что Ярик смеётся. Тот захлопнул за ним дверь, но Дима расслышал его слова:

– Ладно, не бери в голову. Так было надо, придурок.

В кузове было только одно окошко, выходящее в кабину водителя. Через мутное стекло Дима различал головы двоих мужчин. Пока ехали, Дима пытался придумать план дальнейших действий, точнее, решить, как ему себя вести и что говорить, чтобы не нарваться на особенно крупные неприятности. Но при этом он чувствовал, что от его поведения и слов ничего не зависит, и всё уже решено. Он ощутил прилив какого-то дикого, животного страха и вспомнил о девушке из Банка. Странное чувство охватило его, как будто он её предал и подвёл. И это чувство оказалось даже на какой-то миг сильнее страха. Он не мог понять, почему вспомнил имен-

но её. Ему было почти физически больно думать о ней, как будто только она имеет для него значение, и он должен ей, обязан, и весь он есть только ради неё. Но почему, почему! – мысленно воскликнул он, – кто она такая мне? Что я должен ей и чем обязан? Что за мучения и навязчивые идеи, за что я так страдаю?.. Мелькнула мысль о том, что хорошо бы сейчас умереть, но быстро и безболезненно, так, чтобы он ничего не заметил и не почувствовал.

В Центре консультаций его отвезли на лифте вниз, в подземную часть здания, и куда-то повели по коридорам. Он шёл, свесив голову и понуриив плечи, еле передвигая полу-согнутые ноги и покачиваясь от слабости. Мимо по обеим сторонам коридора проплывали двери с длинными номерами на металлических табличках. Судя по номерам, – вдруг заметил он про себя, – в этом помещении безумное количество этажей и помещений. Вот 1556988, далее 1556989, затем 1556990 – все номера идут по порядку, значит, где-то должен быть номер один. Номера показались ему смутно знакомыми, но сейчас ему было не до того, чтобы думать об этом, он вообще не мог сосредоточиться на какой-нибудь одной мысли. Ни одного человека не встретили они в этих коридорах, никто не выходил из дверей и за ними не раздавалось ни звука, только его шаркающие шаги и топот сопровождающих. И удивительно яркий свет с потолка.

Напротив какой-то двери его схватили за плечо и резко остановили. Ярик вошёл в комнату первым, за ним завели

Диму. Там, обнимая правой рукой спинку высокого кресла, стоящего на кафельном полу, ждал Мелемах, как обычно, в белом халате и зеркальных очках. Он глядел на гостя и странно улыбался.

– Присаживайтесь, Дмитрий! – сказал он. – Вот уж не думал, что вы такой сложный пациент.

Дима подошёл к креслу и остановился в полуметре, охваченный паникой.

– Садись, – резко сказал Ярик.

– Вы понимаете, – вдруг тонким голосом заговорил Дима, – я ни при чём. Я не виноват.

– Да? – противным нежным тоном передразнил Мелемах. – Так мы же вас, Дмитрий, ни в чём и не обвиняем.

– Это всё мой демон виноват. Он мне сказал, что бежать надо, а я его послушался.

– Как же легко вы предаёте самых близких! – рассмеялся лысый и, взяв Диму за руку, уверенно усадил в кресло. – Нет ничего страшнее, чем предавать самого себя.

– Я обещаю, что больше не буду...

Ярик поморщился:

– Ох, заткнись. Сейчас мы с тобой поговорим, а потом – ДТП. Мелемах Аркеселаевич, вашу мать, ну скоро?

– Так нет шприца и препарата, Ярослав Ламиринович, задерживается ваша медсестра.

– Почему это она моя? Что вы имеете в виду? Она просто медсестра. Не говорите глупости.

Дима заметил, что Ярик тоже надел очки, точно такие же непрозрачные, как у Мелемаха. Они оба склонились над Димой и некоторое время молча на него смотрели.

– А что такое ДТП? – выдавил из себя Дима, просто для того, чтобы они не молчали.

– А это, мой дорогой, – сказал Ярик, – Длительная Терапия Правдой. Хотя, на самом деле, терапия-то не такая уж и длительная. Длителен период восстановления после неё. Вы вот два года восстанавливались, да? – и он весело подмигнул лысому. – Помните, как под себя полгода ходили и в коляске сидели с синей рожей? Говорить не могли и всё плакали, плакали...

– Как же не помнить, помню, Ярослав Ламиренович! Я трудный был пациент, тяжёлый. Никак не хотел понимать.

– Ну а Дима, я думаю, не такой трудный и тяжёлый. Хотя и тебе без ДТП, как видишь, не удастся обойтись. Но всё по твоей же вине.

В комнату торопливо, часто стуча каблуками, вошла высокая медсестра в коротком белом халате. Поваяло сильным ароматом духов с оттенками лилий.

– Ой, извините, что опоздала, – тяжела дыша, сказала она, – я так бежала.

– Могла бы не краситься и не душиться, – недовольно сказал Ярик, – тогда бы не опоздала.

Девушка подошла ближе и Дима увидел, что это Катя. Не взглянув на него, она поставила на маленький столик ме-

таллическую коробку, вытащила из него ампулу с резиновой пробкой, шприц, и ловко его заправила.

– Но я уверен, что можно обойтись без ДТП! – тонким голосом воскликнул Дима.

– Тс-с-с, – прошипела Катья, вводя ему в вену иглу. – Ты даже не знаешь, что это за терапия такая правдой. Тебе принесёт большую пользу, котёнок.

Дима замолчал, понимая, что спорить с ними бессмысленно. Теперь он просто ждал, что будет дальше. Все вдруг вышли и он услышал их приглушенные голоса в соседней комнате, но конкретных слов разобрать не мог. Его не удивило, что здесь появилась жена Ярика – сейчас его ничто уже не могло удивить. Его беспокоило только то, что эта непонятная терапия искалечит его навсегда, что он больше никогда не будет самим собой.

– А я всё слышу! – раздался из-за стены смех Мелемаха. – Не сочиняйте, ДТП вам поможет! И что это вы выдумали – «искалечит», «не буду больше самим собой»... Не вижу ничего такого хорошего в вас, за что стоило бы цепляться. Да и вы сами тоже так считаете.

Я говорю вслух!?! – подумал Дима.

– Да, – заходя в комнату, ответил Мелемах. – И очень громко. Вам уже знакомо действие этот препарата. Так что вы в курсе – врать нам сейчас бесполезно. Мы слышим всё, что вы думаете. Итак, мы побеседуем, если вы не возражаете. Ярослав Ламирович, вы идёте?

Ярик принёс с собой стул. Усевшись напротив Димы, он забросил ногу на ногу и сложил сцепленные в замок руки на колене, как бы приготавливаясь к долгому разговору. Катя встала за его спиной, положив руки на спинку стула.

– Итак, Дима, зачем ты решил бежать? Только перед тем, как отвечать на мои вопросы, имей в виду – ответы мы знаем лучше, чем ты. Так что будь наконец уже честен.

– И примите свою участь с достоинством, – добавил Мелемах.

Заметив ужас, который отразился в глазах Димы после этих слов, Ярик поспешил сказать, сурово взглянув на Мелемаха:

– Не пугайся, Дима. Это просто поговорка такая. А в участи твоей, поверь мне, ничего страшного не будет. Ещё спасибо скажешь.

– Если заново научитесь говорить, – опять вставил Мелемах.

– Замолчите же! – повысил на него голос Ярик. – Оставьте ваши дурацкие шутки! Ну, Дмитрий, мы ждём ответа.

Помня о сеансах «правды» с Мелемахом, Дима решил даже не пытаться что-то умалчивать. Возможно, подумал он, его открытость обеспечит ему хорошее отношение и прощение грехов... Хотя какие у него грехи перед этими сволочами? Им-то он точно ничего дурного не сделал!

– Ну вот, Дима, опять, – огорчённо сказал Мелемах. Опять вы ругаетесь, опять вы злы и несправедливы. Мы же с

вами это уже проходили. Во-вторых, за грехи не важно перед кем отвечать, главное – отвечать. И, в-третьих, нам не за что вас прощать! Мы хотим вас спасти!

– Вернёмся к нашему вопросу, – вмешался Ярик. – Почему ты решил бежать?

Собравшись с духом, Дима рассказал про незнакомца, который подходил к нему на площади пару дней назад и предложил план побега, про странный сон, где он в облике девушки принимал ванну и, наконец, про видение на последнем сеансе с Мелемахом, когда он опять обернулся той же девушкой. Вот тогда-то, объяснил он, ему стало понятно, что в прошлой жизни он был женщиной и звали его Улиссой Тлалок, и он очень любил кого-то, а этот кто-то любил его, но им мешали, почему-то не давая быть вместе. И, похоже, во многих жизнях они любили друг друга.

– Я тогда в Банке не понял, что мне дали мою анкету, я думал, что Улисса Тлалок это та девушка, что прислала букет. А потом, когда я пришёл в следующий раз, узнавать про моё предыдущее воплощение, мне сказали, что доступ заблокирован. Но после сна я всё понял...

– Да, – сказал Ярик. – Тебе тогда по ошибке, из-за смены персонала, дали твою анкету. А затем мы распорядились, чтобы, когда ты в следующий раз придёшь, всю информацию закрыли.

– Ты хотя бы понимаешь, почему попал сюда? – помолчав, добавил он.

– Конечно, я хотел начать новую жизнь...

– А почему ты хотел её начать? Я тебе отвечу почему – потому что мы приложили к этому серьёзные усилия. Помнишь морфики? Твоё увольнение? Кстати, Катя тоже внесла большой вклад. Это она подстроила так, что Аня застукала вас в том кафе. А затем обиженная и преданная тобой Аня рассказала все начальнику. И он, разумеется, тебя уволил. И ты пошёл наконец к нам, в Зону.

– Я тогда сидела с тобой в кафе, – вмешалась Катя, – смотрела на тебя, и думала – как же ты жалок и ничтожен. Боже, и ещё мне пришлось с тобой спать, какая гадость... Тьфу. Поверить не могу, что когда-то ты был их учителем... Ну разве это он, милый? – обратилась она к Ярику. – В нем же ничего не осталось от того, первого...

– Самое главное осталось, – холодно ответил Ярик. – Демон. Это ведь он подтолкнул тебя к побегу, так ты нам сказал?

– О чём это она? – слабым голосом спросил у него Дима. – Что она такое говорит? Какой учитель?

– Отвечай! Ты прислушался к голосу демона?

Дима кивнул.

– А ты хотя бы понимаешь, кто такой этот твой демон?

Дима помотал головой.

– Этот демон и есть ты сам. Вернее то, что сохраняется от воплощения к воплощению. Всё остальное временно, исчезает и умирает вместе с телом – память, разум, сознание,

личность. А он – вечен, он – это ты. Хотя, вернее было бы сказать «он – это он», потому что ты, лично ты, сидящий перед нами сейчас – это не он, а совокупность информации, приобретённой в этой жизни. Но сейчас мы разбудим твоего демона, поверь. Ты вспомнишь всё.

– Тут я бы вас поправил, – вставил Мелемах. – Демон всё же перенимает кое-что из прошлой жизни своего тела-носителя.

– Да, – согласился Ярик. – Это странный феномен. Единственное, что перерождается вместе с демоном – это любовь. Это всегда ставило нас в тупик. Мы не знаем, почему это происходит, но она не умирает с гибелью тела. Если бы не эта проблема, мы бы с тобой давно благополучно разобрались.

– В смысле? Что это значит? – Дима совсем перестал понимать, о чём они говорят.

– Ну, понимаешь ли, вы уж очень упорно любили друг друга. В каждой жизни вы искали друг друга и находили, и умирали с твёрдой верой в то, что встретитесь снова. А между тем давно уже было пора прервать цепь перерождений!

– Ты о чём это, Ярик? Что ты такое говоришь!?

– Многие тысячи лет мы пытаемся избавить тебя от страданий, ибо таков наш долг. И если бы не эта девка, которая постоянно нам мешается, мы бы уже давно сделали это, и сами обрели бы покой.

– Да ты чего? Зачем я вам сдался? Ярик, я не хочу прерывать никакой цепи, я хожу жить и жить, а уж там после

смерти пусть само всё как-нибудь повернётся...

– Само, мой дорогой, ничего не повернётся. Надо повернуть при жизни. А сдался ты нам затем, что ты один из нас. Ты был наш флагман, ведущий. Но ты свернул с пути. Ты обманул нас и заразил этот мир ложью. И наша цель – вернуть тебя на путь истины.

– Да ты что? Ты издеваешься надо мной, да? Скажите, Мелемах Аркеселаевич, он издевается?

– Нет, – Мелемах покачал головой. – А я, кстати, не один из вас. Я подключился уже на этом этапе, в этой жизни. Вернее меня подключили – с помощью ДТП. А ведь ещё в предыдущем воплощении я был ничего не понимающей, глупой торговкой травами под Лиможем и не знал, какие перемены меня ждут!

Ярик строго на него взглянул.

– Я просто о том хотел сказать, – торопливо продолжил Мелемах, – что между моими воплощениями не было связи. Я не помнил прошлых жизней и не знал, кем стану в следующей. А вот вы помнили.

– Кто, я? – воскликнул Дима. – Да я уверяю вас, вы ошибаетесь, вы меня вообще путаете с кем-то! Я и в этой-то жизни смутно помню, что со мной было, а что уж говорить о прошлых!

– Это ты научил нас помнить предыдущие воплощения и управлять последующими, – сказал Ярик. – И более того, ты научил нас выбирать родителей и будущий пол.

– Но я-то не умею этого! Я не помню ничего и не знаю, кем был и буду!

– О, нет! – расхохотался Ярик. – Ты специально выбирал другой будущий пол, чтобы замести следы. Ты думал, что так нам будет труднее найти тебя. Но мы всё равно находили тебя. Высока была цена, чтобы уйти от нас! И ради чего?

– Ради чего? – переспросил Дима.

– Это я тебя спрашиваю – ради чего?

– Не знаю я, ради чего...

– А я тебе напомню – ради женщины. Что может быть глупее?

– Это вопрос? – спросил на всякий случай Дима.

– Риторический. Ответ мы и так знаем – ничего не может быть глупее! Вы полюбили друг друга и решили, что будете вместе всегда, в каждой новой жизни. И ты предал нас – ты решил не прерывать цепь своих перерождений, а рождаться снова и снова, чтобы быть с ней! Ты уже не помнишь конечно, что она была шлюхой, которая увязалась за тобой в каком-то грязном городе... В каждой новой жизни мы искали тебя, чтобы вернуть на истинный путь, но, проклятье – вы с ней находили друг друга раньше и всё портили. Потому что ваша любовь следовала за вами во всех воплощениях. Ты ведь знал, что забыв всё в новой жизни – ты не забудешь о любви! Потому что она перерождается с демоном!

– Даже когда они оба рождались одинакового пола? – спросил Мелемах.

– Это сейчас очень важно? – жёстко обратился к нему Ярик. – Или просто любопытство? Но я отвечу вам – да, даже и тогда. Для любви это не имеет значения.

Дима вспомнил о когда-то прочитанных результатах научных исследований в области формирования сексуальной ориентации. Кажется, после серии экспериментов, охватывающей период в сто пятьдесят или более лет, было установлено, что сексуальная ориентация и выбор партнёра частично обусловлены предыдущими воплощениями. Например, если в прошлой жизни подопытный в облике девушки любил мужчину, то появлялась определённая вероятность, что и в следующей жизни, став мужчиной, он будет по-прежнему любить мужчину. Некоторые учёные полагали, что это происходит из-за способности любви проецироваться на последующие жизни, и в новых воплощениях человек бессознательно искал подобие своего избранника из прошлого. Механизм этого процесса передачи памяти после смерти тела так и не был объяснён из-за принципиальной невозможности проведения эксперимента над тем, что перерождается – ДУШАми, или, как говорили на Зоне – демонами.

Пока в Диминой памяти всплывали обрывки когда-то полученной им информации из каких-то полузабытых источников, Ярик продолжал говорить, глядя ему в глаза и активно жестикулируя. Он размахивал руками в такт своей речи, плавно и размерено, как бы дирижируя словами. Спустя какое-то время Дима заметил, что внимательно смотрит Ярику

в лицо, но ничего не слышит. Сделав значительное усилие, он сосредоточился на органе слуха и движущийся рот Ярика наполнился звуками.

– Так вот, дорогой мой друг, – говорил тот, – любовь серьёзная помеха. Как, впрочем, и все другие чувства, эмоции, страсти. Всё, что лишает нас душевного покоя – это препятствие на пути к нирване. Нужно освободиться от всего, если ты хочешь, наконец, прервать цепь перерождений...

– Но я не хочу ничего прерывать, – слабо запротестовал Дима. Ему опять стало дурно, он почувствовал, что сейчас потеряет сознание или стошнит. – И я никого не люблю, нет у меня никаких привязанностей и влечений...

– Любишь! Ещё как любишь! – вдруг закричал Ярик так, что Дима вздрогнул. – Прислушайся к своему демону, он тебе скажет правду!

– Сейчас? – Дима с трудом поднял глаза на Ярика. – Я не слышу сейчас демона...

– Нет-нет, сейчас не надо. Но я уверен, ты слышал его в моменты страха, крушения надежд, больших потерь – он говорил тебе о тех, кто подлинно тебе дорог.

– О ком вы вспоминали в такие моменты, Дмитрий? – подключился Мелемах.

Дима задумался, и ответ пришёл почти сразу – он вспомнил девушку из Банка.

– Да-да, это она! – воскликнул Мелемах. – Как же вы могли предать своих учеников? Отказаться от высшего блага –

просветления, и ради чего? Ради какой-то шлюхи!? – Мелемах в искреннем изумлении покачал головой. – Я в шоке! Как это мелко, ничтожно... Если бы не уверения Ярослава Ламировича в вашем былом величии, я бы ни за что не поверил...

– Сучка, – кивнул Ярик, – опять всё хотела испортить.

– Кто – она? – Дима и так всё уже понял, но хотел знать наверняка. – Прекрасная девушка из моих снов и видений? Та, что была в прошлой жизни мужчиной – Калипсо, который прислал мне в эту жизнь букет цветов?

– Наконец-то, Улисса, – шумно выдохнув, сказал Ярик. – Моя девочка!

Комнату перед глазами Димы вдруг резко заволочло густым сиреневым туманом, который стер лица двоих его учителей, кафельные стены, пол и потолок. Он перестал чувствовать кресло, на котором сидел и даже своё тело, он больше не мог видеть и слышать. Как только всё вокруг пропало, он подумал о том, что, может быть, он умер и таково состояние между смертью и жизнью, когда душа покидает телесную оболочку и витает непонятно где. Ничего нет, только сознание, которое сознает само себя. Но спустя мгновение пропало и сознание.

– И что же тогда перерождается? – спросил его тощий и носатый.

– Ваша сущность, Демон.

– А почему мы не должны любить и иметь привязанности?

– Потому же, почему нельзя лгать. Любовь и привязанность не отпускают вас от мира, вы не можете разорвать цепь перерождений, пока вас связывают с ним какие-то сильные чувства. Так же и ложь – она есть вера в то, что реалии этого мира имеют вес и значение. Кто говорит неправду, тот искажает реальность и ещё больше увязает в ней.

Он сидел на валуне на небольшой поляне в сосновой роще. На соседних валунах располагались несколько человек в мешковатых накидках. Трава на поляне давно вытерлась и площадка превратилась в утрамбованную землю – встречи происходили здесь часто. Тощий, который задал вопрос, показался Диме странно знакомым. Он сидел на камне, сдвинув острые колени и сложив на них руки, а на руки положив голову с непомерно длинным носом и растопыренными ушами. Он предано смотрел на Диму, но Дима не мог понять, кто это.

– Есть ещё вопросы, перед тем, как я уйду? – сказал он.

– Учитель, – спросил другой, – ты научил нас сохранять память и выбирать тело для будущего воплощения. Зачем это нужно, если наша цель – прервать цепь перерождений?

– На всякий случай, – улыбнулся Дима. – Вдруг кто-то из нас передумает по какой-то причине прервать свои перерождения. Тогда остальные последуют за ним сквозь пучину времён, помня о прошлом, и снова направят его на истинный путь. Во-вторых, если кто-то не сумеет прервать цепь в этой

жизни, он будет помнить о своей цели в последующих.

– Нам будет не хватать тебя, – сказал тощий и носатый.

– Нет. Ведь скоро и вы будете там же, где и я. Мы сольёмся с вами в гармонии Вселенной, мы будем одно целое друг с другом и со всем миром. И для вас, как и для меня, больше не будет страданий и сомнений.

– Мы последуем за тобой, учитель.

Дима развернулся и направился по тропинке в глубину рощи. Там всё было готово для его ухода.

– Учитель! – окликнул его женский голос.

Он обернулся. На одном из камней, в кругу мужчин, сидела девушка – единственная среди его учеников. Несмотря на грязный серый балахон, спутанные длинные волосы и по колена испачканные в глине ноги, она была красивой. Улыбнувшись, она добавила одними губами, так, чтобы только он понял:

– До встречи.

– До встречи, – кивнул он и пошёл дальше.

Он шагал по густому глубокому мху, зелёному и бирюзовому, утопая в нем по лодыжку. Потом мох сменился травой, сосны исчезли, уступив место ясеню. На одном из них, вероятно, самом крупном – в два обхвата шириной и высотой в тридцать-сорок человеческих ростов – на нижнем суку висела верёвка с петлёй. Легко взобравшись на этот сук, он уселся на нем, подтянул верёвку и просунул голову в петлю.

Подумав о чём-то, он покачал головой, вдохнул глубоко

лесного воздуха, в котором угадывались запахи цветов, травы, влажных испарений от земли и лилий в ручье, и прыгнул вниз.

Возвращение домой

– Как же ты нас обманул тогда! – услышал он гулкий голос Ярика, доносящийся как будто издалека. Разлепив глаза, Дима увидел свет лампы в лицо, Ярика и Мелемаха, и руку одного из них, которая методично била его по голове, куда-то в область левого уха. Спустя несколько секунд он очнулся окончательно и понял, что находится в той же комнате, в том же кресле. Мелемах перестал бить его и внимательно посмотрел в глаза.

– Нет лучшего способа, чем бить по голове находящегося без сознания – в голове ведь мозг, – сказал он и обернулся к Ярику. – Он вернулся.

– Ну что, – спросил Ярик, приблизив к нему лицо. – Вспомнил теперь? Я один из твоих учеников. И я иду следом за тобой сквозь время, чтобы вернуть тебя на истинный путь, учитель. Вы с ней обманули нас, вы хотели быть вместе вечно, в каждой новой жизни. Вы искали друг друга, а мы твои верные ученики, искали тебя. Обманув нас, ты совершил ошибку – ты породил ложь, которая тысячелетия отравляла тебе жизнь. С тех пор, с той первой лжи, ты должен был лгать снова и снова, в каждом новом воплощении.

Дима пошевелил пальцами на руках, подвигал ступни вверх-вниз, приподнял голову – чувствительность вроде бы вернулась к его телу. Он слышал всё, что говорит Ярик, но

не слушал его, обратив внимание внутрь себя, на поток образов, быстро сменяющих друг друга. Теперь он легко и отчётливо, в верной последовательности увидел все прожитые жизни, и было их так много, что он сразу же потерял им счёт. Океан воспоминаний захлестнул его огромной волной, и он ошеломлённый, сбитый с ног, унесённый от привычных берегов, пытался теперь собрать мозаику своей жизни. И миллионы, или даже миллиарды кусочков складывались во множество разных, удивительно непохожих и не связанных между собой картин.

– Почему же я ничего не помнил всё это время? – вдруг прервал он Ярика, взглянув ему прямо в глаза. – Я же научил вас сохранять память о прошлых жизнях. Куда же делась моя память?

– Ну, понимаешь ли, процесс запоминания прошлой жизни и воспоминания о ней в следующей требует определённых действий перед смертью, специальных медитаций. Но нам удалось несколько раз обнаружить и убить тебя внезапно, чтобы ты не успел подготовиться и запомнить, кто ты. Так, мы надеялись, ты забудешь кто она, эта твоя любовь, не станешь её искать и нам будет проще вернуть тебя на истинный путь, – улыбнулся Ярик. – Но ты же не сказал нам тогда, что любовь перерождается вместе с демоном!

– Понятно. Всё понятно, – кивнул головой Димой. – И что теперь вы будете делать со мной?

– Это правильный вопрос. Мелемах Аркеселаевич, рас-

скажете нашему другу?

– С удовольствием, Ярослав Ламиренович! – Мелемах снял со стены телефонную трубку и произнёс в неё: – Каталку. В операционную.

Повесив её на место, он обратился к Диме:

– Конечно, расскажу. Теперь, Дмитрий, вас ожидает ДТП.

– Как? Разве то, что вы сейчас делаете со мной – это ещё не ДТП?

– Разумеется, нет. Мы всего лишь сделали вам укол, который высвобождает воспоминания о прошлых жизнях. Мы с вами и раньше уже делали это. Но сейчас мы достигли максимального эффекта... А ДТП, мой дорогой, это Длительная Терапия Правдой. Процедура очень, как вы уже наверно поняли, тяжёлая. Но она вам поможет подготовиться к прекращению перерождений.

Ярик согласно покивал, а Мелемах продолжил:

– В конце пути, Дмитрий, вы действительно дойдёте до конца пути. Вы обретёте потерянную веру, познаете истину, вы сделаете верный выбор, вы избавитесь от страданий и станете примером для всех остальных – сделаете то, что должны были сделать много тысяч лет назад. И мы сможем тоже, наконец, вслед за вами уйти из этого мира. Хорошо, что современные технологии типа ДТП позволяют упростить процесс перехода. Верно, Ярослав Ламиренович?

– Верно, всё верно. Раньше было хуже, столетиями мы пытались вразумить тебя с помощью разговоров и пыток. Обу-

читать тому, чему ты учил нас – но чего стоят пустые убеждения! Они бесполезны!

– А где она? – спросил Дима.

– Что? – удивлённо переспросил Мелемах и посмотрел на Ярика. – Кто она?

– Ну, она. Моя любимая ученица? – по мере того, как воспоминания упорядочивались и складывались в единую картину, он чувствовал себя всё увереннее, а недавний страх перед Яриком и Мелемахом полностью исчез. Он вдруг осознал, что не он должен их бояться, а они его.

– А, вот оно что! – улыбнулся Ярик. Они с Мелемахом совсем близко склонили к нему лица, так, что в непрозрачных стёклах их очков он увидел четыре своих отражения. Он вспомнил, что когда-то (теперь ему казалось, что это было очень-очень давно) он уже видел эту сцену – в кошмарных снах люди со стеклянными глазами требовали от него какой-то правды, угрожая пытками.

– Забудь о ней, – жёстко сказал Ярик. – Считай, что она мертва.

– Я сам разберусь, как мне считать, – спокойно ответил Дима. Он вдруг понял, почему они так близко склоняли к нему головы – до этого момента он говорил шёпотом.

Ярик с Мелемахом в недоумении переглянулись.

– Что ты хочешь этим сказать?

– Я хочу сказать, что вам удалось.

– Что удалось?

– Вы разбудили моего демона, – и Дима резко ударил Мелемаха головой в переносицу. Тот повалился на пол и стукнулся затылком о кафель. Ярик распрямылся и сделал шаг назад. По его лицу было заметно, что он растерян и удивлён, и не может решить, как ему поступить. Катя выбежала из комнаты.

Дима встал и потёр пальцами лоб – очки на носу Мелемаха поранили его кожу.

– Ну так где она? – спросил он Ярика.

Видимо что-то в его облике, а может в манере поведения сильно изменилось, потому что Ярик теперь смотрел на него совсем иначе – наверно это был страх.

– Ты напрасно это затеял, – сказал он неуверенно, – ты же слышал, Мелемах вызвал каталку. Сейчас здесь будет несколько крепких мужчин, ты не справишься с ними. У тебя нет подготовки, ты уже давно не воин... И сюда мчится охрана – Катя пошла её вызывать. Давай ты сейчас сядешь обратно в кресло, а про Мелемаха скажем, что это он сам упал? Он подтвердит, когда в себя придёт...

– Где она? – повторил Дима.

В комнату вошли двое мужчин в белых комбинезонах и с красными бейджами. Они и правда были крепкими, как и обещал Ярик. Посмотрев безразлично на лежащего на полу Мелемаха, на его разбитые очки, они перевели вопрошающие взгляды на Ярика.

Ярик устало кивнул головой на Диму:

– В операционную его.

Мужчины послушно двинулись к Диме. Как только они приблизились на расстояние шага, он быстро схватил со столика оставленный Катьей пустой шприц и воткнул в шею ближайшему. Второй бросился на него и повалил на пол, вероятно, намереваясь применить силовой захват, но Дима успел оторвать зубами ему ухо. Пока тот корчился от боли, Дима поднялся, сплюнул кровь, взял столик за ножки и несколько раз сильно ударил его по голове.

– Ты прав, – обратился он к Ярику, ставя столик на место. – Я давно уже не воин. Но ведь главное не физическая сила и умения, а сила духа, верно, мой глупый ученик?

Ярик промолчал, лицо у него побелело, и Дима подумал, что он готовится к смерти. Но кое-что отвлекло его внимание. На распахнутой двери за спиной Ярика он увидел номер – 1556999. Знакомые цифры – и он вспомнил – очень похожие были в письме в электронной почте, которые он выучил наизусть: «1556989». Этот вот номер он видел, когда его вели сюда, неподалёку в коридоре.

Он быстро вышел коридор, не взглянув на Ярика. Его ученик был прав, Катя, похоже, вызвала подмогу – с двух концов коридора к нему быстрым шагом шли люди в черных камуфляжах и с какими-то устройствами в руках. Он перешёл на бег.

– Это конец! – крикнул ему вслед Ярик. – Тебе некуда бежать!

На дверях слева и справа мелькали цифры – 1556997, 1556996, 1556995... Дима понял, что не успеет добраться до нужной ему двери раньше, чем охранники доберутся до него, они были уже совсем близко и что-то кричали ему в приказном тоне. Вроде бы они приказывали ему немедленно остановиться и лечь лицом на пол или что-то в таком же духе, но он не мог разобрать слов, только улавливал интонацию. Он прибавил скорости им навстречу и за секунду до столкновения бросился под ноги. Они явно этого не ожидали, двое упали на него, а третий постарался ужалить его прибором, который держал в руке, но промахнулся и ужалил своего. Дима понял, что это электрошокер и ударил неумелого охранника ногой в пах. Пока он возился с последним, пытаясь высвободиться из захвата, подоспели охранники с другого конца коридора. Мощный разряд в спину парализовал его.

Открыв глаза, он понял, что всё ещё лежит на полу. Слева и справа возвышались ноги в черных сапогах и черных штанах, а прямо над ним нависало перекошенное кривоногое лицо. Это был Ярик.

– Достал ты меня, Дождь. Наверно проще будет опять тебя убить.

И вдруг произошло нечто странное – черные ноги повалились в разные стороны, словно срубленные, откуда-то протянулась большая жилистая рука, схватила Ярика за волосы и ударила головой об стену.

– Ну что дружок, ты в порядке? – услышал он знакомый шепелявый голос Велемира Адроныча.

Шок от разряда уже прошёл и Дима сумел встать. Рядом с Велемиром он увидел знакомых: его внучку Марину, парня, которого однажды встречал в клубе (вроде того звали Андрей) и, что его удивило больше всего – брата Василия. На полу лежали обездвиженные охранники и Ярик с разбитой головой в луже крови. Глядя на своих неожиданных спасителей, он почувствовал, что знает их уже очень давно, намного дальше, чем простиралась эта жизнь. Но больше всего его сейчас интересовало, каким образом они здесь оказались и почему именно в этот момент.

– Я вижу у тебя много вопросов, – усмехнулся Андрей.

– Не то слово, – кивнул Дима. – Вы здесь как?

– Маринка держала нас в курсе, – объяснил Велемир Адроныч. – А пришли мы, конечно, не через главный вход. Сам скоро увидишь.

Дима вопросительно посмотрел на Марину, но она ответила раньше, чем он задал вопрос:

– Я работаю на Зоне уборщицей. Это я прислала тебе на почту номер комнаты, где держат твою девушку. А до этого письмо передала тебе на работе, помнишь? И, кстати, не пытайся вспомнить, я никогда не была твоей ученицей! – она засмеялась и кивнула на Велемира Адроныча, – я просто внучка этого старика.

– А письмо всё-таки было ошибкой, – сказал Велемир Ад-

роныч, – эта твоя бабская самодеятельность...

– Ясно, – сказал Дима. – А вы трое – мои ученики?

– Да, – ответил Василий. – Мы те, кто был с тобой с самого начала и кто последовал за тобой. Потому что верили, что твой выбор правильный. Когда мы поняли, что ты обманул нас и не прервал цепь перерождений – после того, когда нашли вас обоих на ясене, мы разделились на два враждебных лагеря. Тех, кто хочет вернуть тебя на прежний путь прерывания перерождений и тех, кто последовал за тобой по новому пути – жизни ради любви.

– Постой-ка, Василий... Ты сказал – «нашли вас обоих на ясене»? Кого ещё, кроме меня?

– Её. Ту, ради которой ты изменил путь. Она последовала за тобой и умерла на том же дереве. Но не для того, чтобы прервать цепь перерождений, а чтобы встретиться с тобой в новой жизни. Твоя ученица.

– Ясно. Нам надо спешить. – Дима кивнул на лежащих на полу охранников. – Возможно, эти ребята были не последние. Кстати, что с ними? Как-то уж совсем они безжизненны.

– А какое это имеет значение? – спросил в ответ Андрей.

Дима с сомнением посмотрел на него, но не стал вступать в древний спор о значимости жизни перед лицом вечности и вечных перерождений – времени на это не было, да и такие споры устраиваются, как правило, для развлечения, а не для разрешения проблемы, которая на самом деле неразрешима.

Он направился по коридору к двери, за которой долж-

на была находиться пленница. Эта ситуация показалась ему знакомой, он смутно припоминал, что когда-то давным-давно, в другом мире и в другой жизни он уже находил похожим образом любимую, но тогда всё кончилось плохо.

Его друзья остались позади, видимо, чтобы не мешать ему. Он остановился у двери и приложил пальцы к металлическим цифрам. Он заметил, что пальцы дрожат и взялся за дверную ручку, но не решился сразу толкнуть её. Трудно было представить, что ждёт его внутри, он уже столько раз терял её за многие тысячелетия. Нельзя привыкнуть к тому, что лишает жизнь смысла, – подумал он.

– Может судьба такая, никогда не достигать цели, но вечно за неё бороться? – сказал он и толкнул дверь.

Ему открылась маленькая, облицованная белым кафелем комната, почти такая же, в какой его мучил Мелемах – за исключением того, что в стене напротив двери сияло квадратное окошко с кусочком яркого неба. Небо на самом деле было серым и блеклым, в тучах, но здесь, в этой темной комнатке, оно казалось чуть ли не ослепительным. Посредине комнаты, спинкой к входу, стояло высокое чёрное кресло. Сидящего в нём не было видно, Дима заметил только две тонкие обнажённые ступни, свисающие с сиденья. Он переступил порог и застыл в нерешительности – слишком безжизненно выглядели эти ступни, такие бывают только у спящего, потерявшего сознание или...

Снаружи поднялся ветер, и где-то в отдалении загрохота-

ло. Раздался вздох, такой тихий, что его едва можно было услышать. Дима подумал, что ему померещилось. Но затем ещё один, чуть громче. Он медленно обошёл кресло и увидел её. Она сидела, уронив голову на плечо, с полуоткрытым ртом и пустым взглядом. Волосы были спутаны и растрёпаны, руки и ноги в черных синяках. Дима склонился и взял её тощие, безвольно лежащие на коленях кисти. Она едва заметно, почти неувлимо вздрогнула. Тогда он прошептал ей на ухо: «Я пришёл за тобой».

– Ну что, я так понял, жива? – спросил Василий, заглядывая в комнату. За его спиной стояли остальные.

– Да, – ответил Дима, – но она явно не в себе.

– Думаю, ей устроили ДТП, хотели наверно заставить достичь nirваны. Мы вовремя успели, – сказала Марина. – Похоже, она еле жива из-за отравления и истощения.

– Ну что, можно тебя поздравить? – улыбнулся Андрей. – Успел-таки? Трудно поверить, я планировал ещё десяток жизней за ней побегать...

– Рано ещё поздравлять, – сухо сказал Велемир Адронич. – Нам бы выбраться отсюда живыми.

Он вытащил из кармана штанов гибкую электронную карту с вшитыми для прочности металлическими нитями. Таки-ми картами пользовались на войне за тёмную сторону Луны – они содержали удивительно точные спутниковые данные о местности, со всеми деталями рельефа, коммуникациями, техникой и живой силой, и регулярно автоматически обнов-

лялись. Впоследствии широкое использование этих карт запретили (они остались только у спецслужб), но старик каким-то образом сумел сохранить экземпляр у себя. Дело в том, что эти карты, помимо точнейших сведений о ландшафте, показывали объекты, которые люди наблюдать не могли. Специальные приборы, способные фиксировать иные пространственные измерения, подтверждали существование этих невидимых глазу объектов, отмеченных в определённых местах картой, но что это за объекты и как они выглядят, никто не знал. Среди военных ходили слухи, что это и есть те самые ДУШи – которые ещё не успели воплотиться в новых телах – но это были всего лишь ничем не подкреплённые догадки.

На карте Велемир Адроныч убрал верхние слои местности и включил схему подземной канализации. Разветвлённая система туннелей охватывала весь город и Зону. Помимо проложенных недавно, сохранились полуразрушенные, полузаваленные, но кое-где и нетронутые временем туннели, построенные ещё в древние времена. Извилистый маршрут, пройденный друзьями Димы, был отмечен на карте пунктиром.

– Конечно, пришлось поплутать, – сказал Велемир Адроныч, – кое-где надо было искать обходные пути.

– Да, – кивнул Андрей, – даже кладку ломали. А уже под самой Зоной полно железных решёток, замучились каждую выламывать из стен.

– Люк здесь, – Велемир Адронич указал пальцем на точку на карте, – в подсобном помещении на первом этаже.

Девушка ещё не совсем пришла в себя, и Дима взял её на руки. Они решили подниматься пешком – по лестнице – опасаясь, что лифт может отключить охрана. Судя по табличке на стене лестничного пролёта, они находились на минус семнадцатом этаже.

– По очереди будем нести, – предложил Василий, кивнув на его ношу.

– Ничего, я сам справлюсь, – ответил Дима.

Пока они шли, он пытался найти недостающие звенья в этой странной истории своей жизни, которую сегодня узнал от бывших «учеников» – Ярика и Велемира Адронича с друзьями. Необычайно трудно было признать себя каким-то «учителем», а этих людей, среди которых старик и родной брат – многотысячелетней давности учениками. Память о прошлых жизнях возвращалась медленно и несчётное множество событий с трудом укладывались в нужной последовательности.

– Кстати, Марина, – Дима остановился передохнуть, миновав восемь-девять пролётов. Он почувствовал, что задыхается – всё-таки нести на руках вверх по ступеням ношу, даже такую лёгкую и драгоценную, оказалось трудным делом, – как ты сумела связаться с моей подругой и записку от неё передать?

– Пришлось подкупить и обмануть много людей. Это бы-

ло сложно, здесь на Зоне люди какие-то несговорчивые, – засмеялась Марина. – Но к счастью всегда существуют наивные доверчивые добряки. Нашёлся тут один старикан, без которого бы ничего не вышло – Рамолай вроде его звали.

– Его вчера на ДТП отправили, – прервал её Дима.

– Вот как... Значит, раскрыли его...

Некоторое время они продолжали путь молча.

– Ну а если бы я не согласился на предложение Ярика и не пошёл бы на Зону? И не стал бы искать свою любовь? – спросил Дима, обращаясь сразу ко всем. – Что бы вы тогда делали?

– Мы были бы только рады, если бы ты не пошёл на Зону, – ответил Василий. – А что касается её, то мы уверены были, что станешь искать. Ты всегда искал свою любовь, даже не помня о ней.

– Ну а если всё-таки не стал бы?

– Но ты же стал, – вдруг сказала она у самого его уха.

Дима вновь остановился, остальные подошли ближе и встали вокруг. Она пришла в сознание.

– Все эти дни я думала о том, почему увидев меня впервые в Банке, ты не понял, что я это я? Мы потеряли столько времени...

– Не знаю... Я почувствовал, но не был уверен. Я не знал. Понимаешь, я был другой и я не помнил ничего о тебе.

– Но ты же чувствовал?

– Да, я почувствовал. И с того момента ты больше не вы-

ходила у меня из головы.

Оставшуюся часть пути Дима преодолел легко. На первом этаже было тихо, кажется, их никто не ждал. Андрей выглянул осторожно из-за двери, ведущей с лестничной площадки, и оглядел помещение. Спиной к нему у стойки сидел администратор в синей униформе и кепке, читая тайком, пока никто не видит, какую-то книгу. Других людей в холле не было. Подсобное помещение со спуском в канализацию располагалось с левой стороны за лифтами. Дима предложил не трогать администратора, чтобы избежать лишнего шума и жертв, и беззвучно пробраться за его спиной. Андрей сделал знак друзьям и пошёл первым, ступая на цыпочках. Следом двинулся Дима, затем Велемир и Василий. Марина шла последней. Шагать беззвучно с грузом на руках оказалось очень нелегко, от напряжения Дима вмиг покрылся потом.

В тишине холла было слышно, как работает титановый позвоночник Велемира Адроныча, как с лёгким шелестом переворачивается страница в книге у администратора, как едва заметно гудят у потолка лампы. Когда Дима уже поворачивал за угол, Марина вдруг шаркнула по кафелю подошвой, причём так громко, что вся компания резко остановилась и вперилась взглядами в спину администратора. Тот медленно развернулся на стуле, снял кепку с лысой головы, спокойно посмотрел на беглецов и улыбнулся:

– Куда собрались?

Это был Мелемах. Из-за сломанного носа улыбка его показалась особенно недоброй. Велемир Адроныч сделал решительный шаг в его сторону, намереваясь, видимо, совершить убийство. Марина схватила деда за руку, заметив, что Мелемах держит пистолет.

В ту же секунду из подсобного помещения за лифтами появились несколько человек, впереди которых шёл Ярик. Охранники с ним были вооружены.

– Жаль, не вышло по-хорошему, – сказал он. – Вы в самом деле думали, что сможете уйти отсюда? Что я вас отпущу так просто?

– А ты в самом деле думаешь, что сможешь остановить нас? – тихо прошепелявил Велемир. – Что мне ваше оружие! Я голыми руками ломал боевых роботов на темной стороне Луны, я в одиночку уничтожил батальон вражеских солдат, я стоял в эпицентре ядерного взрыва, я видел, как люди разлетаются на атомы вблизи чёрной дыры, япил кровь Трёхрогого наумбиса в Альфа Центавре и ел мясо павших воинов, чтобы выжить на краю ойкумены. Я отлит из титана. И ты мне, убогий, угрожаешь со своими придурками в чёрном?

– Я и не знала, что у дедушки такая биография, – с круглыми глазами сказала Марина Диме.

Речь Велемира произвела впечатление не только на неё – когда он двинулся на Ярика, охранники, не зная, что делать, в нерешительности стали переглядываться.

– В чём дело? – обернувшись к ним, закричал Ярик. –

Стреляйте же в него!

Охранники вскинули оружие и открыли огонь по старику. Холл наполнился таким грохотом, что закладывало уши и разобрать чьи-либо голоса стало невозможно. Девушка что-то говорила, закрыв уши ладонями – наверно она просила, чтобы Дима опустил её на пол. От пулевых ударов Велемира резко дёргало, но он держался на ногах и продолжал двигаться навстречу охранникам. Остальные прятались за его спиной, как за прикрытием, Василий с Андреем отстреливались из пистолетов.

Приблизившись к охранникам, Велемир легко схватил ближайшего из них и одним ловким движением переломал ему позвоночник. Другой выстрелил ему в упор прямо в лицо, его голова судорожно откинулась назад, но он не упал и разобрался с этим вторым так же, как с первым. Пока продолжалась перестрелка, Дима стоял, повернувшись к врагу спиной и немного согнувшись, чтобы максимально закрыть своим телом ношу. Когда всё стихло, он обернулся, и увидел, что охранники лежат на полу в неудобных позах, нелепо раскинув руки и ноги, и под ними образуются лужицы крови. Ярополк распластался у стены, прислонившись к ней спиной, он ещё был жив и тяжело смотрел на Диму выпученными глазами. Он был ранен в живот. С другой стороны, у стойки администратора, развалился в кресле Мелемах с дырой в голове.

Рядом с Димой умирали Василий и Андрей, над ними

склонилась перепачканная в крови Марина.

– Это не моя кровь... – пробормотала Марина, взглянув на Диму.

Андрей открыл рот, пытаясь что-то сказать, но из горла вместо слов вырвалась клокотание и на зубах выступила кровавая пена.

Василий, держась рукой за Марину, просипел:

– Мне конец, лысый меня подстрелил... – он улыбнулся, но улыбка получилась какой-то нервной и страшной. – Ты доведи дело до конца. И не переживай из-за нас, мы уже привыкли умирать, не в первый раз. И, видимо, не в последний.

Он тихо рассмеялся, уронил голову на грудь и затих.

– Васька! – закричал ему Дима, – ты чего? А ну подниму голову!

В этот момент раздался выстрел, Марину рвануло к стене – на миг она всем телом прижалась к ней, затем сползла вниз и повалилась на бок. У неё был такой вид, как будто она устроилась для сна – так удобно и уютно она легла – если бы не дыра в груди. Дима оглянулся и увидел в руках у Ярика пистолет.

– Велемир, что же ты! – закричал Дима в спину старику, – что ты допустил? Куда ты смотришь!?

Велемир ничего не ответил, только вдруг прямо, как срубленное дерево, повалился на пол, грудью и головой на руки Ярику. Ярик попытался сдвинуть старика и высвободить руку с пистолетом, но он совсем ослаб от потери крови, да

и тело Велемира, напичканное титановыми костями, весило слишком много.

– И твой железный дровосек не бессмертен, – прошептал Ярик. – Все мертвы. Остались только мы с тобой.

– И она, – ответил Дима, взглянув ей в лицо – она была жива. Её даже не зацепило. Он поставил её на ноги, придерживая правой рукой за плечи.

– Ей просто повезло, потому что она была у тебя на руках. В тебя никто не стрелял, таков был мой приказ.

– Не жди, что я скажу спасибо.

– И что ты теперь собираешься делать?

– Мы уйдём отсюда. И будем жить долго и счастливо. И не умрём ни в один день. Потому что всегда будем любить друг друга и находить друг друга в каждой новой жизни.

– А мы будем всегда идти следом за тобой в надежде вернуть на истинный путь.

– Зачем тебе это нужно, Ярик? Сколько уже было смертей и несчастий... Оставь нас в покое. Прерви цепь перерождений и сам уйди из этого мира.

– Извини, не могу – я твой верный ученик... Я не могу уйти, пока наш учитель заблуждается и остаётся в этом мире. А я ясно вижу, как ты заблуждаешься, цепляясь за земную любовь – она затмила твоё сознание.

– А ты сам никогда не любил? – вдруг спросила Ярика она.

– Нет, в том смысле, в каком говоришь ты, не любил. Я люблю нашего учителя – и это настоящая любовь, великая и

чистая, без всяких примесей. А ваша любовь телесная, она соткана из того, чего на самом деле не существует.

– Нет, – возразил Дима. – Мы с ней как две половинки одного целого. Мы пронесли нашу любовь сквозь тысячелетия, а разве может быть что-нибудь более настоящее и надёжное? Это не временная страсть, не просто желание обладать понравившейся вещью...

– Твоя метафора про половинки бессмысленна – в каждой частичке содержится прообраз всего целого. В тебе самом есть всё, весь мир и вся любовь мира. И чтобы стать всем, раствориться в вечности и любви, ты должен уйти из жизни и больше в неё не возвращаться. Ты должен слиться с космосом, разделить гармонию его бытия. Впрочем, ты и сам всё это знаешь. Не ты ли учил нас этому?

– Не слушай его! – сказала она, обняв Диму за шею, – Он хочет нас разлучить.

– Нет, не хочу. Ваша любовь – временная, а я предлагаю вечность. Ваша любовь – здесь и сейчас, в эту секунду, вот вы встретились и добились, чего хотели – вы вместе. А дальше что? Ничего. Всё, конец, больше нечего искать, потому что вы нашли друг друга. Смысл земной жизни не в том чтобы найти – но в постоянном поиске. Её цель – не находить то, чего ищешь. Не лучше ли отказаться от этого бессмысленного дела?

– Но ведь там, вне жизни, не будет нас – её и меня, – прошептал Дима, прижимая её к себе. – Не будет больше нико-

гда.

– Наоборот. Там будете вы, везде и всегда, во всём, в настоящем, прошлом и будущем, и вас будет не двое, вы будете одно со всем миром.

– Любимый, не слушай его, пожалуйста, мы уже столько раз это проходили, сколько раз он уже пытался отнять тебя у меня, но ты всегда делал правильный выбор и мы всегда оставались вместе. Убей его.

– В самом деле, – кивнул Дима, – сколько раз мы уже это проходили... Десятки? Сотни? Тысячи?.. Каждый раз одно и то же, бесконечная история – найти, любить, умереть...

– Что ты такое говоришь? Разве нам плохо было вместе? Я хочу, чтобы мы просто были с тобой, жили с тобой в этом нашем мире, как все люди, любили друг друга!

Дима покачал головой и указал на лежащие вокруг трупы.

– Смотри, сколько жертв каждый раз. Наши близкие, наши любимые и друзья снова и снова погибают – ради нас с тобой. Не пора это прекратить?

Она посмотрела на него с ужасом и так крепко стиснула руку, что он почувствовал, как её ногти впились в кожу. Она явно не понимала, почему он сомневается вместо того, чтобы уйти отсюда вместе с ней и стать счастливым, зачем медлит здесь и задумчиво глядит на мёртвых – тех, кому уже всё равно и кто готовится к новой жизни.

Словно прочитав её мысли, он ласково ответил:

– Моя девочка, сколько нелепых жизней я прожил, ожи-

дая тебя, если бы ты только знала... Вспоминая мою последнюю жизнь, я испытываю только стыд и разочарование, и мне странно, что я всерьёз тратил своё время на всё то, чем я занимался... И сколько ещё бессмысленности, глупости и позора я вынесу в предстоящей бесконечности перерождений? Может быть, уже хватит?

– Давно уже хватит, – прохрипел Ярик, лицо у него совсем побелело. – Отпусти его, или иди вместе с ним. Погрузись в вечность вместе с любимым и вы уже всегда будете неразлучны. В этом парке, рядом с памятником Первому, растёт огромный ясень. Он ждёт вас, верёвки уже на суку и петли сделаны. Вы можете исправить ошибку, которую совершили тогда, много тысяч лет назад, из-за которой всем нам пришлось столько всего пережить.

– Ты согласна? – спросил её Дима.

– Я пойду за тобой, что бы ты ни решил. Хотя мне бесконечно страшно.

– Я люблю тебя.

– Прощай, учитель, – Ярик слабо взмахнул рукой, сжимая в пальцах бирюзовый бейдж. – Он твой, ты его заслужил. Значит, мы больше никогда не увидимся? Моя миссия выполнена и я свободен?

Дима кивнул.

Они вышли из здания под тёмное грозовое небо. Дул ветер, кроны деревьев сгибались под его напором, как будто кланяясь. Где-то далеко, за стенами Зоны грохотало и свер-

кали молнии. Начинался дождь. Было очень странно вот так идти и думать о том, что это твои самые последние шаги в мире, что ты никогда сюда не вернёшься, не вдохнёшь этот ветер, не увидишь это небо, не промокнешь под дождём, не ощутишь рядом её тело. Он сжал её маленькую тонкую кисть в своей, почувствовал трепет и страх, и огромная нежность захлестнула его. Он остановился, прижал её к себе, обнял, поцеловал в лоб, испуганные глаза, бледные щёки, дрожащие губы, пульсирующую шею.

– Не бойся. Всё будет хорошо.

Она вскинула брови, пожала плечами и отвела взгляд.

Они пошли дальше. Впереди открылся вид на памятник Первому. Четыре образа, высеченные в камне, выступали темным силуэтом на фоне клубящихся в вышине туч, сурово глядя во все стороны света.

– Боже мой! – воскликнула она. – Это же ты!

В самом деле, в каждой из четырёх фигур он узнал себя.

– Да, – кивнул он. – Это я. Конечно. Как же я раньше не догадался.

Держась за руки, они обошли памятник и направились к растущему неподалёку высокому толстому ясеню. Без сомнения, это был тот самый яшень – дерева мощнее и выше не росло на всей Земле.

Спустя полминуты хлынул ливень, и море брызг поднялось над землёй, заслоняя обзор. Вскоре ничего уже нельзя было разобрать в этой плотной туманной пелене, как будто

всё растворилось в ней и превратилось в сплошной серый дождь.

Фото, использованное в оформлении обложки, принадлежит автору